

96 St

ДЭВИД ДУХОВНЫ

80 St

4 5

Lexington Av
63 St &

5 Av-59 St

4 5

7 Av

R N Q

18+

5 Av-53 St

50 St

49 St
Uptown only

47-50 Sts
Rockefeller Center

S

7

S

7

4 5

Times Sq

1 2 3

R N Q

R N Q

R N Q

R N Q

R N Q

R N Q

R N Q

R N Q

R N Q

R N Q

R N Q

R N Q

R N Q

R N Q

R N Q

R N Q

R N Q

R N Q

R N Q

B D F M

B D F M

B D F M

B D F M

B D F M

B D F M

B D F M

B D F M

B D F M

B D F M

B D F M

B D F M

B D F M

42 St

42 St

42 St

42 St

42 St

42 St

42 St

42 St

42 St

42 St

42 St

42 St

42 St

5 Av

Bryant
Park

42 St
Loop

34 St
L.I.F.

1 2 3

1 2 3

1 2 3

1 2 3

1 2 3

1 2 3

1 2 3

1 2 3

1 2 3

1 2 3

1 2 3

1 2 3

1 2 3

1 2 3

1 2 3

1 2 3

1 2 3

1 2 3

1 2 3

1 2 3

34 St
Herald Sq

E D F M

E D F M

E D F M

E D F M

E D F M

E D F M

E D F M

E D F M

E D F M

E D F M

E D F M

E D F M

E D F M

28 St

28 St

МИСС ПОДЗЕМКА

ДЭВИД ДУХОВНЫ
Мисс Подземка

«Фантом Пресс»

2018

УДК 82-31
ББК 84(7)

Духовны Д.

Мисс Подземка / Д. Духовны — «Фантом Пресс», 2018

ISBN 978-5-86471-812-4

Эмер – обычная жительница Нью-Йорка, по городу она перемещается на метро, покупает мороженое в лавочке на углу, преподает первоклашкам, но хотела бы стать писательницей. А еще у нее есть любимый мужчина, его зовут Кон. Но путь, которым она движется, – единственный ли жизненный путь? Дэвид Духовны, вдохновляясь древнеирландской легендой о герое Кухулине и его возлюбленной Эмер, населяет свой причудливый и жутковатый роман самыми разнообразными знаменитостями из мифологических пантеонов со всего света. «Мисс Подземка» – головокружительное любовное приключение в параллельных пространствах и временах, где Эмер предстоит сразиться с силами природными и сверхъестественными и отыскать собственный голос, личную силу и судьбу. Сказка о любви утраченной и обретенной, «Мисс Подземка» – еще и пылкое любовное послание неподражаемому Нью-Йорку.

УДК 82-31

ББК 84(7)

ISBN 978-5-86471-812-4

© Духовны Д., 2018
© Фантом Пресс, 2018

Содержание

Часть первая	7
Эмер	7
Кухулин Констанс	12
Rain наш насущный дождь нам днесь[28]	16
Ананси	20
Хесус и другие знакомые чужаки[49]	24
Иззи	26
Юнона	29
Сиды	31
Часть вторая	39
Эмер-II	39
Святая Маргарита (Антиохийская)	41
Джимми Ганвейл	45
Corvus corvidae[81]	49
Птичка Ням-Ням	51
Корвец	53
Киджиламу Ка'онг	55
Поезд впустую	57
Дражайший Фелляцио	60
Корвус fugit[103]	65
Иди спроси Алису[109]	68
Царь драконов доставляет	70
Солнце встает, в голове компот[114]	72
Паскаль был игроманом	73
Страх и трепет[119]	76
Святое сердце	78
Между собакой и волком	80
Женщина, которая упала на Землю[128]	83
Вещие сестры[133]	86
Отец, Сын и Святой Ух	87
Хан Со-ло	89
Мэй Вонг, отворот любовниц	90
Поезд любви[139]	94
Молот богов	98
Иммигрантская песня	102
И москит, и либидо	105
Эмили Д	110
Эффект Шварц-Силбермена	113
Водерз	116
Жуткое дальноедействие	119
Вомбат	120
Ослики, живем дальше	125
Любовь – дурман[170]	128
Поезд души[172]	130
Знакомьтесь – ганкана	133
Лосось мудрости	134

Опять на кону	135
Центральный парк Западвосток, 23	137
Мир Пуп-лички	140
Увидел – скажи[180]	144
Женоотворотница	146
Алгебра любви	149
Поезд мира	153
Подземная женщина	154
Поезд загадок	156
Женщина с жетоном	159
Мечь смертян	161
Часть третья	166
“Богизабытые”	166
Наконец-то дом	168
Ямайка-П.О	172
Ямайка ума	173
Благодарности	174

Дэвид Духовны Мисс Подземка

Моей матери, бравшей меня в первые поездки на метро в Музей естественной истории; там, где хотели бы, мы оказывались едва ли, но кто знал, что очутимся здесь? Наверное, в этом все дело. Любопытство и неискушенность научили нас ценить не пункт назначения, а поездку. Костям тираннозавра – за то, что они стали таким вот пунктом назначения среди грёз/кошмаров. Мэделин Уэст и всем бывшим и будущим Мисс Подземка – не сходите с поезда, пейзаж переменится. Тебя это касается тоже, Кид Миллер, ты в некотором будущем, возможно, станешь думать об Uber, как я пишу о метро. И Нью-Йорку, месту моего рождения. Однажды я оставлю тебя, но пока нет, не теперь.

*Из Царства-под-Волной она явилась
И в грёзы облеклась, чтоб он сверкнул
В ее корзине. Сиды ведь рыбацки:
Мужчин в два счета ловят на крючок,
А грёзы им – наживка.*

**У. Б. Йейтс,
“Единственная ревность Эмер”¹**

MISS SUBWAYS:
A Novel by David Duchovny

Copyright © 2018 by King Baby, Inc.

Published by arrangement with Farrar, Straus and Giroux, New York

Художественное оформление Андрея Бондаренко

© Ш. Мартынова, перевод на русский язык, 2019
© А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2019
© «Фантом Пресс», издание, 2019

¹ Пер. А. Блейз.

Часть первая

Даже сейчас, бывает, я в метро поднимаю взгляд на рекламу, закрываю глаза, а там – Мисс Подземка. Пусть и не самая красивая девушка на свете – зато наша.

Эд Коч²

Эмер

В 18:37 20 марта Эмер Ганвейл сидела в поезде линии МСП³ на Лексингтон-авеню глубоко под Манхэттенем, поезд несся в будущее, но, есть надежда, с остановкой на Девяносто шестой улице. Эмер старательно отводила взгляд от мужчин. Красивой она себя не считала, но кое-каким мужчинам кое-что иногда в ней нравилось. Кое-что. Иногда. Кое-каким. Будто она – один сплошной анекдот. Сине-зеленое преломление у нее в глазах эдакой обворожительной, вселенской, непринужденной меланхолии, словно она смотрит на все издали, с чуть ироничной отстраненностью. Баловалась йогой, иногда забиралась на “ИстэйрМастер”⁴ или велотренажер; ньюйоркчанка.

Здесь, в условном плену вагона метро, казалось, что мужская неотвязная потребность беспардонно пялиться на женщин превращается в жутковатую игру в гляделки. Бедро вращающую, облизываем губы, трахаем взглядом – утомляем. В обеззараживающем свете улицы эти мужчины себя так вести ни за что не стали бы, зато под землей, взаперти, они же прибегают к первобытным, чуть ли не тюремным ужимкам – проверяют, кто тут за главного. Прямо-таки подземный заповедник для крупной дичи, думала Эмер. Стэнфордский эксперимент здесь что ни день. Спасибо Джобсу за айфон, он втянул немало подземных странников в безобидную, зачарованную солипсическую грёзу, хотя подтолкнул некоторых добавлять к бездеятельным похотливым гляделкам настырное музыкальное сопровождение. Такая публика все равно что дети малые: думают, что раз они тебя не слышат, тебе их не видно.

Она рассмеялась от этой мысли и нечаянно встретилась взглядом с гомункулом, облаченным в тонкую полосочку, напротив нее; он счел это знаком расположения к себе Эмер и развел бедра на ширину даже не одного или двух, а целых трех сидений. Этот антисоциальный жест – *менспрединг* на несколько сидений, пусть вроде как проветривается солидное “хозяйство” – стал на несколько месяцев в 2014 году поводом для настоящей одержимости городских СМИ, породил отдельное понятие и шестидневную культурную войну.

Эмер ощутила, как холодная капля пота высвобождается у нее в правой подмышке и устремляется вниз по ребрам до широты пупа. Манафортоподобный⁵ бедра-вращающую в полосатом костюме – может, уолл-стритский, из верхнего одного или десяти процентов – выгнул брови и самую малость поддал тазом, достаточно неприметно, чтобы для общности все осталось в пределах убедительного отрицания. Пробежал языком по губам. Гадость какая. Пошлятина. Дважды невезуха. Эмер непроизвольно поморщилась и жестом изобразила тошноту – так, наверное, машут распятием перед Дракулой.

² Эдвард Ирвин “Эд” Коч (1924–2013) – американский юрист, политик, кинокритик, телеведущий, бывший мэр Нью-Йорка (1978–1989).

³ МСП, “Межрайонные скоростные перевозки” – частная нью-йоркская компания, обеспечивавшая работу нескольких линий подземного и наземного скоростного транспорта с 1904 по 1940 год.

⁴ “StairMaster” (с 1983) – американская компания, производящая тренажеры.

⁵ Пол Джон Манафорт-мл. (р. 1949) – американский юрист, лоббист, политический консультант, руководитель избирательной кампании кандидата в президенты США Доналда Трампа в 2016 году.

Без книги Эмер оказывалась редко; ей близки были романисты XIX века – Джордж Элиот, Джейн Остен, Чарлз Диккенс, но в этот раз печатного материала под рукой не оказалось. Эмер обнаружила, что ей смотреть на экран смартфона или планшета в движущемся поезде нельзя – мутит и голова кружится, но, пусть и осознавая, что в переполненном вагоне рвота могла бы освободить ценное пространство, Эмер все же выбирала коротать время, читая надписи и рекламу наверху стен вокруг нее. С тех пор как выучилась этому, Эмер читала навязчиво – и даже перечитывала – упаковки из-под хлопьев, тюбики зубной пасты, рекламу в метро. Эмер была читателем. Это ее определяло. И вот теперь вперила взгляд гораздо выше коленей полосатого и читала, что могла разобрать.

Первая реклама, привлекая ее внимание, фирмы страховщиков-стервятников “Уошингтон, Либовиц и Гонсалес”, предлагала лотерейные призы за сокрушительные диагнозы: 5,3 миллиона долларов за отравление свинцом, 6,3 миллиона – за краснуху, 11,3 миллиона – за мезотелиому и так далее. Повторяющиеся три десятых показались слегка подозрительными. Как так вышло, что любая кошмарная трагедия, способная тебя настичь, стоит целое состояние и три сотни тысяч долларов в придачу? Эмер произвела в голове жуткую арифметику, с какой, по ее убеждению, мы все имеем дело, сталкиваясь с подобными Фаустовыми юридическими сценариями. 11,3 миллиона за мезотелиому... уф, нет, нет уж, я пас, а вот 6,3 за краснушечку? Может быть, может быть. Все лучше, чем работать. И вообще, краснуха – это как?

Рядом с “Уошингтоном, Либовицем и Гонсалесом” размещался плакат из серии “Ход мысли”, придуманной ГТУ⁶; в этой серии массам на время их, масс, перемещения предлагалась потеха в виде литературных и философских цитат.

Проснувшись однажды утром после беспокойного сна, Грегор Замза обнаружил, что он у себя в постели превратился в страшное насекомое.
*Франц Кафка*⁷

“Превращение” – один из ее любимейших рассказов. Она где-то читала, что Кафке не давались чтения этой его работы – его скручивало от приступов смеха. Невозмутимый юмор, порожденный непостижимым ужасом. Литературный эквивалент ее любимого комика актера Бастера Китона. Кафка – мрачный фантазер, чья безыскусная проза читалась как газетные байки из ада на земле. Эмер задумалась над тем, мудро ли вызывать призрак таракана, самый настоящий антиталисман Нью-Йорка, в сознании пассажиров метро, заточенных под землей – там, где уютнее, прямо скажем, паразитам, чем людям. Она видела, как тараканы размером с Нью-Джерси и крысы, каких в пору седлать, играют на путях, будто хозяева этих мест, – как в постапокалиптическом диснеевском фильме.

Убивать ей не нравилось никого, она еще с колледжа была от случая к случаю нестрогой, незашоренной, стихийной вегетарианкой – прочла тогда “Диету новой Америки”⁸, – но для тараканов, мух и комаров делала исключение. (А также для очень хороших суси.) Некоторые насекомые заслуживают смерти. Эмер мимолетно задумалась о вирусе Зика и его скорбном урожае розовоголовых младенцев с поврежденным мозгом. У нее самой детей не завелось. Ей был сорок один год.

Мельком посмотрела вниз, проверить, чем там занят эль-нараспашку, и – блин, черт бы драл – встретила с ним глазами, не смогла скрыть, как суетливо и виновато поморщилась, и заметалась в поисках, что бы прочесть. Нервно обежав взглядом вагон, она удивилась, до чего свирепые и мстительные фантазии о расплате ее посетили. Ее внутренний судья и в мыслях

⁶ ГТУ, Городское транспортное управление (с 1968) – крупная транспортная компания, осуществляет перевозки в двенадцати округах на юго-западе штата Нью-Йорк и в двух округах на юго-западе штата Коннектикут.

⁷ Перевод С. Апта

⁸ “Diet for New America” (1987) – американский бестселлер популяризатора вегетарианства Джона Роббинза.

никогда не имел оправдания – все как у Хаммурапи, око за око, с большим креном в поэтическую справедливость. Возмездие – в виде оскорбительных органов этого мужчины. *Ово* за око. В мыслях мелькнул незванный образ: причиндалы обидчика размазаны по третьему рельсу, под грохочущим поездом. Эмер за этот образ стало стыдно. Чуток жестковато все же. Может, нечто подобное порекомендовал бы драконище Джулиани⁹. Она тряхнула головой, вспомнила деньки шепелявого, шипучего мэра-черепушки.

Эмер навела взгляд на следующий плакат – на нем, к ее удовольствию, красовалась новая участница состязания “Мисс Подземка”. Мисс Подземка? Правда, что ли? Эмер, так уж вышло, о том стародавнем конкурсе красоты знала все.

Там все было по-настоящему. Эмер читала про этот конкурс по программе урбанистики, которую проходила несколько лет назад в Хантер-колледже, – решила посещать там курсы время от времени, поскольку, перефразируя Дилана, если не занят рождением или учебой, занимаешься смертью¹⁰. Требования для участия в конкурсе были одновременно и мягкие, и трогательно патриархальные: претендентка “должна подходить по возрасту, быть жительницей Нью-Йорка и пользоваться подземкой”. 1941 год, между прочим. Но какими бы причудливыми ни казались ограничения, сам конкурс был прогрессивным, открытым любым расам и этносам, – таким еще не одно десятилетие не станет никакой другой американский конкурс красоты. Хотя и шут гороховый, но все же человек глубокий, бывший мэр Эд Коч однажды сказал: “Даже сейчас, бывает, я в метро поднимаю взгляд на рекламу, закрываю глаза – и там Мисс Подземка. Пусть и не самая красивая девушка на свете, зато наша”.

Размышления о более, казалось бы, невинном прошлом, когда кутерьма личной жизни у людей была, несомненно, такой же, однако фасад – то, как о внутреннем говорили на публике, – получался гораздо проще, а угадывать правила приличий было куда легче, навяли на Эмер сонливое тепло. Словно пунктирные объявления об эпилептическом припадке, мерцали огни. “Достоевский”, – пробормотала она про себя, будто этот еще один человек подземелья – талисман. Сама подземка подобна утробе, темной, гудящей, и Эмер, с трудом засыпавшая в постели по ночам, нередко задремывала сидя, в пути. Сон среди чужаков в людном вагоне нью-йоркской подземки – жест доверия, от которого и святой блаженно разрыдался бы.

Поезд содрогнулся от незапланированной остановки между станциями, погас свет. Все хором застонали. Вот красотища-то, забеспокоилась Эмер, я и так опаздываю. Кон хочет, чтобы я была при нем. Хочет, чтобы я была при нем, но хочет при этом и не видеть меня в упор. Как ребенок, мужчина-ребенок. Но это ничего. Это его час, его звездный час, а у нее по-прежнему имелось тайное желание, тайный внутренний замысел. Такие замыслы вынашиваются во младенчестве цивилизации – и в более примитивных уголках суеверного мозгового ствола, что находится под рациональным современным передним мозгом, как вода, бегущая под камнем. Скорее даже надежда, нежели замысел, желание, которым Эмер не делилась ни с кем, опасаясь, что ее высмеют как старомодную девушку.

Сейчас она даже слова у себя в уме не лепила. Думала только о победительницах конкурса “Мисс Подземка”. В июле 1946 года ею стала некая Энид Берковиц, чья биография, помещенная рядом с броским фото темноволосой еврейки, гласила: “Изучает искусства в Хантер-колледже, увлекается рекламой и дизайном костюма, нацеливается на звание бакалавра, но будет рада и званию миссис”.

Шаг вперед, полшага назад. В апреле 1948 года, за тридцать пять лет до коронации первой черной Мисс Америка, встречайте карамельную Мисс Подземка Телму Портер, “поет в хоровом кружке, поклонница Гершвина”. Ну разумеется. Шаг вперед и... ну, как-то.

⁹ Рудольф Уильям Луис “Руди” Джулиани (р. 1944) – американский политический деятель, республиканец, бывший мэр Нью-Йорка (1994–2001).

¹⁰ Парафраз строки из песни “It’s Alright, Ma (I’m Only Bleeding)” из альбома Боба Дилана “Bringing It All Back Home” (1965).

К середине 1970-х старушка Мисс Подземка потихоньку ушла в тень – таковы неизбежные издержки феминистского сознания, – однако в 2004-м “Нью-Йорк пост”¹¹ конкурс возобновила – из ностальгических соображений. А теперь вся эта затея словно возвращалась к жизни еще раз – постиронически, в 2017-м. Эмер казалось, что она шагает слегка не в ногу со временем: иногда она думала о временах того конкурса, когда можно было без насмешки сказать о Рите Роджерз, девушке, прославившейся в марте 1955-го: “Блистательная темная брюнетка, Рита в прошлом июне окончила с отличием колледж Нотр-Дам на Стэйтен-Айленде. Работает в журнале. Любит фехтование. Мастерски вяжет носки в ромбик”. Что ж, тушэ, какой мужчина устоит перед девицей, способной вывязать ромбик? (Это мизогиния? Чистая ностальгия и потому исключает любые вопросы мизогинии? Ее дядя, коллекционировавший бейсбольные карточки Негритянской лиги¹², не считался расистом. Но, что еще важнее, не слишком ли Эмер стара участвовать?)

Вновь зажегся свет, поезд тронулся. Эмер сэкономит время – не поедет до Девяносто шестой, а сойдет на Восемьдесят шестой и пробежит шесть кварталов до “Ю” на Девяносто второй¹³. Даже на таких каблуках. Правой рукой нащупала шрам у себя под волосами, у левого уха, отголосок операции, когда почти уже десять лет назад ей удалили доброкачественную опухоль из височной доли. Эмер уже осознала, что это вошло в привычку, и все меньше удивлялась, лоя на какой-нибудь отражающей поверхности свой образ со вздетой к голове рукой.

Размышляя об этом тике, она поняла, что это заземление, бессознательное напоминание о том, кто она такая, какова ее история, какие ухабы ей довелось преодолеть, – и напоминание о смертности. У нее случались очень незначительные, неуловимые судороги и мимолетнейшие галлюцинации, но все это исчезло, когда удалили опухоль. Эмер полагалось проверяться по крайней мере раз в год, но последние пару лет она разгильдяйничала, говорила себе, что ощутит сама, рукой, если возникнет что-то, требующее внимания. Такова была ее тайна, которую она прятала от матери, пока та была жива, и до сих пор скрывала от отца и всех друзей, даже от своего парня, что иногда чувствует себя под властью галлюцинаторной мысли, впадает среди бела дня в состояния, подобные снам глубокой ночью. Будь она честна с собой, признала бы, что галлюцинации ей нравятся. Случались они редко и бывали красивы, а после них Эмер ощущала изможденный покой, какой бывает у многих эпилептиков после припадка. Но, да, она сходит ко врачу. Просто не на этой неделе.

Единственный внешний признак чего-то вне нормы – разница в размерах ее зрачков. Один черный круг среди зелени был чуть шире, крупнее другого, как у некоторых инсультников, но у Эмер инсульта не случилось. Всего лишь последствие операции, которое врачи объяснить не смогли, и Эмер, проплакав неделю над своей поруганной симметричностью (как выяснилось, никто этого даже не заметил), начала радоваться, что теперь она похожа на Дэвида Боуи, а это воплощало для нее некое мятежное шизанутое несоответствие общепринятому – словно один глаз, который с меньшим зрачком, сосредоточен на свете дня, а другой, с большим зрачком, правый, всегда настроен на тьму и ночь.

Убрав руку от головы, она вновь посмотрела на полосатого-нараспашку, подумала о Конне и о том, как они прошлой ночью занимались любовью. Ей нравился оборот “заниматься любовью”, словно само это действие приносило в мир что-то новое, что-то создавало – прибавляло самой любви. Кону это удавалось очень хорошо. Они прожили вместе не один год, и Эмер

¹¹ “New York Post” (с 1801) – ежедневный нью-йоркский таблоид, одна из самых крупнотиражных американских газет.

¹² Негритянские лиги в США объединяли изначально любительские, а затем и профессиональные бейсбольные команды, состоявшие преимущественно из афроамериканцев; первые объединения возникли в 1880-е годы; последняя такая лига – Негритянская Американская – проводила финальные игры в 1950-е. Позднее команды Негритянских лиг были постепенно интегрированы в Главную лигу бейсбола.

¹³ “Ю” на 92-й (92Y) – культурный общественный центр в Верхнем Ист-Сайде Манхэттена, на углу 92-й улицы и Лексингтон-авеню. Полное название – “Еврейская ассоциация юношей и девушек на 92-й улице”.

иногда казалось, что последовательные шаги в их занятиях любовью были предсказуемы, как крестные стояния Христовы. Кон и Эмер ложились в постель, рука Кона скользила по бедру Эмер, он поворачивал ее к себе, тридцать секунд они целовались, пока его руки исследовали и раскрывали ее, далее пара минут обязательных, но все равно блаженных оральных радостей, следом – десять-пятнадцать минут довольно пылкого совокупления в двух-трех позах, венчающихся одновременным, взаимно обеспеченным оргазмом.

Если накладывать это клиническое описание на их по-прежнему еженощный ритуал, задним числом, в пересказе, получалось похоже на зубрежку, на методичку по сборке оргазма, но на деле совсем не казалось вызубренным. В постели Кон полностью присутствовал в своих прикосновениях, и его присутствие порождало и в ней порыв к полному присутствию. Может, и не фейерверк, зато действенно. Ей нравилось ежедневно заниматься с Коном любовью в завершение дня, и повторяемость их движений не казалась Эмер скукой марионеток, выполняющих механическую работу, – ее познали, познал ее мужчина, и она, в свою очередь познав, ублажала этого мужчину. Вообрази она, что больше им не заниматься любовью, Эмер бы заплакала. Вот и гнала она от себя эту мысль.

Ее мужчина, а не этот хеджево-фондовый симулякр мужественности напротив нее. От имени всех бывших и будущих Королев Подземки она решила бросить вызов этому ноги-врас-топырку с Уолл-стрит. Решила произнести слова “Нахуй пошел, козел” и удалиться из вагона, тихо торжествуя. Она застанет обидчика врасплох, ошарашит его, отвлечет внимание, парализует отповедь. Поделом же будет этой напыщенной самодовольной мудацкой роже. Небось на братьев Леман¹⁴ работал, обсос, и теперь из-за него рецессия. Загнать бы ему в жопу весь этот кризис со свехрисковыми ипотеками. Эмер почувствовала себя праведницей. Глубоко вдохнула и вперила взгляд в Леман-растопырку, язык уже уперся в верхние зубы, приготовил очень заглавную “Н”...

Но мужчина задремал, мечтательно приоткрыв рот, как мальчишка. Раздвинутые колени свел по-детски, сидел в младенческой позе. У Эмер опали плечи. “Эх...” – непроизвольно произнесла она, а затем вздрогнула и задумалась: что за херня со мной такая? – и тут кто-то счел ее не предметом, а преградой, и толкнул сзади, чтобы протиснуться к открывавшимся дверям вагона.

¹⁴ “Lehman Brothers Holdings, Inc.” (1805–2008) – американский инвестиционный банк, ранее один из ведущих в мире финансовых конгломератов; обанкротился в 2008 году.

Кухулин Констанс

...Большие корабли везли экзотический груз. Сливы, папайи, бамбук, людей с глазами, как миндаль, с кожей черной, бурой кожей, желто-белой в голубую прожилку. Все это – в открытую, торговля, расписанная педантичной рукой в параллельных столбцах с пометками “дебит” и “кредит”.

Но всегда найдутся безбилетники.

За проезд платят не все. Взять вот крыс в недрах торговых судов курсом на Гавайи. Крысы и змеи родом не с тех островов. Никакая добыча не развила там умение скрываться от крыс и змей. Эти хищники безбилетники жадно попирали беззащитными певчими птицами. Нет больше певчих птиц на Гавайях. Безбилетники, нелегальные понаехавшие, если угодно, творят неписаную историю, байку истории. Прощай, птичка гавайская цветочница. {слайд}

Это называется “эволюция”. Или неразумный замысел, если хотите, в котором недоучка Человек нынче вечером играет роль Господа. Кто-то скажет, что Бог отрекся от власти железного кулака в пользу незримой руки Адама Смита. Говорят, Бог гневается – и не просто так: вероятно, он заскучал от этой роли и алчет новых горизонтов – может, Марс? {слайд с Илоном Маском} Или по какой-нибудь из многих планет в зоне Златовласки?¹⁵{слайды: Кеплер442b, 452b, Проксима Центавра b и т. д.} Или, может, хочет проводить больше времени с семьей? {слайд с Кардашьянами; вскинуть брови, как у Белуши¹⁶, ждать взрыва хохота}

Но так не только с Гавайями. Безбилетники колонизировали мир – притащили с собой новую флору, фауну и заразу туда, где прежде их не было. Полвека назад погибли почти все наши местные вязы – их сгубила “голландская” болезнь вязов; на самом же деле это грибок из Китая, который переносят жуки, откладываящие под корой зараженные личинки. То же касается и внезапной гибели дубов, увядания берез и гнили каштана благородного.

Оспа прокатилась на океанских кораблях, перетаскивавших целые экосистемы, и сокрушила неподготовленные местные иммунные системы. {слайды} Тараканам – а это еще один ключевой символ Нью-Йорка – раздолье на Большом Яблоке после их бесплатной поездки на рабовладельческих судах из Африки.

Как и Мэлком Глэддуэлл до меня – а также Стивен Левитт и Майкл Льюис¹⁷, – я надеюсь осмыслить вашу жизнь, скрестив статистику с упрощением. Статистика станет вам новым богом, а вероятность – Роком. Если скрестить Мэлкома Глэддуэлла {слайд: Глэддуэлл целует птичку “Твиттера”} и сдвинуть чуть вправо, получусь я.

Мой довод таков: те суда, что привезли иммигрантов и крыс, рабов и тараканов в Новый Свет, привезли с собой и богов с традициями, и сказки с суевериями. Америка – теологический плавильный котел, вселенское рагу, глина богов. Вы уже в курсе, что история есть присвоение. Что у наших римских богов сперва были греческие имена. Что Зевс стал Юпитером, а Афродита – Венерой. Исер Данилович {слайд с Керком Дугласом} стал Керком Дугласом, а тот – Спартак. Роберто {слайд бейсбольной карточки} стал Бобом Клементе. Альберт Эйнштейн стал Альбертом Бруксом¹⁸. {слайд/слайд, смех}

¹⁵ В русскоязычной литературе также зона обитаемости, зона жизни.

¹⁶ “Keeping Up with the Kardashians” (в российском прокате “Семейство Кардашьян”, с 2007) – американское реалити-шоу с участием членов обширной семьи Кардашьян, все светские львы, предприниматели, фотомодели, актеры. Джон Белуши (1949–1982) – американский комедийный актер, сценарист, певец.

¹⁷ Мэлком Глэддуэлл (р. 1963) – канадский журналист, поп-социолог, в прошлом – журналист “Вашингтон Пост”, глава нью-йоркского бюро газеты, с 1996 года штатный автор журнала “Нью-Йоркер”. Стивен Левитт (р. 1963) – американский экономист. Майкл Монро Льюис (р. 1960) – американский писатель, финансовый журналист.

¹⁸ Роберто Клементе Уокер (1934–1972) – пуэрториканский профессиональный бейсболист Главной лиги бейсбола, выступал за клуб “Питтсбургские пираты”. Альберт Брукс (ур. Альберт Лоренс Эйнштейн, р. 1947) – американский актер, комик, кинорежиссер, сценарист.

Номенклатуру творят победители.

Вы считаете, что Христос родился 25 декабря, потому что большие шишки от христианства пытались сделать силовой переход от язычества к монотеизму как можно более безболезненным, верно же? А 25 декабря и дни вокруг этой даты уже были большим праздником во всех организованных человеческих сообществах – зимнее солнцестояние, правильно? {слайд со Стоунхенджем – может, сцена “Стоунхендж” из “Спинномозговой пункции”¹⁹. Дешевый юмор? Чего б и нет?}

А пасхальный миф о воскресении Иисуса и то, как этот миф втянул в себя многочисленные возвращения из потустороннего мира, что произошли до него? Озирис, Беовульф, Персефона. {слайды} И раз уж у нас с вами речь о 25 декабря: это идеальный пример того, как чужестранный бог мутирует ради выживания. Святой Николай, или Синтер Клаус / Синтер Класс, {слайд} приехал зайцем с голландцами, они первыми стали заправлять Манхэттеном – ну, после коренных местных, понятно.

В 1773 году, после Бостонского чаепития, старину святого Ника воскресили как символ нью-йоркского неанглийского прошлого, то был голландский средний палец, показанный британцам, и святой покровитель предреволюционных обществ, что возникали и назывались сыновьями святого Николая. Вот так святой Ник восстал со смертного одра – сперва символизируя собой неанглийское самоопределение оперявшихся революционеров, а затем – шаг еще более смелый – практически слившись с образом Иисуса Христа и Рождества. {слайд: Иисус в красном рождественском колпаке} Пожалуй, именно транжир и даритель подарков святой Ник помог Христу облечься мантией американского капитализма и при содействии кальвинизма наделить святым благословением всемогущий доллар. Можно даже сказать, что святой Ник помог Христу в большей мере, чем Христос помог святому Нику, поскольку некоторых – и я говорю “некоторых” – все еще может задеть вид самого Иисуса Христа, с удовольствием потягивающего ледяную кока-колу. {слайд}

Возвращение из загробного мира, воскресение – эта песенка людям уже была известна, и она им нравилась, а потому святой Павел и первые патриархи просто накидали новых имен, новых слов на старую музыку. Саул стал Павлом, солнцестояние – Рождеством, многие стали единственными. Грубое, действенное и достославное переобустройство души. Первое сокращение штата. Рейдерский захват духа, гордость Джека Уэлча, досада Оливера Стоуна²⁰. {слайд, смех} Пантеон выродился в Единого. Попутно задайтесь вопросом: что такое эти мириады святых как предмет поклонения, не говоря уже о Культe Марши, если не взятка задавленным обращенным язычникам, скучавшим по сонму богов, взятка в особенности женщинам, тосковавшим после сокращения штата по Ваалу, или Зевсу, или Матери Природе? Эдакое подмигивание, plus ça change, plus c'est la même chose²¹, братья и сестры.

И еще один мой вам сегодняшний довод: отход от болтливых раздоров между многочисленными богами к единственному Иегове произошел еще раз – в миниатюре и ускоренно – в Нью-Йорке примерно между 1800-м и 1935 годом. И я неспроста точен с датами: все ради того, чтобы вы решили, будто мой довод – научный.

Наши предки-иммигранты, миновав Эллис-Айленд, ввезли с собой контрабандные верования, своих богов в Мир Нового Порядка и тем самым безнадежно засорили сияющую поверхность официальной монотеистической Америки БАСП²². Хоть и отсиживали они при-

¹⁹ “Spinal Tap” – британская пародийная рок-группа, подражающая стилю британских хеви-метал коллективов, впервые появилась на телеканале Эй-би-си (1979), позднее о группе был снят псевдодокументальный фильм “Это Spinal Tap” (1984).

²⁰ Джон Фрэнсис “Джек” Уэлч-мл. (р. 1935) – американский предприниматель, бывший генеральный директор компании “Дженерал Электрик” (1981–2001). Уильям Оливер Стоун (р. 1946) – американский кинорежиссер, сценарист, продюсер, обладатель трех премий “Оскар”.

²¹ Многое меняется, многое остается прежним (фр.).

²² Белых англосаксов-протестантов.

нудительный карантин из-за возможной оспы или иных заразных недугов с упадочного континента, {слайд: юный Вито Корлеоне из “Крестного отца” ждет на Эллис-Айленде} никакого карантина не хватило бы, чтобы излечить их от духовной заразы родовых традиций и верований. Боги бессмертны, а потому терпеливы. Иммигранты и их боги ждали вместе.

Видите, единственная американская религия, единственная религия, прижившаяся на американской почве, – и я тут по своему капризу не принимаю во внимание сайентологию, поскольку даже мне не по нутру тупорылая смесь буддизма с научной фантастикой имени Мамаши Хаббард²³ {слайд с Томом Крузом или Траволтой} – мормонство, или Церковь Святых последних дней. {слайд с Миттом Ромни} Гений Джозефа Смита²⁴ – слово “последний” в “последних дней”: время чудес не вышло, мы не опоздали. Ну есть же нечто унылое в старосветском христианстве, которое вечно оглядывается на старые добрые дни чудес воды-вино? Почему людям прошлого доставались доказательства, а нам – одна лишь вера? Джо Смит разобрался с этим делом. Нет, сказал Джо, эта шумовая херня происходит по-прежнему.

Дарвиновскую борьбу мы наблюдаем между биологическими видами, среди идей, и, намекаю я вам, есть она и среди богов. А что, если местные боги и боги разных стран ушли бы в подполье или смешались бы, скрестились друг с дружкой – в точности как люди подвластных этим богам земель? Вообразите, какие новые боги появились бы в мире – гибриды с непредсказуемыми чокнутыми сочетаниями древних умений; до чего крутым стал бы Супермен с техническими примочками Бэтмена? {слайд}

А что, если тех старых богов скрестить с людьми на манер того, как это устраивали себе похотливые греческие божества? Как Леда и лебедь. Позвольте процитировать Йейтса: “И рождена кошмарная краса”²⁵. Какие еще кошмарные красы есть нынче вокруг? Какой-нибудь гибрид греческого Гермеса с “Битсами”²⁶ в ушах, а не с крыльшками над ними? {слайд: Меркурий в наушниках}

И вот тут вы вольны освистать меня, вы, светские люди, либеральные релятивисты. Говорю вам: эта оторванная от действительности борьба – всамделишная. И у нее есть последствия. Это не просто “полемика”. Говорю вам, судить, какие системы верований хуже, а какие лучше, можно. Как вершится эволюция человечества, так же вершится и эволюция богов: мы превосходим обезьян, а новый бог превосходит старого. Старые боги – это хорошее развлечение, {слайд из “Сумерек”} хорошие кассовые выручки, зато не лучшая пища для души. Стою я сегодня перед вами, я, релятивист, пришедший крушить релятивизм, и говорю: Коран – работа слабее Нового Завета, а греческие боги и африканский фольклор, улучшенные в смысле морали и впитанные в историю о Христе, – еще более авангардная перелицовка.

Теперь я желаю потолковать об этой стране. Желаю сказать вам, что, да, здесь церковь отделена от государства, но христианство – общее верование внутри системы, и оно стало ключом для ассимиляции всех этих сгрудившихся бедняцких масс, позволило Америке стать великой. И я желаю помпезно заявить, что развал этой сущностной системы на составляющие в нашем подходе к образованию и общественному устройству представляет собой подлинную и насущную, а не просто художественную угрозу.

²³ “Мамаша Хаббард” (“Old Mother Hubbard”, 1805) – английская детская песенка, текст до сих пор не подлежит однозначной трактовке. Лафайет Роналд “Рон” Хаббард (1911–1986) – американский писатель-фантаст, создатель религиозно-мистического движения Церковь сайентологии (1954) и дианетики (комплекса псевдонаучных идей и практик). В Церкви сайентологии состоят несколько американских знаменитостей.

²⁴ Уиллард Митт Ромни (р. 1947) – американский политик, кандидат в президенты США на выборах 2012 года от Республиканской партии, действующий епископ Церкви Иисуса Христа Святых последних дней (мормон). Джозеф Смит-мл. (1805–1844) – американский религиозный деятель, основатель и первый президент Церкви Иисуса Христа Святых последних дней (1830–1844), основатель движения Святых последних дней.

²⁵ Из стихотворения “Пасха 1916 года” (написано в 1916-м, впервые опубликовано в 1921 году).

²⁶ “Beats Electronics” (осн. 2006) – американский производитель наушников и динамиков.

Потому что древние боги не мертвы. Они среди нас со всеми своими языческими представлениями и привычками, ждут возрождения. Им одиноко. Им скучно. И они очень, очень озлоблены. Они устали ждать, они чувствуют, что неминуемо настает их час. Нет такой стены, какой можно от них отгородиться, расе Доналд²⁷. Боюсь, их время опять пришло.

²⁷ Отсылка к высказыванию президента США Доналда Трампа от 5 мая 2018 года о политике США в отношении границы с Мексикой. *Race* – при всем уважении (*лат.*).

Райн наш насущный даждь нам днесь²⁸

На бегу по дороге к “Ю” Эмер замедлила шаг у “Хлеба насущного” и оглядела выпечку в витрине. Ее всегда завораживало, как хозяйева этой конкретной франшизы словно бы не сознают, что впаривают прохожим ежедневную дозу кофеина, хлеба и печали – их насущную боль. Эмер уселась с горячим какао и булочкой, прекрасно понимая, что лекция Кона с минуты на минуту начнется. Да, баклуши она была отчасти из вредности, но от горячего какао ей делалось уютно. Взберется завтра на “Версаклаймбер”²⁹ и все отработает.

В “Ю” она вошла, когда Кону осталось минут пять, то есть, по сути, Эмер прогуляла всю лекцию. Она все равно знала эту речь наизусть, подобрала для нее много материала, но все-таки. Считала, что ради Кона ей надо присутствовать. Маленький зал был полон примерно наполовину, половина этой половины, кажется, спала. Аплодисменты в конце получились не то чтобы оглушительными – скорее, казалось, что пятнадцать пожилых людей проверяют ответственность знаменитых приспособлений “Хлоп”³⁰.

Кона ей стало жалко. Даже этот вялый отклик рождался слишком долго. Кон пахал на этот опус целыми днями больше десяти лет, доходов толком никаких не приносил – ну, может, время от времени писал какую-нибудь книжную рецензию с упором на чувства, за пару баксов. И хотя Кон мечтал, что его работа “прорвется” (куда, интересно?), сколько принесет казне несколько правофланговый трактат о дохристианских божествах и фольклоре в Новом Мире (“Дж. К. Роулинг знакомится с Майклом Льюисом в лондонском пабе, они трахаются и рожают ребенка, которого воспитывает Уильям Бакли”³¹)?

Ну вот правда, никак не нащупать Кону сцепления с этим раздробленным, бедным на внимательность интеллектуальным рынком. Кон даже не смог выбить интервью с еще-не-опороченным, успевшим-до-“я не боюсь сказать” Чарли Роузом, пусть и близко знал одного продюсера и применил “закос под Джозефа Кэмбла”³² как выпендрожную наживку. Филеры отправили его к “людям Джимми Фэллона” в “Сегодняшнее ночное шоу”³³, но не прокатило, как не прокатило и незапланированное размахивание руками, чтобы добраться до Келли Рипы³⁴ (Эмер занималась с ребенком одной женщины, которая заявляла, будто близка с этой известной утренней телеведущей.) Работе Кона, похоже, суждено было стать тем одиноким деревом, что падает в лесу; он сам говаривал: “Боюсь, мы наконец получим ответ на вопрос, что есть хлопок одной ладони”.

Ей было жалко своего мужчину, потому что слишком большая часть мирского успеха, казалось, сводилась к расчету времени, – в случае Кона этот расчет оказался скверным. Восхождение Трампа сделало в этих местах политикой единственным так называемым интеллектуальным развлечением. А вот пять лет назад прилежный, многолетний труд Кона мог бы смотреться провидческим, предвосхищающим гибридное чудовище вроде нынешнего президента, в

²⁸ Парафраз Мф. 6:11. *Pain* – хлеб (*фр.*); по-английски так же пишется слово “боль”.

²⁹ Американская марка тренажера.

³⁰ Сан-францисское изобретение (1996) – насадка на электрический тумблер, позволяет включать и выключать свет хлопком в ладоши.

³¹ Уильям Бакли (1780–1856) – английский заключенный; его выслали из Англии в Австралию, где он совершил побег и много лет прожил среди аборигенов под прозвищем Дикая белая собака.

³² Чарльз Пит “Чарли” Роуз-мл. (р. 1942) – американский телеведущий и журналист, брал интервью у нескольких мировых лидеров планеты; в 2017 году среди прочих публичных фигур оказался втянут в скандалы, связанные с сексуальными домогательствами. Джозеф Джон Кэмбл (в русскоязычной литературе Кэмпбелл, 1904–1987) – американский исследователь мифологии, наиболее известный благодаря своим трудам по сравнительной мифологии и религиоведению.

³³ Джеймс Томас Фэллон (р. 1974) – американский актер, комик, музыкант, телеведущий; “The Tonight Show Starring Jimmy Fallon” (с 2014) – ток-шоу Фэллона на телеканале Эн-би-си.

³⁴ Келли Мария Рипа (р. 1970) – американская телеведущая, актриса, продюсер, комик.

наступившую же эпоху Трампа предупреждения Кона выглядели запоздалыми бессильными шифровками. Вином из прокисшего винограда. Вот поэтому Эмер и было его жалко – и как мыслителя, и как мужчину. Время. Все сводится к нему, что ли? Ей подумалось, что в другую эпоху, может, в дохристианскую, Кон мог быть королем – королем, даже подобным его тезке, Йейтсову Кухулину, поскольку были в Конне потенциально героические свойства ума и тела: он алкал битвы, но опоздал к достойному противнику на несколько лет – или на несколько тысяч лет.

В нынешнем мире он был никем. Лишенный врага, втиснутый в неподвижность, он всей натурой своей нуждался в драке. А без достойного противника, без отдушины для мужского героизма его царственность перла боком – в дурацких амбициях и бурлившем неудовлетворении. Эта нужда в драке вывертывала ему душу вправо куда больше, чем было ему свойственно, и Эмер это понимала. Она опасалась, что любимое ею в нем способно в конце концов, если мир это в нем не востребует, стать тем, что может извратить или даже убить его, – или, во всяком случае, утащить с их семейного ложа. Такова была судьба королей последних дней, размышляла Эмер.

Потому-то Эмер в эти годы работала упорнее – и почти незримо, – чтобы обеспечить Кону, как мужчине, подпорки: пусть ее мужчина кажется стороннему глазу преуспевающим, благоденствующим. Сама она лелеяла едва ли сознательную мечту стать писателем, но тщательно ее замалчивала, довольствовалась положением бесплатного научного референта на проекте Кона. А вдобавок к обучению первоклашек в школе Св. Маргариты в Нижнем Манхэттене Эмер, лишь бы обеспечить Кону все время, необходимое ему для работы над книгой, подкрепляла свои доходы, репетиторствуя с детьми состоятельных ньюйоркцев, – натаскивала их на экзамены АТК и АОТ³⁵. На это можно жить. Каждый год у предыдущего нервного и избалованного поколения вызревал новый урожай нервных избалованных деточек, и эти деточки готовились к прыжкам сквозь стандартизованные обручи, каких требовали “Плющи” и все, что к ним прилегал.

Двадцать-сорок дополнительных рабочих часов Эмер в неделю хватало, чтобы наскрести на сносное существование их паре в квартире с контролируемой арендной платой в Верхнем Уэст-Сайде. За свои услуги Эмер брала неприлично много, однако не так уж неприлично, если понимать, с кого она брала. Когда ее вводили в солнечные, просторные квартиры на Пятой авеню поддержать за ручку какую-нибудь девочку из третьего поколения Бриэрли³⁶, полюбоваться на Дэвидов Сэлле, Баскья и Шнэйблов³⁷, развешанных по стенам, – в кухне при этом повар, в прихожей горничная, а мамаша на пилатесе, – Эмер видела, где переплавили и отлили заново все то, что утекло при финансовом кризисе 2008 года. Сидя в домах у этого полпроцента населения, жуя мелкую морковку или вкуснейшие безглютеновые мадленки, Эмер ощущала присущую лишенцам отнюдь не отвратительную враждебность.

Она отдавала себе отчет в том, что эта ее вторая “работа” в сердцевине своей – порожня, но думала Эмер об этом не потому, что таила могучее стремление к какой-то другой славе – к тому же некоторые детки, которых она учила, ей по-настоящему нравились, – а потому, что прививала она им, по сути, бессмысленный навык: как сдать экзамен. Это почти то же самое, что давать подсказки, как решать кроссворды, или скручивать куда надо кубик Рубика, или играть в компьютерные игры. И все же работала она именно с детьми, пусть и принимала потом

³⁵ Американский тест для колледжа (ACT, American College Test); Академический оценочный тест (SAT, Scholastic Assessment Test).

³⁶ Имеется в виду частная манхэттенская школа Бриэрли для девочек из очень богатых семей.

³⁷ Дэвид Сэлле (р. 1952) – американский художник и сценограф, одна из ключевых фигур американской постмодернистской живописи. Жан-Мишель Баскья (1960–1988) – американский художник гаитянского и пуэрториканского происхождения, один из выдающихся неоэкспрессионистов. Джулиан Шнэйбл (р. 1951) – американский художник и кинематографист, неоэкспрессионист.

кровавые деньги у их родителей, а к тому же, не имея своих отпрысков, чужих Эмер любила – многих, по крайней мере, даже вот этих, привилегированных.

Жуя мадленку и наблюдая, как ее подопечная осуществляет неведомо какую по счету попытку преодолеть АТК, Эмер вновь и вновь размышляла о бесплодных дерзаниях Кона. Он считал, что по его книге можно снимать кино. Кино, в котором старые сказки и мифы облеклись бы новыми одеждами – для беспамятного и капризного поколения, не интересующегося нравственностью плагиата и установления авторства, – и, возможно, Кон не ошибался. Они свою музыку получают задаром – может, поэтому им плевать на собственность создателя? Может, этого добился рэп? Вот о чем думала Эмер. С этим бесконечным сэмплированием наконец умер спор об оригинальном творении? Если не считать эпизодических многомиллионных судебных тяжб, кому какое дело, откуда взялся этот неоспоримый “крюк”, который погодя присвоили себе Канье, Кендрик или Джей Зи?³⁸ Не у черного ли человека его сперли изначально? А ну как всё принадлежит всем? Разве это не положительная, демократичная тенденция? Можно ли выписать чек человеку, изобретшему блюз?

Нет, в этом отношении она оставалась старомодной. Ей нравились и признание авторства, и подотчетность. Эмер казалось несправедливым, что такая вот штука, как “Голодные игры”, бесстыжая переработка в феминистскую телеэпоху “Лотереи” Шёрли Джексон³⁹, без труда и вразвалочку проникла в народное сознание – и в кубышку миллиардеров. Или эти киношки из серии “Сумерки” – такие значимые сколько-то лет назад. Старый вампирский кунштюк, просто с красивыми насупленными изгоями-старшекласниками. Блистательно? Да. Обескураживающе? Тоже да.

– Не хочу я быть знаменитой, у меня под это наряда нет, – отшутилась она протестующе, потакая своему мужчине в мысли, что для него подобные фантазии, возможно, достигаемы.

Он поцеловал ее и сказал:

– Такой у меня великий замысел. Не знаю, сколько их во мне есть. Может, только этот. Я же не Томас Эдисон, не изобрести мне *и* лампочку, *и* фонограф, *и* кинокамеру... но моя работа, мой посыл – они круты. Я, может, Джордж Лукас правого толка, вот он, мой час “Звездных войн”, и мы его используем на всю катушку.

Иногда она позволяла себе замечания, что его взгляд на мир кажется нетерпимым, Кон отводил ее в сторону, обнимал и говорил:

– Считай это профессиональным рестлингом. Я играю некую роль. Может, я негодяй, а может, и нет, но на своем посыле мне надо настаивать. Нужно, чтобы ты могла описать меня одной фразой. Самоопределение у меня не должно быть длиннее одного “твита”. Я где-то читал, что Элис Купер, урожденный Винсент Фёрниер, говорил: дескать, он со своей группой добрался до Лос-Анджелеса в конце шестидесятых, и там у них все шло хорошо вроде как, играли на Стрипе⁴⁰, разогревом у “Дорз”, но не так чтоб *по-крупному*. Огляделся он по сторонам и заметил, что кругом сплошь тишь да благодать, хипня и никаких гаденышей, тут-то и прозрел он, что есть нетронутый рынок, и решил быть гаденышом, а остальное – история шок-роковой музыки на телеканале “Видеохиты-1”. В общем, считай нас Элисом Купером. Так лучше?

³⁸ Канье Омари Уэст (р. 1977) – американский исполнитель хип-хопа, рэпер, продюсер, композитор и дизайнер. Кендрик Ламар Дакворт (р. 1987) – американский исполнитель хип-хопа, первый в истории не джазовый и не классический музыкант, получивший Пулитцеровскую премию. Шон Кори “Джей Зи” Картер (р. 1969) – американский рэпер, четырнадцать его альбомов достигли вершины хит-парада “Биллборд-200” (исторически второй рекорд после “Битлз”), многократный обладатель премии “Грэмми”.

³⁹ Шёрли Джексон (1916–1965) – американская писательница, классик литературы США XX века; рассказ “Лотерея” (The Lottery, 1948) – одна из наиболее известных ее работ.

⁴⁰ Стрип – отрезок бульвара Сансет в Западном Голливуде.

– На самом деле да, немножко. Спасибо, Элис. Но ты ж не начнешь живым летучим мышам головы откусывать, правда?

– То был Оззи, кажется.

– Ой, вот и хорошо.

Ей нравилось, когда он говорил “нас” или “мы”: к тому, как он употребляет местоимения, она была чутка, словно натасканная на наркотики собака в аэропорту, ушки на макушке, благодарна за любое множественное число первого лица. В такие минуты в ней пробуждалось единственное желание: чтобы ее замечали и говорили о ней, однако она это желание зашикивала, гладила по голове и проглатывала, как изжогу.

Кухулин Констанс Удал был хорошим человеком с именем из книжки комиксов; нет, что вообще значит “хороший”? Кон – мужчина, ее мужчина. Пусть и бывал он иногда слабоват или не уверен в себе – она сама тоже не героиня комикса. Они подходили друг дружке. Эмер желала Кону победы и хотела быть ее частью, частью его самого, чувствовала, что он – часть ее, Эмер. Но иногда ее посещала мысль: верно ли обратное? Чувствует ли он ее частью себя? Этого она не знала. Время от времени – да, возможно, а иногда – нет. Значит ли это “нет”? Она запила последнюю мадленку зеленым чаем-латте с миндальным молоком.

Ананси

Кон покинул зал, и Эмер догнала его за кулисами в “артистической”, которая на самом деле была просто чьим-то кабинетом, переименованным на то время, пока идут лекции. Эмер вошла в комнату, где толкались немногочисленные люди, с которыми она не была знакома, они пожирали мизерные тосты, расхищали непрременную сырную тарелку и пили вино из пластиковых стаканчиков.

Кон разговаривал с парочкой очень загорелых свежестриженных мужчин в темных костюмах – и с броской молодой афроамериканкой, которую Эмер видела впервые. Сырная тарелка проплыла мимо нее, словно лактозный призрак, на вытянутой руке облаченного в смокинг официанта. Сплошные убытки от подобных пирушек, подумала Эмер, чудовищный расход хорошей еды; она сделала себе зарубку прихватить шербатый кусок всеми забытого бри и сунуть его в сумочку перед уходом, чтобы им с Коном питаться этим пару дней, – так акулы подъедают тушу кита. Порывы таскать еду к себе в сумочку зародились в ней после развода родителей.

Ее мать, вечно озабоченная деньгами, финансовый параноик, как любая мать-одиночка, подносила свою обширную сумочку к краю пластиковых столов в “Макдоналдс” и сгребала туда мелкие упаковки кетчупа и майонеза. Эмер запомнила, как ей казалось, будто эти упаковочки похожи на леммингов, что валяются в черную пропасть материнной сумки, и воображала, как они вопят, летя навстречу смерти среди жвачки, ключей и рассыпанной мелочи.

Многие годы спустя, возясь в родной квартире после смерти матери, Эмер влезла на верхние полки в кладовой и нашла там удивительно тяжелую открытую коробку. На Эмер вывалился груз наворованных матерью крошечных красных кетчупов, желтых горчиц, зеленых приправ и белых майонезов. Значит, все правда: с собой ничего не заберешь, даже соусы. Эмер опознала эту забытую заначку, вспомнила годы мелкого воровства и накопительства, громадную надежду и страх, которые воплощала эта расфасованная по прямоугольничкам заначка, и коленки у Эмер подогнулись, будто одно лишь это и осталось от бедной цепкой маминой души – эти хорошенькие упаковочки, рассыпавшиеся по кухонному линолеуму, словно рыбешка из сети. В конце концов всего хватает – и денег, и любви, и майонеза. Не стоило маме тревожиться – так сильно, так долго.

Работая локтями и извиваясь, Эмер пробралась к Кону.

– Привет, Элис, – сказала она, применив тайное ласковое прозвище прилюдно, как это делают, чтобы укрепить свои позиции, люди, которым вдруг становится не по себе за столом. Эмер заметила, как афроамериканка отдергивает ту руку, что была в непосредственной близости от Кона, – гораздо быстрее, чем представлялось бы необходимым, словно ее застали врасплох у банки с печеньем, а если точнее – словно ей хотелось, чтобы Эмер решила, будто застукала эту женщину, когда та трогала Кона за руку.

Кон микроскопически поморщился от “Элис” и запечатлел на устах Эмер напряженный поцелуй. Сейчас у Кона был вкус дешевого красного вина и запах застарелого, выдохшегося адреналинового страха перед публичным выступлением.

– Лучше “доктор Купер”. – Все чрезмерно рассмеялись – не потому что поняли шутку, просто знали, что тут должно быть смешно, ха-ха-ха. – Эмер, познакомься: Александр Стивенз и Стивен Александр из АТД⁴¹. – Он показал на мужчин в костюмах, те прилежно протянули ей мягкие ладони. Один назвался Стивеном, второй Александром, и Эмер тут же забыла, кто есть кто. Далее Кон взмахом руки показал на красивую чернокожую женщину: – А это Нанси. Простите, не уловил вашей фамилии.

⁴¹ “Агентство творческих деятелей” (Creative Artists Agency, с 1975).

Женщина, казалось, страшно оскорбилась, но затем лучезарно улыбнулась и произнесла:

– Ананси. Не Нанси. Просто Ананси. Без фамилии.

– Как Шер? – любезно предположила Эмер, а затем неуклюже добавила: – Или Опра.

– Нет, – твердо отозвалась женщина. – Как Ананси.

Встрял Кон:

– Ананси выразила желание поискать капитал в рост, на разработку фильма.

– Какого фильма? – спросила Эмер.

– Именно, – сказал Алекс или Стив.

– В рост? Как волшебные бобы, что ли? – пошутила Эмер. Шутка никого не насмешила.

– Я представляю определенные африканские интересы, заинтересованные в Голливуде и в изложении туземных, репрезентативных и подкрепляющих историй в формате сравнения с другими культурами, но неуклонно придерживающихся иудео-христианской традиции христианства.

Эмер решила, что словесный салат Ананси вроде бы содержит информацию и речевое намерение, но на самом деле нет. Еще раз проиграв сказанное в голове, Эмер пришла к выводу, что оно лишено выраженного смысла.

У Ананси был выговор, который Эмер сочла африканским, и собралась спросить, откуда Ананси родом, но отчего-то передумала. Волосы у этой женщины были скатаны в толстые дреды, привольно обрамлявшие ее гладкое ненакрашенное лицо, – они напомнили Эмер изображения головы Медузы горгоны из школьных книг по мифологии, только у Ананси прическа смотрелась угарно. Угарная Медуза. Эмер пригляделась: все это настоящие волосы, никаких накладных. Черт. Как и Медуза, Ананси завораживала. Кон очаровался: Эмер чувствовала, как он неосознанно отстраняется от нее – подобно луне, попавшей в поле тяготения большей планеты. Не унижительно. Покамест. Кон сиял, все еще парил после своей лекции и внимания к себе, каким бы ни было оно невеликим, но в общем и целом все-таки парил – необязательно из-за этой обалденной молодой женщины.

– Стив и Алекс хотят свозить нас в “Нобу”⁴², закинуть мячик.

– Киношный мячик? Пушай завертится, пусть киномячик катится...

Эмер удивило, что ее гнев и неловкость выливаются в иронию и внезапный ковбойский выговор вполсилы, но свежеподстриженные, кажется, не заметили. Их агентские прикиды опрысканы ингибиторами сарказма.

– Точно, – сказал Стив. Или Алекс. Кто-то из них сказал: – Левакам перло в Голливуде целую вечность.

– Я не знала, – отозвалась Эмер.

– Ну, с 1970-х, – уточнил Стив или Алекс. – Кругом навалом денег на кино, что по другую сторону улицы. Братья Кок⁴³ хотят купить студию и снимать фильмы масштабов “Звездных войн”, но с глубинным христианским посылом. Клинта режиссером, может. Мел как раз посреди очередного возвращения в кино. Христианские боевики ему сейчас самое то. Нам окно открылось нараспашку. А у вашего человека есть товар. Нам кажется, что он сегодняшней Джо Кэмбл... Дж. К. Роулинг, весь этот замес с новыми олимпийцами⁴⁴ – может, даже какая-нибудь сверхъестественная битва богов между англичанами и американцами – и это у нас тут просто мозговой штурм – во времена Революции, ну вы понимаете, английские боги

⁴² Нобуюки “Нобу” Мацухиса (р. 1949) – японский шеф-повар и ресторатор, специалист высокой кухни (фьюжн, японские и перуанские традиции). В нескольких странах открыты рестораны, названные его именем.

⁴³ Чарльз де Ганаль Кок (р. 1935), Дэвид Хэмилтон Кок (р. 1940) – американские предприниматели, активно участвующие в политике.

⁴⁴ Имеется в виду серия фантастических романов Рика Риордана “Перси Джексон и Олимпийцы” (2005) и снятый по мотивам этих книг американский фильм “Перси Джексон и Похититель молний” (2010).

против доморощенных, только вякни – и вот тебе “Гамильтон”⁴⁵ по полной программе, плохиш, верно, Кон? Но без избытка политики.

Дин-дон-дин-дон – “минутка Джо Кэмбла”. Дин-дон-дин-дон – “Чаепитие Гарри Поттера”. И – дзынь! – “Гамильтон”. Услышав эти ключевые слова, Эмер почувствовала себя участницей старой телевикторины Ворчуна Маркса⁴⁶. Глянула на потолок – не слетит ли оттуда утка. Никаких уток. Видимо, это и имел в виду Кон, когда говорил: “Мне надо создать словарь, который будут применять, обсуждая меня”. Он разбрасывался ключевыми словами, как демагог, а агенты и рады были вцепляться в них, словно форель в муху. Эмер осознала, как низко отвисла у нее челюсть. Посмотрела на Кона. Он лыбился как дурак.

– Можно вас на пару слов, господин адвокат? – Эмер заглотила остаток третьего стакана искусного красного. Взяла Кона за локоток и отвела на несколько футов в сторону. – Мы только что въехали в Пенсвилль?⁴⁷ Население – до хера больше, чем тебе казалось.

– Что?

– Ничего. “Нобу”? Серьезно – “Нобу”? Ты кто такой вообще?

– В каком смысле? Мне нельзя поесть в “Нобу”?

– Конечно, тебе можно в “Нобу”, дело не в этом, дело не в “Нобу”, “Нобу” – это... “Нобу”... – И тут она принялась неудержимо хохотать. Пока пыталась взять себя в руки, Кон раздраженно шурился. – Извини, если столько раз подряд сказать слово “Нобу”, оно делается нелепым на слух... ну ты понимаешь, как бессмыслицы у Доктора Зойсса – Нобунобунобу... ху-у-у... ху-у-у-у-у-у-у-ху-у-у-у-у-ху-у-у-у... – Тут ее опять разобрало.

Кон подождал-подождал – и сказал:

– Я бы хотел хоть раз в жизни поесть в...

Она умоляюще вскинула палец, чтобы Кон замолчал:

– Не произноси.

– Эмер.

– Прошу тебя, не произноси это слово, я не могу, просто скажи, что хочешь... поесть безумно дорогой, претенциозной, непрожаренной, неправильно названной рыбы, пусть я сроду не видела претенциозной рыбы, речь не об этом, просто не говори.

– Нахуй “Нобу”. Дело не в “Но-блин-бу”.

Она так хохотала, что часть публики в комнате обратила на это внимание, и даже Кон, раздосадованный и слегка смущенный, несколько очаровался слезами, что катились по лицу его давнишней долготерпеливой девушки.

Кон сказал:

– Так, Эмер, милая, мне пора... сама знаешь куда, приглашаю тебя вместе с нами – со Стивом, Алексом и Ананси в...

– Умоляю, нет. Хватит. Сжался, я же младенец.

– В... японский ресторан, которому положено остаться неназванным.

Кон в некотором смысле шел на мировую. Эмер понимала, что ему вроде как хотелось побыть отдельно – по крайней мере, чтобы сегодня эти голливудские ребята, Ананси и мир в целом считали, будто он сам по себе. Эмер задело, но она списала это на простую человеческую хрупкость. Знала, кто есть Кон, знала, что он такое, и любила его вопреки слабостям – возможно, любила его как раз за них, потому что понимала, до чего уязвимым чувствует

⁴⁵ “Hamilton” (2015) – американский мюзикл о жизни американского государственного деятеля Александра Гамильтона (1755/1757 – 1804) на либретто, музыку и слова Лин-Мануэля Миранды; особенность этого мюзикла – использование рэпа и ритм-н-блюза наряду с привычными бродвейскими мелодиями.

⁴⁶ Американский комик Ворчун (Граучо) Маркс (1890–1977) много лет вел викторину “Ставка – жизнь”, с 1947 по 1949 год на радио, далее, до 1960-го, на телевидении.

⁴⁷ Отсылка к Майклу Ричарду Пенсу (р. 1959), американскому политику и юристу, 48-му вице-президенту США, негнбаемому консерватору.

себя король без своего трона. И Эмер казалось, будто она знает себя саму – не героиня она, не рохля и не королева, а нечто посередине: герохля. Современная Мисс Подземка, подумалось ей. Новая женщина из старой отливочной формы. Другая впала бы в ужас от внезапного успеха своего мужчины, но у Эмер имелся план: она играла вдлинную.

Ухмыльнулась, собственнически поцеловала Кона в губы.

– Нет, ты езжай один – в “Нобу”... видишь, я могу это произнести: езжай один в “Но-о-о-о-о”... – Ее опять чуть не развезло, но она удержалась, последний слог получился бессильным взвизгом: – “...бу”... и возвращайся с личным электронным письмом от Кристен Стюарт⁴⁸ и договором на три фильма, так же у них принято говорить, да? И с пластиковой сувенирной фигуркой.

– Ладно. Ха-ха, ладно.

– Ну и, может, с острым роллом с тунцом?

Кон поцеловал ее и сказал:

– Будет сделано. До скорого. Люблю тебя, Элис.

– И я тебя, Элис.

Эмер повернулась и присела в книксене, не понимая толком зачем, помахала на прощанье ребятам из АТД и красивой бесфамильной Ананси, после чего вперила взгляд в витавшую сырную тарелку. Глубоко вдохнула и выдохнула порыв держать нынче вечером Коновы вожжи. Не будет она ему мамочкой. Ушла и никакого бри себе в сумочку запихивать не стала.

⁴⁸ Кристен Джеймс Стюарт (р. 1990) – американская актриса, прославившаяся ролью в вампирской киноэпопее “Сумерки”.

Хесус и другие знакомые чужаки⁴⁹

Для первого вечера весны было достаточно тепло, и Эмерхватило вдохновения, чтобы отправиться домой через Центральный парк. Ей здесь нравилось – парк хранил волшебство, пусть Кон вечно и обзывал его “величайшим в мире тюремным двором”, или “гигантской пи-пи-песочницей для собачек-однопроцентников”, или “парком еврейского периода”. Что правда, то правда: посреди летней прогулки, если сосредоточиться, вонь собачьей мочи догоняет здесь почти в любой точке. Но зачем на этом сосредоточиваться? Сам парк был рукотворным чудом. Дикое зеленое сердце вертикального городского буйства. Эмер понимала, что место это дикое не по-настоящему, однако некоторая первородная суть в нем для Эмер была – словно имелась в нем определенная иерархия, отдельная от города в целом, свои законы Руссо, самостоятельный более старый мир. Центральный парк – вешнее искупление города за неистощимый коммерциализм, суету и бетон.

Манхэттен – прямоугольная, пронизываемая до немоты пронумерованная сетка, а вот в парке номера испарялись. Можно сказать, что вы “примерно на уровне Девяносто второй улицы”, но это всегда приблизительно; чаще получается сказать: “Я в парке” – и далее назвать окрестные приметы вроде “к югу от Овечьего луга”, “на северо-восток от водохранилища” или “передо мной теннисные корты”, а не численные наименования улиц и авеню. Вот так и “теряешься” – если не буквально, так фигурально.

Переключаешься с навязчиво вертикального сознания улиц на некоторую просторную горизонтальность, и главное тут – на горизонт. Вот поэтому, когда Эмер сделала первые шаги прочь с Пятой авеню, ей показалось, будто она входит в церковь. И, как это, вероятно, бывает в исповедальной, парк – единственное место в городе за пределами собственной квартиры, где получается ощущать себя по-настоящему уединенно, общаясь не с людьми, как на городских улицах, а с чем-то менее телесным – или даже опасаясь его. Эмер удавалось ощутить этот едва ли не первобытный страх духа, и этот страх ей был даже отчасти приятен. Он выражал в ней томление, которое Эмер не могла толком определить. Пустота внутри нее разверзлась, напиталась тенями, едва не наполнилась. Эмер глубоко вдохнула запах скошенной травы и собачьего аммиака – и ощутила себя почти свободной.

Покидая парк на Девяносто второй улице, но прежде, чем двинуться домой, Эмер зашла в бodega на Амстердам-авеню за мороженым. Чувствовала себя на взводе, неуговорно, решила посмотреть, может, Фэллона или Колбера⁵⁰, и захотела себя немножко побаловать. Мороженое, овсяные хлопья, молоко, незрелые бананы и, иногда, лотерейные билеты Эмер многие годы покупала у старого продавца-доминиканца по имени Хесус. Они не заговаривали друг с другом ни разу, его имя Эмер знала только потому, что Хесуса кто-то назвал при ней, и они едва кивнули друг другу, когда она поставила на кассу свое *джелато* “соленая карамель”.

Пару лет назад Эмер заметила Хесуса в подземке – он сел в поезд – и не сомневалась, что они знакомы, однако не понимала откуда. Увидев его, до странного обрадовалась, улыбнулась, вскочила, повинуясь порыву, обняла Хесуса и воскликнула: “Добрый день! Как дела?” – словно он ей старый близкий друг. Хесус держался вежливо, пусть и слегка смутился от ее пыла, она медленно сдала назад, осознав, что сказать им друг другу совершенно нечего, что это просто мужик из бодегы.

Вне привычного контекста Эмер повела себя несообразно своей натуре. Задумаешься тут о независимости природы от места, а далее – и от странной, податливой текучести самой природы. Теперь, расплачиваясь в бодеге, Эмер всякий раз слегка трепетала и содрогалась, вспоминая

⁴⁹ Отсылка к Исх. 2:22.

⁵⁰ Стивен Тайрон Колбер (р. 1964) – американский комик, телеведущий, актер, писатель.

те объятия и до чего счастлива она была увидеть Хесуса в тот день в подземке. Постаралась не выглядеть отвергнутой возлюбленной. Нисколько не сомневалась, что Хесус понятия не имеет ни о каких этих ее внутренних метаниях.

Иzzi

Эмер все не удавалось избавиться от мыслей об Ананси, а потому в нескольких кварталах от дома, прямо возле Коламбуса, она позвонила старой подруге Иззи, работавшей детским психологом. Их свели вместе школьные дела: Эмер натаскивала детей к экзаменам, а Иззи держала их за ручку, говорила правду, вскрывала и исцеляла травмы.

– Нам тебя сегодня не хватало в “Ю”, – сказала Эмер.

– Это что, телефонный звонок? Ты мне звонишь? Тебе сто три года, что ли, я не пойму?

– Я старомодная.

– Что творится, Ганс...

– “Ю”.

– Это сегодня? – Врала Иззи скверно. – Совершенно вылетело. Ну или три часа “Холостяка” мне мозги выели. Примешь ли ты эту розу?⁵¹

Эмер рассмеялась.

– Ну, Кон с компашкой вроде как уехал.

– Вроде как?

– Типа вроде, ага.

– С компашкой?

– Типа да. Компашковатой.

– Видимо, все прошло хорошо? У него самого, во всяком случае.

– Вроде как.

– Он, значит, парил на собственной актуализации и поэтому с большей уверенностью не удовлетворял потребности других людей. С тебя двести пятьдесят долларов, будь любезна.

Эмер рассмеялась вновь.

– Ты вот так детей диагностируешь?

– Нет, так я диагностирую Кона – как слабовыраженного нарцисса. По шкале между Тедом и Джорджем.

– Тедом и Джорджем?

– Банди⁵² и Клуни.

– Надеюсь, ближе к Джорджу.

– Да, милая, ближе к Джорджу. Там же и большинство мужчин в спектре, и поэтому я сижу на своем месте и играю за команду девчонок.

– Таково, значит, твое профессиональное мнение?

– Ну, я бы дополнительно посоветовала, чтобы он еще разок во втором классе отучился.

И опять Эмер хохотнула. Не совсем это хотелось ей услышать, но, похоже, все равно правда, а раз она не ранила и не доставала, ничего ужасного. Эмер вступилась за своего мужчину:

– Пора тебе понять, что Кон находит своему мышлению отдушину.

– Неужели?

– Ага, он маргинал.

– Извини, связь плохая. Ты сказала “привирал”?

– Ладно тебе, ты знаешь, что я имею в виду: он своего рода бунтарь.

– Мне он видится скорее Имперским Штурмовиком.

– Что?

⁵¹ “The Bachelor” (с 2002) – американский романтический реалити-сериал на телеканале Эй-би-си. Фраза “Примешь ли ты эту розу?” – одна из устойчивых формул этого сериала, на этот вопрос не предполагается отрицательного ответа.

⁵² Теодор Роберт (Тед) Банди (Кауэлл, 1946–1989) – американский серийный убийца и насильник.

– Извини. Отсылка к “Звездным войнам”. Работаешь с маленькими мальчиками – знай их библию. Слушай, Бездейша... – Иззи иногда именовала Эмер Бездейшей, сокращение от “Бездействие”, потому что Иззи это имя – вроде Ганеши – будто бы напоминало индуистскую богиню. Бездейша – богиня неизменности, богиня ничегонеделания. Иззи продолжила: – Беспокоит меня не то, что он приспособил свой немалый интеллект к этой чепухе правого толка...

– Полегче...

– Ну, беспокоит, конечно, однако не так, как лицемерие ребят, которые распинаются о так называемой нравственности, а потом идут в “Киприани”⁵³ и...

– “Нобу”.

– Вот да, и “Нобу” в компашке хорошеньких женщин, да за корпоративный счет. Иисус в “Нобу” не пошел бы!

– Не знаю. Он был рыбак, ему, наверно, нравилась рыба.

– Иисус на самом деле, думаю, заказывал на дом – чтоб папарацци не лезли.

– Думаешь, взяли бы плату за пронос своей бутылки – если превращать воду в вино?

– Конечно, это ж ебаный “Нобу”. На чаевые щедрый небось, Иисус-то...

– На чаевые щедрый.

Эмер порадовалась, что Иззи струит все это барахло в прямом эфире. Эмер все понимала – и знала, что Иззи все понимает, но вслух Эмер сказать не могла, а потому подталкивала Иззи, и подруга Иззи шла навстречу. Слушать все это Эмер могла, и, если слушать, получалось не так убийственно, в открытую – такой вот тролль, а не громадное смертоносное чудище. Иззи же продолжала свои попытки чревоуещания от имени частично немой и избирательно слепой подруги:

– Я врубаюсь. Пусть себе Кон ищет своему мышлению отдушину, мне просто не нравится, когда это не твоя отдушина. Звук, который ты только что услышала, – это микрофон упал на пол.

– Удачно получилось у тебя, но мне *наверняка* ничего не известно. Для него тут дело не в сексе.

– Нет? Ладно. Для меня – в нем. А для тебя?

– Ты же знаешь, мы с сексом друзья.

– Да? Вы с сексом типа приятели по СМС?

– Ага, СМС, электропочта. Иногда сальные телефонные беседы. – О сексе Эмер говорить не очень-то нравилось – даже с близкими подругами. Этот предмет казался сокровенным, и, может, Эмер была немножко старомодной, как те девушки из конкурса “Мисс Подземка”, 1950-х, но Иззи вся загоралась.

– Ты эс-эм-сексила сексу? Вот это рекурсия. Вероятно, аккурат в этом будущее.

– Знаешь, – сказала Эмер, пытаясь увести Иззи в сторону, – дело даже не в другой девушке, это вообще-то не его тема.

– “Вообще-то” не его тема? А в частности – его?

– Я вообще-то не знаю. Секс у нас что надо, классный. На самом деле мне про это больше говорить не хочется. Оно меня расстраивает. Так часто произносить слово “секс” – одно расстройство.

– Спорить не буду, но вот эта книга, этот успех – по моим оценкам, наполовину твое достижение, ты такие раскопки произвела, и я даже не знаю *наверняка*, какие там мысли твои, а какие – Кона. Может, это твой замысел был с самого начала, а Кон его присвоил, извратил в определенную сторону – чтобы получилось подороже или чтобы попало в нишу, из которой ему будут слава или деньги. Тебе-то мудрость, а ему – расчет.

⁵³ “Киприани” (с 1950-х) – частная международная компания со штаб-квартирой в Люксембурге, владеющая сетью дорогих итальянских ресторанов и клубов по всему миру.

- Не имеет значения. Мужчиной быть трудно.
- Женщиной еще труднее. И вот то, второе, оно имеет значение. Не удивляйся потом, если он тебя отпихнет, как какого-нибудь средневекового писца. Когда ты рядом с ним, люди видят маленькую женщину за шторкой. Никакому мужчине это не понравится.
- И что же мне делать?
- Либо совсем уж ляг плашмя, либо встань, бля, в полный рост. Середина тебя прикончит. Ты вот так позволяешь ему быть худшим собой. Я не одного его виню – я виню и тебя тоже. Эмер рассмеялась – рассмеялась, но усекла.
- Ты прямо как Опра, только злая. Может, мне следует “прислониться”?
- Делай что хочешь, только НЕ “прислоняйся”. Отслоняйся, бля, если уж на то пошло.
- Спасибо, Иззи.
- Все нормально?
- Да, я нормально. Полегчало.
- У меня не было такого намерения.
- Ха-ха. Спасибо.
- Обращайся. Чем собираешься заняться?
- Мороженое поем.
- Эмер...
- Собой займусь.
- Королевна! Злая Опра одобряет. Спок-ночи, Ганс.

Юнона

Когда Эмер вошла в свое здание, на вахте был Папа. Иммигрант с Гаити, облаченный в угловатый светло-коричневый мундир, смутно похожий на военный, словно Папу завербовали в неведомую армию консьержей – с тех самых пор, как Эмер в этом доме жила. Когда-то Папа был высок, но теперь состарился и сгорбился, и Эмер машинально помогала ему открывать тяжелую металлическую дверь. Ноги у Папы были заметно разной длины, двигался он с выраженной хромотой, которую изо всех сил старался превращать в походочку под шпану 1970-х. Эмер заметила, что ее поползновения к коллективному труду оскорбляли Папину профессиональную гордость и мужское достоинство, а потому перестала, однако теперь Папа ожидал ее помощи, дверь открывать ему было тяжело, и он безмолвно и несправедливо винил ее за это свежее напоминание о его истаявшей мужской доблести. В этом людном мире мужчин приходится ступать, как по минному полю, подумала Эмер, – сплошь невидимые границы и обиды, настоящие и выдуманные. Конца им нету.

Улыбнулась, осторожно спросила:

– Вы как, Папа? – Словно они с ним в одной команде по софтбоулу, а Эмер того и гляди похлопает его по заду.

Папа кивнул ей с угрюмым:

– Мисс. – Едва-едва помешал тяжелой двери закрыться и раздавить их обоих. Эта штука была почти целиком медная и весила тонну.

Эмер предложила Папе свой сжатый кулак – стукнуться. Видела, как он проделывает это с местными детьми, и завидовала легкости подобного светского жеста. “Хиповому” приемчику ее научил один ее подопечный еще в 2010-м, и хотя Эмер чуяла, что мир не стоял все это время на месте, она собиралась гонять это конкретное приветствие в хвост и в гриву, за границу иронии, сквозь ностальгию, в закат.

– Взрывайте, – предложила она. Папа ткнулся ей в кулак, но взрывать не стал⁵⁴. Эмер двинулась к лифту.

Когда Эмер устроилась на кровати с мороженым и собралась переключаться туда-сюда с Фэллона на Колбера – СДВГ-развлечение⁵⁵, которое она именовала “просмотром Фэлбера”, – было полдвенадцатого. Эмер глянула в телефоне, сколько часов преподавания у нее завтра, и увидела СМС от Кона со снимком суси и подписью: “45\$/шт!!! она не грусти”. Брр, “она”, а не “одна”, до чего же неудачная опечатка. Перечитать, что ли, не мог, прежде чем отправлять? В груди у нее сделалось туго, и она выдохнула – внезапный образ экзотических дредов Ананси. Образ этот не значил ничего – почти ничего.

Эмер проверила почту и голосовые сообщения. Полистала на телефоне “Нью-Йорк Таймс”. Фэлбер завели свой вечно юношеский, несколько чересчур заискивающий монолог, она вчиталась в заархивированную статью о космическом корабле “Юнона”, пролетевшем 1,7 миллиарда миль к Юпитеру и наделавшем удивительных снимков. Эмер подумала, что 1,7 миллиарда миль – это недалеко, если ты Юпитер. Луны Юпитера, Европа и Ганимед, видны отчетливо. Она перебрала в уме имена богов из доклада Кона, как мы беспрестанно вновь и вновь пользуемся одними и теми же персонификациями: вот теперь эта античная богиня стала космическим кораблем; то, что когда-то было антропоморфизирующим женским воплощением неизвестного нам, теперь стало антропоморфизирующим агентом всего нам известного.

⁵⁴ Последовательность жестов такова: удар кулак в кулак, а затем оба участника приветствия резко разжимают кулаки, имитируя взрыв.

⁵⁵ СДВГ – синдром дефицита внимания и гиперактивности.

Размышляя о Юноне, Эмер с удивлением ощутила у себя на щеке слезу: дочь Сатурна, сестра/жена Юпитера, мать Марса и Вулкана – все теперь забыто или многократно преобразено до бессмыслицы. Забытая античная богиня среди легионов заброшенных божеств из книги Кона – однако еще и рукотворный космический корабль. Это поразительное человеческое сооружение сейчас находилось в миллиардах миль от места своего зачатия. Ужас до чего далеко. Как и богиня, также оставленная людьми, что поклонялись ей. И, как богиня, обреченная не приблизиться больше чем на 1,7 миллиарда миль к планете-супругу, пока прилежно делает снимки других небесных тел, обращающихся вокруг него. Трахает Ганимеда. Мальчишку? Мальчишку! Ну ладно. Да и тебя нахуй, Европа: первой заворожила Галилея, все верно, но ты всего-то шестая по масштабам луна Юпитера, сдучко.

Эмер посмеялась над своим же ехидным внутренним диалогом планет, лун, божеств и космического судна. Но на самом-то деле до чего страшно должно быть “Юноне”? До чего бесприютно, одиноко? Ясное дело, руки, что сотворили ее, сами того не ведая, вписали ДНК – через пот, чувство и внимание – в податливые материалы, и ясное дело, “Юноне” должно быть холодно и жутко мчать сквозь космос, отщелкивая фотокарточки, как тоскующий по дому турист. Просто все это было сейчас для Эмер чересчур, и она позволила себе приписать этой мертвой богине-машине собственную бесприютность и опосредованно печалиться. Ее удивило, с какой страстью она огорчилась, и слезы покатались совсем вразлад с обязательным смехом студийной публики у Фэлбера.

Пусть сперва оно и показалось бездонным, сестринское чувство к невозмутимой “Юноне” вскоре исчерпалось, и Эмер задремала.

Когда она проснулась от стука в дверь, несъеденное мороженое уже совсем растаяло. Эмер глянула на телефон: время – 3:37. И Фэлбера пропустила, и Кон по-прежнему не дома.

Сиды

– Кон? – крикнула Эмер, стряхивая дрему и направляясь к входной двери. Небось напился сакэ в “Нобу” и потерял ключи. Эмер потерла лицо ладонями, стараясь устранить красноречивые следы слез. Открыла дверь – и никого за ней не увидела, но затем ощутила что-то у своих ног, опустила взгляд и осознала, что это ребенок, – нет, не ребенок, а очень коротенький человек в ливрее привратника.

– Можно войти? – спросил малютка привратник.

Эмер была все еще тупая от сна.

– Придется пригласить меня в дом. Таковы правила, – сказал он скучающим тоном. Этот вот крохотуля консьерж.

– Ой, простите, – опомнилась Эмер. – Заходите. Уже поздно. – Она подавила порыв взять его на ручки, до того он был маленький.

Человечек оскалился на нее, словно прочел ее мысли. Шагнул в квартиру, не сводя взгляда с Эмер, – вроде бы рассерженный.

– Что-то не так? – спросила Эмер. – В доме? Сейчас очень поздно.

– Нет, в доме все так. Дом в порядке.

– Так в чем дело-то?

– Я Сид, – сказал человечек. – Произносится “си-ид”, но американцы зовут меня “Сид”. Говорил этот странный человечек с акцентом. С шотландским? Ирландским? Южноафриканским? Австралийским? Что-то такое.

– Вы консьерж в этом здании?

Сид кивнул и огляделся.

– Я вас прежде никогда не видела, – сказала Эмер как можно любезнее.

– Видела, конечно.

– Нет, я бы запомнила.

– Да ладно? И почему же?

Черт.

– Потому что я запоминаю всякое.

– О. Вот и славно. Думал, скажешь, потому что я чуток мельче среднего.

– Правда? Я не...

– Думал, скажешь, потому что я мелкий карлик. Незабвенный Мини-я⁵⁶ в мартышечьем мундирчике.

Эмер хохотнула.

– Над этим можно смеяться? – спросила она, вообразив, как кто-то может попытаться пробраться в здание, забрать Сиды и утащить, как футбольный мячик.

– Уж я, бля, надеюсь, великанша ты эдакая, – отозвался Сид. – Я пришел в два пополуночи и сменил Папу Легбу, этого скользкого хромого самозванца⁵⁷.

Оба замерли. Эмер подумала, не позвонить ли на вахту, но все это казалось ей скорее любопытным, чем опасным.

– Желаете что-нибудь выпить? Воды? Сидра? – спросила она, словно бы извиняясь.

– Сидра? Шутить изволишь?

– Ой, господи, нет, простите...

– Ирландский виски я буду, если есть.

⁵⁶ Мини-я – персонаж серии фильмов “Остин Пауэрс” в исполнении Верна Тройера, карликовый клон доктора Зло.

⁵⁷ Папа Легба – одна из центральных фигур в гаитянском варианте религии вуду, один из духов-лоа, которого приверженцы религии считают посредником между людьми и всеми остальными лоа.

Эмер кивнула и пошла к бару, все еще в полусонном ступоре.

– Есть скотч “Дьюар”. – Она знала, что некоторые консьержи пьют на службе – и не винила их. Сама бы пила.

– Шотландский шлак.

– И немножко “Бушмилз”.

– Благодарствуйте, дитя мое.

– Как пьем?

– Как сварили, так и нальем.

Эмер налила чистого, принесла, подала.

– Что ж... – начала она. Он лихо закинулся виски и вернул стакан Эмер. – Еще?

– Негоже было б отказываться.

Налила повторно. На этот раз он смаковал.

– А где Кон? – спросил карлик, ошарашив Эмер.

– Что?

– Кон. Возлюбленный твой. *Инаморато*. Где пребывает?

– Хм, странный вопрос.

– Только если ответ странный, дорогуша.

Как это часто бывало у нее в жизни, Эмер до самого упора предпочитала вежливость противостоянию.

– Ну, он в “Нобу”. – Слово слетело у нее с губ, но смешным уже не показалось. Она почувствовала, как изменился воздух вокруг нее, слово похолодало, а маленький человек вдруг преисполнился угрозы. Лицо у него было, “как карта Ирландии”, сказал бы ее отец, – густые черные волосы, выдающийся бугристый нос, глаза бурливые и синие, как Северное море. В зависимости от того, как на него падал свет, он казался то красавцем, то гоблином. Эмер чувствовала, что никак не может проснуться полностью, и странность происходящего наплывала на нее словно бы из-за ширмы; верх, низ, лево и право казались ненадежными, будто смотришь на закат в зеркало заднего вида. Эмер отступила на шаг. – По делам. Должен вернуться с минуты на минуту. А что?

– По делам?

– Да, с коллегами.

– С коллегами. – Он произнес это так, будто от слова дурно пахло.

– Так что же, вы хотите сказать мне, что собирались сказать, раз пришли, потому что он вернется в любой момент – написал мне пятнадцать минут назад, что едет в “Убере”.

– В “Убере”. Поди ж ты.

Сид подошел к двери и закрыл ее. Попытался запереть, но ему не удалось дотянуться до шпингалета. Встав на цыпочки, он смог лишь дотронуться до нижней кромки медного цилиндра. Подпрыгнул, вцепился в замок одной рукой, как обезьянка на турнике, подтянулся, успешно повернул замок свободной рукой. Рухнул на пол, покачал головой.

– Все равно смог. – Повернулся к Эмер, переводя дух: – Я пришел вернуть тебе телефон. Мы его нашли.

– Я его не теряла. Вот только что им пользовалась. Читала статью.

Она глянула на кровать, где заснула, но телефона там не было. Эмер пошарила по карманам – пусто. Сид полез под мундир. Эмер ойкнула, будто Сид мог извлечь оружие, но он достал телефон – по виду похожий на тот, что был у Эмер, со знакомой трещиной на экране и ироничным чехлом “Привет, Китти”.

– Когда вы успели его прихватить?

– Я его не прихватывал. Он валялся в фойе. Ты его выронила.

– Вряд ли.

– Ты о своем телефоне все знаешь?

– Что?

– О телефоне твоём, со всеми этими чокнутыми новыми приложениями. Ты в курсе, что есть приложение “ай-Приглядывай”? Следить за супругами чтобы. Тебе б о таком подумать.

С Эмер было довольно. Она уже собралась вышвырнуть малютку за дверь, но он протянул ей телефон. На экране играла видеозапись: Кон, судя по всему, в “Нобу”, треплется с ребятами из АТД и Ананси.

– Как вы?.. Бессмыслица какая-то выходит.

Кон с Эмер никогда не фотографировали на телефоны. Такая у них была позиция против современности. Они предпочитали жить свою жизнь, а не запечатлевать ее в фейсбуке, инстаграме или снэпчате. Поблажку в хранении воспоминаний они себе как паре сделали одну – купили старый “Полароид”. За годы отсняли сотни маленьких фотокарточек, и Эмер скидывала их в “роид-ящик”. Вот поэтому видеть фотографии или видео с участием Кона на телефоне оказалось странным – святотатственным для института их отношений.

Сид ответил:

– Бессмыслица? Смысла тут уже никакого совсем. Давным-давно уже весь смысл проехали.

Эмер глянула на Сиду. Она уже не сомневалась, что он ей кого-то напоминает.

– Вы тут не консьерж.

Сид пожал плечами.

– Вычислила. По мундиру, да?

– Вы кто?

– Я же сказал. Я Сид.

– Сид, ага. Какой Сид? Как ваша фамилия?

– Нет. Бан Сид. Я из Бан Сидов.

Эмер оторопела, хотя сказанное вроде бы на что-то намекало. Может, это из Коновой книги? Может, попалось, пока она искала всякое для Кона?

– Бан Ши, – повторила она, пытаясь расшевелить себя.

– Это народ. Ну, разновидность кельтских духов.

Эмер глубоко и ошарашенно вдохнула, а затем, выдохнув, произнесла:

– Хотите сказать, что вы вроде как... лепрекон?

– Я не лепрекон! Сапожники они хезаные!

– Эльф?

– Поосторожней, Великанша! Драть Уилла Феррела, имать Киблера⁵⁸ и харить Рождество! Бан Сид, исполинское ты чудище, Бан Сид!

– Ладно-ладно, Бан Сид, простите.

– Две тысячи лет назад мы были всюду, а теперь о нас никто не знает. Знаешь, до чего тяжело сидеть и смотреть, как вампиры, оборотни и мать-их-драть Динклиджи⁵⁹ из “Игры престолов” гребут все под себя? Нам, похоже, не хватает рекламного агента – ни одного не было со времен Йейтса.

Поддержать этот разговор Эмер оказалась неспособна. Если принять хотя бы часть того, что он говорит, как правду, возможно, придется принять и все остальное. Просто ли это сумасшедший – чокнутый, сумасшедший карлик у нее в квартире у запертой за его спиной двери? Или же он – нечто совершенно иное, не вполне человеческое или же нечто чуть большее, чем человек? Эмер по-настоящему напряглась, сохраняя спокойствие, а сама исподтишка нашла

⁵⁸ Речь об американской семейной кинокомедии “Эльф” (2003) с Уиллом Феррелом в главной роли. “The Keebler Company” – вторая крупнейшая американская компания-производитель печений и крекеров, основана в 1853 году Годфри Киблером; на логотипе компании – мультяшный лепрекон.

⁵⁹ Питер Хейден Динклидж (р. 1969) – американский актер театра и кино, знаменит ролью Тириона Ланнистера в сериале “Игра престолов”.

на экране контакт Кона и нажала, чтобы номер набрался. Что бы ни случилось в ближайшие несколько минут, Кон услышит это – или оно окажется записанным в его телефоне.

Эмер чуть-чуть расслабилась. Что-то из ее бескорыстных и безымянных усилий ради Кона начало к ней возвращаться.

– Бан Сид, – проговорила она задумчиво. – Бан Сид... Похоже на “банши” и связано с банши – духами. Обычно это матери, умершие родами...

– Я не банши, хотя знаю нескольких, и не женщина, что, надеюсь, очевидно. Говорю же, нам рекламный агент требуется.

– Стенающие духи, глашатаи смерти... глашатаи смерти, верно?

– Во-во.

Эмер принялась смеяться – как это бывает с людьми на “американских горках”.

– Вы пришли меня убить?

– Язык себе прикуси.

– Пришли сказать, что я скоро умру?

– Вот это другое дело, но нет – не ты.

– Где вы взяли ту видеозапись?

Ей все еще было страшно, однако она вдруг почувствовала, как растекается внутри покой, словно вишневый “Найкуил”⁶⁰ (ее любимая наркота не относилась к хулиганским): что бы ни случилось, Эмер это выдержит, она будто готовилась к этому. И тут подумала: вероятно, вот так люди и чувствуют себя в своей тарелке перед тем, как их убьют.

– Где я взял эту запись, значения не имеет, важно то, как ты ответишь на мой вопрос. Потому что о твоём желании мне известно.

– О каком желании?

– О единственном. Но сначала глянь-ка в это приложение. Называется “ай-Вспоминай”.

Сид взял у Эмер телефон, повозился с ним, повернув горизонтально, чтобы изображение стало пошире. Эмер увидела себя и Кона той поры, когда они познакомились, но записано это было как документалка Кена Бёрнза⁶¹ – возникали и исчезали статичные крупные кадры, торжественная музыка придавала их личной сказке масштаб настоящей истории, ощущение размаха, словно кто-то снимал их, пока они влюблялись друг в дружку. Оказалось на удивление трогательно.

– Это... кто... я не... прямо после колледжа было...

Сид забрал у нее телефон и несколько раз мазнул по нему пальцем.

– Это все история. А вот это, как я уже показывал, происходит прямо сейчас.

На экране возникли Кон и Ананси. Уже не в “Нобу”, но все еще где-то в центре, посреди пустынной улицы, шагают, взявшись за руки.

– Не понимаю, – проговорила Эмер.

– Еще как понимаешь. Перемотай вперед.

– Что?

– На телефоне вперед перемотай.

Хотя на самом деле ей этого не хотелось, Эмер поневоле нажала на двойную стрелочку вправо. Фигуры Кона и Ананси, мультяшно зашпешив, вошли в какой-то бар и выпили там еще, посидев в удобных позах. Эмер это задело, но она понимала, что Сид пытается зацепить ее, а потому изобразила невозмутимость.

– Не чувствуешь этого из-за своего желания. Твое желание – профилактика, презерватив на душе.

⁶⁰ Сироп от кашля производства компании “Проктер и Гэмбл”.

⁶¹ Кеннет Лорин Бёрнз (р. 1953) – американский кинорежиссер и продюсер документальных фильмов, характерная черта стиля – использование архивных кино- и фотоматериалов.

– Гадость какая.

– Я знаю тебя, Эмер, по твоему старому ирландскому имени. Я знал твоих предков до того, как они явились сюда и забыли обо мне. Я знаю твои мысли, прозреваю твое сердце – как прозреваю и Кухулина. Ты продолжаешь потакать ему в его скитаниях, приговаривая про себя: “Ну да, таков мужчина – мужчина в поисках своего королевства”, и нынче ночью ты ему потворствуешь – говоришь себе: “Да будет ему день и да будет ему путь – он ей нужен”. Вот как ты себе говоришь. Ему нужны ее деньги, влияние, защита, ей нужна его душа, а может, даже больше, а потому пусть он ведет ее, черт, да пусть даже войдет в нее. О, ты вздыхаешь: он вернется ко мне, как ни крути, этот мир опасен, а мужчина пусть творит, что мужчине долг велит.

Казалось, будто он проник к ней в душу, если не больше – пробрался в самые тени ее души, где Эмер была той малой темной сущностью, какой ни с кем не делилась. Она почувствовала себя так, словно ее разоблачили, нарушили ее границы.

– Нет.

– Нет? Врешь себе – и мне врешь, заслоняешься от боли, прячешься за собственным желанием, за надеждой, что со временем король повзрослеет и взгляд его перестанет блуждать, что король перерастет свои устремления и вы вдвоем состаритесь вместе. Глянь-ка в это приложение – “ай-Желай”.

Сид потыкал в телефон, и Эмер увидела пожилую пару, рука об руку идущую по пляжу: безупречный мелкий белый песок, синяя вода, двое стариков держатся за руки, неуклюжая синкопа шагов любви привольной, стародавней – их с Коном. Глаза Эмер налились слезами.

– Вот твоя фантазия, твой эндшпиль.

– Откуда вы это знаете?

– Откуда я вообще что-то знаю? – Сид взялся за телефон и вновь что-то набрал на нем. – С этими штуковинами всяк – хренов умник. Всё в облаке. В облаке. В облаках когда-то жили боги. А теперь облако – бог. Меня врасплох застали. Уж будьте уверены, я не видел, как телефоны с воем катились по небу, в отличие от динозавров, которые видели астероиды. Но я отвлекся. О чем я бишь?

– Понятия не имею. – Эмер внезапно очень устала.

– А, да, посмотри еще.

Он протянул ей телефон, сцена на песке сменилась уличной: Кон и Ананси в центре города, идут под дождем. Ананси споткнулась на своих шпильках, Кон помог ей удержаться на ногах, они рассмеялись ее неуклюжести. Но и вернув себе равновесие, Ананси продолжала держаться за Кона, а Кон не убирал руку. Эмер подошла к окну и выглянула на улицу. Шел дождь.

Сид произнес:

– Смотри дальше.

– Не хочу.

– Надо смотреть дальше, потому что менее чем через минуту Кон умрет.

– Что?

– Ой да, Ананси – паучиха, смерть самая что ни есть, и она выведет Кона под автомобиль.

– Зачем?

– Нужна ли паучихе причина, чтобы поймать муху? Паучиха голодна. Ее укусы – ее поцелуй, и он убивает. А может, она зла из-за книги. С этой публикой поди пойми.

– С какой публикой?

– С богами Африки. Мы пришли охотно, а их заставили. У них свои взгляды. Я не согласен, но соотноситься могу. Ну или согласен, но не соотношусь. Этот человек написал книгу о богах, в которой утверждает, будто знает их замыслы и желания, – я бы сказал, перчатку им бросил, верно? Вполне классический извод гордыни – много на себя взял человек, не? Так

же, как эти его проделки правого толка, гордыня способна обозлить цветных богов. Она собирается заткнуть ему рот, так или иначе. Она, несомненно, сей миг делает ему какое-то свое предложение, а мы с ней вовсе не наверняка на одной странице или в одном графике. Я бы сказал, что на решение у тебя секунд тридцать.

– На какое решение?

– Тебе под силу спасти Кона. Тебе по силам спасти его от смерти, от Ананси. Смерть – всего один вариант из бесчисленного множества возможных исходов.

– Да, конечно, я хочу его спасти. Спасите его! Остановите всё!

– Не потеха, не поза, не правда, не прок. Равновесие. Доля воли, неразменная. Чтобы спасти что-то, придется чем-то пожертвовать. Так оно устроено, и как оно устроено, мне в радость.

– Чем, чем нужно пожертвовать?

– Тебе все еще неясно?

Эмер села.

– Моим желанием.

– Девица-разумница, я знал, что с тобой игра задастся. У тебя пятнадцать секунд. Откажись от своего тайного желания провести с Коном старость – и Кон выживет.

– Чушь какая.

– Выживет, но вот в чем загвоздка: тебя он знать не будет. Таково условие.

На экране телефона Кон с Ананси шли посередине темной мокрой улицы. Эмер видела, как впереди из-за угла выворачивает машина, огни фар захлестывают парочку.

– А вот и автомобиль. Едет. Ты можешь спасти Кона, но отныне вы будете чужими друг другу. Чтобы доказать свою любовь к нему, тебе придется от нее отречься. Согласись, есть в этом упоительная симметрия. Таков один сценарий – в нем он жив и ты живешь дальше, понимая, что он любовь всей твоей жизни, но тебя он не знает. Вся боль – лишь твоя.

Эмер увидела салон машины. Запись в телефоне была смонтирована как кино – переключалась с Кона и Ананси на нутро автомобиля, где водитель близоруко набирал СМС сквозь пенсне и поглядывал на дорогу.

– А если не можешь – закрой глаза и ничего не делай. У тебя это славно получается. А когда проснешься, все будет так, словно Кона никогда не существовало. Это другой сценарий. Ты живешь, а Кон устранен.

– Но я не хочу его убивать.

– А чего он с этой паучихой?

– Он пытается создать будущее.

– Будущее с тобой?

– Почему? Почему я? Почему мне досталась эта сделка?

– Потому что любовь твоя – тепловатая, а желание – вполсилы да заносчивое. Я из другого времени-пространства, дорогуша, когда от любви чаши переполнялись, когда любовь убивала. Вот что я собой воплощаю. Когда боги с людьми силой мерялись, ссорились да сношались, а отпрыски их союзов бывали жуткие, а иногда и чудные. То Минотавр, то Геркулес. Где-то выиграешь, где-то проиграешь, покалечит тебя кто, уестествит, съест. Твоя же любовь – это за ручки подержаться, в щечку чмокнуть, двое из “Сиалис” в парных ваннах⁶². Твоя любовь – тепленькая паточка на носовом платочке Опры.

– Какого хера?

⁶² Имеется в виду реклама лекарственного препарата “Сиалис” (от эректильной дисфункции); в конце одного из самых известных рекламных роликов “Сиалиса” двое немолодых возлюбленных нежатся в раздельных ваннах с видом на закатное море.

– Когда у тебя последний раз намокали трусики от того, что в комнату вошел твой мужчина?

– Не знаю. Я так не мыслю.

– Почему же? Где твои дамские яйца? Надо помнить, чего ты вообще влюбилась когда-то.

– Я помню...

Эмер открыла рот и собралась заговорить, но ничего не возникло.

Сид ехидно рассмеялся.

– Ты не дашь ему быть мужчиной, а себе – женщиной. Может, ты и права. Может, это я топор точку – сам-то коротковат, и, наверно, от этого не без трудностей, – но признай же, такого отличного разговора у тебя с консьержем отродясь не случилось. И правду не отменишь: вы, люди, потускнели, а мы, боги, заскучали. Ты скучная! Ты – зверь, девица, так, нахер, и живи как зверь. Я не тебя наказываю, а твою разумность, которая отменяет жизнь, и твое обожествление Владыки Посредственности. Природу вечно отрицать не удастся, природа – она отомстит.

Все это застигло Эмер врасплох. Она глянула наружу, на лютый дождь – на весенний дождь, что в миг ясности отмывал городские улицы.

Чуть погода она проговорила:

– Но я правда его люблю.

Сид глубоко вдохнул и кивнул, а затем допил что там у него осталось.

– Ну и смотри тогда, что твоя любовь с ним делает.

На экране телефона водитель автомобиля отвлекается от СМС, но поздно. Резко вывертывает руль, шины визжат на мокром асфальте мимо Ананси, но прут по Кону – с тошнотворным шумом столкновения. Сид ухмылялся, как подросток, кино мерцало...

– О-о-ой-й-й-й-й... а вот это больно.

– Нет! О боже мой! Нет!

– Не волнуйся. Я это предложение делал десятки раз, ты держишься ни плохо, ни хорошо.

– Вы это устраивали другим? Другим женщинам?

– Да и мужчинам. Не надо сексизма. Да, в Нью-Йорке люди исчезают в серой мгле. Например, вот так – из-за любви. Из-за любви и денег. Реальность – навеки любимое реалити-шоу богов. Хотя в прошлом веке я много дел проворачивал на Уолл-стрит. Игроков там полно. Высокорисковые ипотеки, а? То в основном мои прислужники были, помахивали морковками на веревочках – и “бенджаминами”⁶³. Понци⁶⁴ был итальянским Сидом в те дни. Не стоит благодарности.

Эмер плакала. Сид протянул руку, обнял Эмер за плечи и сказал:

– Или – можно нажать на перемотку.

– Что?

– На перемотку. Перемотай само время – на “Самсунге” не получится.

– Да-да, нажать на перемотку.

– Тебе надо нажать, я не могу – таковы правила.

Эмер нажала на стрелки влево, и автомобиль помчал назад – смерть на обратной передаче.

– Круто, – проговорил Сид. – Давай еще разок посмотрим, мощный удар был.

Сид вновь нажал на “плей”, и фигурки на экране занялись тем же, что Эмер уже видела, – водитель строчил СМС, Кон и Ананси шли и смеялись, взявшись за руки, словно так им суждено. Играло вплоть до мига перед столкновением. Эмер нажала на паузу – знак равенства, две параллельные линии, что не соприкоснутся и в бесконечности.

⁶³ Стодолларовая купюра.

⁶⁴ Чарлз Понци (1882–1949) – американский предприниматель итальянского происхождения, строитель финансовой пирамиды, основатель “схемы Понци”.

Сид наблюдал, как Эмер замерла между Сциллой и Харибдой. Заговорил, чтобы подтолкнуть ее туда или сюда:

– Эй, бесхребетина, он себя королем чувствует, сделку заключает с паучихой, с дьяволом, со смертью, с успехом, как ни назови, он взял ее за руку и кто знает за что там еще, он душу свою продает и с тобой не советуется.

Она слушала слова, понимала, что ее мужчина соединился с другой женщиной, условия ей были известны. Она заговорила:

– Нахер его устремления. И нахер его самого.

– Ты будешь ему чужой, понимаешь? И чужой останешься. Совершенно чужой.

– Так. А жить мы будем по-прежнему вместе?

– Ты чего вообще, женщина?

– В смысле, будет оно так, что он проснется завтра утром в постели и меня не узнает – как в кино про парня с амнезией? Мне придется ухаживать за ним, пока не выздоровеет, и в конце концов он полюбит меня сильнее прежнего?

– Это что за драное, прости господи, кино такое? Нет, тут так не будет. Не проснется он у тебя в постели. Никогда. Ты с ним никогда не познакомишься. Он будет жить где-то на планете, и жизнь его с тобой станет смутно памятным сном, и тебе предстоит держаться от него подальше, иначе он все-таки сгинет.

– Ладно, ладно, незачем так раздражаться-то. Правила вовсе не внятные, но хорошо, я теперь поняла. Кажется.

– Ты отказываешься от своих притязаний на его сердце, душу и тело в прошлом, настоящем и будущем. – Он угрожающе наставил палец на иконку “Плей”.

– Да.

– Тогда жми “Стоп”, – торжественно сказал он.

Эмер нажала на “Стоп”.

– Теперь жми “Стереть”.

Эмер нажала еще раз, но попала на “Плей”.

– Черт, это “Плей”!

– Ух ты, ему кранты!

– Нет! Где “Стереть”?

– Это твой телефон. Мне с какого хера знать?

Эмер завозила пальцем по экрану, как ребенок, рисующий на скорость; нашла иконку с мусорным ведерком.

– Стереть! – Она все жала и жала и приговаривала: – Стереть! Стереть! Стереть!

– Повторять необязательно. Пальцем достаточно.

– Стереть!

– Стерто.

– Стерто?

– В корзине. Кону жить.

Видео на экране показывало, как автомобиль, избегая столкновения с Коном и Ананси, резко свернул. Фары озарили оторопевшую, но невредимую парочку и двинулись дальше, оставив двоих во тьме. Затем экран почернел.

– Кухулину жить, – проговорила Эмер.

Сид кивнул.

– Мужчине жить. Любви – умереть.

Часть вторая

*[Морж возник] из “Моржа и Плотника”.
“Алиса в Стране чудес”. По-моему, прекрасное
стихотворение... Потом я... осознал, что
морж в этой истории злодей, а плотник —
хороший. Подумал, ой, блин, я не того героя
выбрал. Надо было “Я Плотник”. Но тогда
получилось бы не то же самое, верно?*

Джон Леннон

Эмер-II

Необременительная мазохистская классика соула авторства Айзека Хейза “Иди мимо”, исполненная не менее убийственной и более известной Дионн Уоруик⁶⁵, вытолкала Эмер из глубокого сна горячим дрыном. Эмер схватила с тумбочки телефон в 6:46 утра 21 марта, чтобы мазком пальца выключить будильник, но затем откинулась на подушку. Не подремать, а вспомнить сон, и песня ей в этом помогала.

Эмер отродясь не спала крепко, а вот прошлой ночью дала сна: в матрасе ощущалась вмятина, словно на нем не шевелились часы напролет. Такой сон, как после операции или припадка, – с ней в детстве случалось, а во взрослом возрасте почти нет.

Это напомнило ей учебу в колледже, когда она выкурила столько травы и впала в такую паранойю, что хотела лишь одного – отключиться, а затем проснуться уже трезвой. Закрывает глаза, лежа на матрасе у себя в общежитской комнате, и ощущала, будто проваливается в черноту, нисходит, слой за слоем, сквозь сознание, как якорь, тонуций в океане забвения. Приятно, однако Эмер чувствовала, что набирает слишком большую скорость, как, должно быть, летящее в космосе тело, и улавливала, что под последним, самым глубоким, исполненным забвения слоем сна лежит смерть, за пределами принципа удовольствия, оттуда нет возврата, и если и дальше так падать, она провалится на обратную сторону сна и умрет. В ту ночь в колледже она заставила себя выскочить из постели, даже в своем обдолбанном состоянии убежденная, что спасла себе жизнь.

Но тот опыт Эмер изменил: казалось, она теперь знает, что есть пространства, куда нам обычно нет хода, там действуют другие законы, и физические, и духовные. Такой вот сон, чуяла она, был у нее этой ночью. Такой, что позволяет разделенным мирам – миру грёз, яви и чему-то промежуточному – на миг соприкоснуться. Мертвый сон мертвых.

Что же ей снилось? На тумбочке стояла плошка с растаявшим мороженым. Она помнила, что зачем-то хотела посмотреть Фэллона, однако, судя по всему, уснула. Помнила карлика и сделку; пусть и понимала, что вслух слово “карлик” ей говорить не следует, произносить же его про себя казалось допустимым. У карлика был ирландский акцент и волшебная телефонная трубка. Эмер взяла в руку свой телефон. Проглядела фотоснимки – отец, друзья, картинки с работы, подборка стикеров “сохраняй спокойствие и заполни прочерк”. Ничего странного. Айзек Хейз пел “Иди мимо”, но на деле имел в виду “прошу тебя, останься”... ах да, во сне у нее был парень. Карлик им был? Нет. Человечек был кем-то еще. Ее парень – вот как она поняла, что это все ей приснилось.

⁶⁵ Айзек Ли Хейз-мл. (1942–2008) – американский ритм-энд-блюз-музыкант, композитор, продюсер, аранжировщик, актер. Дионн Уоруик (р. 1940) – американская поп-певица, лауреат пяти премий “Грэмми”. “Walk On By” (1964) – песня из альбома Уоруик “Make Way for Dionne Warwick”.

Открыла ноутбук, завела новый файл, назвала “Большой Сон” и набросала кое-какие воспоминания, хотя, по мере того как сон таял, некоторые образы, возможно, уже оказывались вольными ассоциациями или толкованиями задним числом – *карлик* (на этот раз она набрала слово на экране, и ей от этого стало так себе – но сон же это был, а сны не помуштруешь, думала она, не надо тут судить, пусть будет как есть), волшебный телефон карлика, пауки, там были пауки – или паук, смерть, кто-то мог умереть, любовь, Нобу (Нобу?), да, Нобу (и все блекло, блекло, она уже сомневалась, не выдумывает ли остальное), автомобильная авария, что-то там в рост, сиднем... и... и... ничего не осталось.

Все ночные образы истаяли и растеряли всякую отчетливость, их заменило глубокое, всепоглощающее чувство смутной утраты, потери. Чего потери, она не знала, однако сила утраты ее потрясла. Ощущается как смерть. Эмер теперь уже полностью проснулась, и в тот мир ей не пройти – ни вернуться туда, ни вернуть его. Эмер вернулась. Пора на работу. Пора по пончикам. Идем мимо.

Пока ждала кофе, взяла укулеле и принялась наигрывать “Ровную струю” “Пёрл Джемма”⁶⁶, на уке получалось кастрированно, истерически смешно и хулигански. Играть она выучилась сама несколько лет назад и пришла в ужас от того, как часто про это пишут на сайтах знакомств, которые она время от времени просматривала, но не регистрировалась. Играть на укулеле – новая ироничная хипстерская заморочка, типа крафтового пива и всякого прочего бруклинского. Хипстерство она не выносила на дух, а вот укулеле ей нравился – эта трямкающая залихватская невинность и неотвратимые ассоциации с Гавайями и тамошними белыми песчаными пляжами.

Эмер вышила кофе из кружки “Мозгоправы делают это 50 минут” – подарок от подруги Иззи, на кромке скол, поэтому все время приходилось эту кружку поворачивать, иначе можно губу поцарапать. Давным-давно надо было ее выбросить, опасно для здоровья же, но Эмер трудно давалось расставаться с вещами, которые ей нравились, и если вещь была с ней достаточно долго, Эмер начинала приписывать этой вещи чувства. “Бедная кружка-старушка”, – думала она, нельзя выбрасывать вещь в мусор только потому, что она старая и уж не такая, как прежде. Даже если о нее иногда режешься.

⁶⁶ “Even Flow” (1992) – песня американской группы “Pearl Jam” из их дебютного альбома.

Святая Маргарита (Антиохийская)

Эмер преподавала в первых классах Католической школы св. Маргариты в Нижнем Ист-Сайде. Ежеутренне, если боги подземки взирали на Эмер благосклонно, ей доставалось сидячее место, и она озиралась по сторонам в поисках материала для чтения. И опять ей попала реклама конкурса “Мисс Подземка”. Эмер задумалась, какой могла бы оказаться ее краткая биография. “Знакомьтесь: Эмер Ганвейл. “Ганс” – учительница начальных классов, живет одна. Поплачьте за нее”. Нет. “Эмер – в меру счастлива, считает твиттер концом света, не смотрела “Гамильтона”, однако врет про это, а также “тревожится за экологию”. Херня какая. “Знакомьтесь: Ганс – так зовут на фейсбуке нашу новую Королеву Подземки миллионы ее друзей; она обожает фанфики по “Гарри Поттеру”, фруктовые сидры домашнего изготовления и 69 стоя...”

Эмер рассмеялась – она понятия не имела, откуда это взялось. Книги про Гарри Поттера ей даже не нравились. Вот ее понесло-то. Нет, дело не в том, что ей не нравилось 69 стоя или что она не знала, нравится это ей или нет, поскольку ни разу не пробовала, да и толком и не понимала, как это, хотя число позволяло строить довольно отчетливые догадки. Вроде как-то... натужно? У нее самой вообще никакого секса не было уже некоторое время. С другим человеком, участвующим телесно. “Знакомьтесь: Эмер Ганвейл – секса у нее не было уже сколько-то...” Представила, как выполняет стриптизное движение у вертикального поручня посреди вагона, и так оживленно помотала головой, что парень, сидевший рядом, глянул на нее с искренним беспокойством.

Сегодня никаких приставал, раскоряк или Леманов-враслопырку, слава богу. Выбрала себе “Ход мыслей” для чтения.

Не бойся: этот остров полон звуков
И голосов отрадных и безвредных.
Порой как будто сотни инструментов
звонят в моих ушах;
Порой проснусь я, а пенье вновь баюкает меня,
И в сладком сне, раскрывшись, облака
Меня осыпать золотом готовы.
Так это радостно, что, пробудившись,
Я снова сон зову.

Уильям Шекспир. “Шмурия”⁶⁷

Именно так она себя чувствовала сегодня утром, пробудившись от того сна, – звала бы его, как Калибан, чтоб вернуться и погрезить еще. Ох уж этот Билли Шекспир, везде поспел первым, а? Саму родную речь лишил невинности – после того, как Чосер купил ей выпить. Эмер заметила опечатку – подарочек от ГТУ: “Шмурия” вместо “Буря”. Красота какая. “Шмурия” ей нравилась почти так же, как “Шмакбет”, мрачная кровавая повесть о чрезмерно борзой кошелке, или “Шмамлет”, или “Шмон в летнюю ночь” – эта пьеса практически сама себя написала бы, решила Эмер.

Закрыла глаза, прислушалась к рокоту поезда и отогнала от себя латентную клаустрофобию битком набитого вагона. Не бойся, думала она, этот остров Манхэттен полон звуков. Подобный тарарам мог бы превратиться в сокрушительный грохот, и Эмер сознательно разделила эти звуки – рельсы, гул, человеческие голоса, звуки шагов, открытия-закрытия дверей, –

⁶⁷ Акт III, сцена 2, пер. Т. Щепкиной-Куперник.

но и по одному их было слишком много, они мешались с запахами, и возникла синестезия, пот и нездоровое дыхание смешивались с чувствами и их толкованием в единое смятение. Эмер колебалась между отдельностью и единством – отдельными музыкантами в оркестре и слитным целым. А затем сдалась, позволила всему этому нахлынуть. Отчасти понадеялась, что милая подземочная грёза позволит ей вернуться в тот большой сон. Не дала.

Классная комната мисс Эмер Ганвейл располагалась на третьем этаже старого здания, что высилось рядом с тем местом, где когда-то был сад Бревурта⁶⁸. Примерно в 1815 году начали расширять Бродвей и собирались тянуть эту магистраль прямым через его сад, но Бревурт продавать свою землю отказался. Вот почему Бродвей в районе Десятой и Четырнадцатой улиц искривляется к западу. Эмер много чего знала об истории Бродвея, поскольку заброшенный проект, над которым она работала много лет, был посвящен чужестранным богам в Нью-Йорке, ассимилировавшимся вместе со своими ассимилировавшимися иммигрантскими общинами. Эмер начала писать своего рода квазивымышленную или полужактическую духовную историю города, но затем решила, что порожняк это: она читатель, а не писатель. Впрочем, сама эта тема напомнила ей о том же сне. Да, сон, кажется, смутно очерчивал то же, что и ее давнишние исследования. Вот приколы. В мозгу, как на чердаке, место ограничено, писал поэт Джон Эшбери⁶⁹, однако все-то в нем умещается.

– Доброе утро, мисс Эмер! – нескладным хором сказали дети. Она была из тех женщин, которым больше нравится, когда дети зовут их “Эмер”, но школа Святой Маргариты была из тех учебных заведений, где больше нравится, когда дети зовут Эмер “мисс Ганвейл”, поэтому порешили на золотой середине.

Мисс Эмер была отличной учительницей, в школе и в округе ее ценили, а теперь уже подросшие выпускники заглядывали поблагодарить ее – или же благодарили, повстречав на улице. Странно это – видеть бывшую свою первоклашку, которой теперь слегка за двадцать, она катит перед собой коляску и кричит: “О господи, мисс Эмер!” У бывшей ученицы уже ребенок и муж, она превратилась во взрослого человека, родительницу, а мисс Эмер, по сути, никак не изменилась, просто стала старше. К таким вот случаям, несчастным, но все же заметным, Эмер приходилось себя готовить, от них у нее почти кружилась голова – как от искривления во времени. Она не ощущала потребности выходить замуж и рожать ребенка, но когда видела в какой-нибудь своей бывшей ученице гордость, преображение, ей становилось до странного не по себе. Эмер была счастлива за этого бывшего ребенка, дело не в этом, да и зависти не ощущала, просто смена определений происходила так быстро, что Эмер не успевала приспособиться. Двадцатидвухлетняя шестилетняя девочка позанималась сексом и родила – ребенок стал матерью. Подобные чокнутые мысли сбивали Эмер с толку.

От давнишнего своего парня Эмер пару раз беременела, после второго выскабливания осталось много рубцов, и ей сказали, что забеременеть еще раз будет “очень трудно”. В общем, не случится – по крайней мере, в этой жизни, даже если она успеет до финишной черты найти себе подходящего спутника, но Эмер хватало детей в школе, чтобы быть им всем “матерью”. Она учила их читать. Делилась с ними самым любимым своим делом.

Все начиналось с “Песенки гласных”. Эмер запевала: “А-Э-И-О-У, А-Э-И-О-У – скажем-ка наши гласные, споем-ка наши гласные”. Обнаружив, что письменно учить читать противоречит тому, как это звучит для детей фонетически, Эмер сочинила мелодийку. Она пела не “Эй-И-Ай-Оу-Ю (и иногда Уай)”⁷⁰, а “А-Э-И-О-У” – как оно произносится, а не пишется. За

⁶⁸ Голландская семья Бревурт переехала в Новый Свет в первой половине XVII в. и обосновалась на территории современного Бруклина; Хенри Бревурт-ст. (1747–1841) был первым хозяином тех земель, о которых идет речь в тексте; потомки Бревуртов вернулись в Бруклин лишь в 1845 году.

⁶⁹ Джон Лоренс Эшбери (1927–2017) – американский поэт-постмодернист и сюрреалист, автор более двадцати сборников стихов, обладатель едва ли не всех престижных американских поэтических премий, в том числе и Пулитцеровской (1976).

⁷⁰ Названия английских букв “А”, “Е”, “И”, “О”, “У” (и “У”).

многие годы выяснилось, что фонетический подход и уж тем более песенка очень действенны. Эмер по-прежнему плакала, когда ребенок впервые начинал читать. Словно она помогла этому ребенку примкнуть к роду человеческому и к жизни ума, поставила штамп в его паспорте подросшего человека.

И все-таки в последний год, запоздало уступая времени, она предложила детям рэп-версию “Песенки гласных”, и при воспоминании об этом загревок у нее пылал от стыда. Она что, правда спела “А-Э-И-О-У и иногда Йоу-Йоу-Йоу”? Спела. Божечки, спела. Позорище в ее же уме. Но дети были в восторге.

Она принялась петь “Песенку гласных” и тут же заметила, что новенькая, бледная белокурая малютка по имени Люси, принялась ерзать и возиться – красноречивый намек на то, что ребенку хочется писать. Эмер примолкла и спросила:

– Люси, тебе надо в туалет?

Люси закусила губу и покачала головой – нет. Эмер кивнула, и все продолжили петь. Минут через двадцать дети разделились на группы и занялись своими заданиями, Эмер, видя, что Люси по-прежнему возится на стуле, вновь спросила у нее, не надо ли ей в туалет. Люси повторила – не надо. И тут Эмер заметила, что под стулом у Люси лужа, а с бледных ног девочки капает желтоватая моча, синие форменные носочки и туфельки потемнели. Эмер улыбнулась, подошла и взяла Люси за руку.

– Пойдем, – прошептала она, – давай тебя помоем, ага?

Девочка – глаза мокрые, сама одеревеневшая – молча кивнула, схватилась за руку Эмер и позволила вывести себя из класса.

Добравшись в уборную, Эмер помогла девочке снять сырые трусы и попросила куда-то не уходить, а сама ринулась в кладовку за свежим коричневым форменным свитером. На обратном пути сунула голову в класс – проверить, не начались ли бесчинства. То, что она увидела, ее ошарашило.

Похоже, дети взялись за дело, как только учительница и ее подопечная вышли. Ученики вытерли пол и парту бумажными полотенцами, позаимствованными в уголке рукоделия. Они так увлеклись уборкой любых следов конфуза, что не заметили Эмер в дверях. Трудились дети молча, каждый сам по себе, но в полной гармонии, словно рой пчел. Эмер шагнула обратно в коридор, чтобы ученики не услышали, как она охает, а затем давится внезапно накотившими слезами. До чего же растрогала ее щедрость этого маленького народца, их природное сочувствие. Само собой, эти дети нередко бывали и гаденышами, но вот этот миг опосредованного сострадания разбил Эмер сердце надвое.

Когда она вернулась в уборную, девочка успела расстроено скомкать грязную форму. Эмер просто сказала, что все в порядке.

– Все хорошо, Люси, – проговорила она. – Со мной тоже такое случалось, да и со всеми.

Девочка переделась в чистый свитер, и они вернулись в класс как ни в чем не бывало – и, судя по тому, как все выглядело, ни в чем и не бывало.

В обед Эмер рассказала своей подруге Иззи Моргенстерн, школьному психологу, что случилось, и Иззи, человек более жесткий, чем Эмер, усмотрела в этом не столько сострадание, сколько коллективный стыд. Назвала это “прикрывательством”:

– Ты наблюдала развитое чувство стыда у маленьких запрограммированных роботов – оно уже инстинктивно, а это чудовищно. Выдался вам педагогический случай, миссис Чипс⁷¹, и вы его профукали.

– Да ладно тебе, Иззи, это же красиво – красивый коллективный жест.

⁷¹ Отсылка к психологической повести о жизни школьного учителя “Прощайте, мистер Чипс” (1934) английского прозаика и сценариста Джеймса Хилтона (1900–1954).

– Они действовали из ненависти к телу, как подавленные буржуазные взрослые; замели уродство, то, что есть по-настоящему, под ковер, для отвода глаз.

– Это было трогательно.

– Давайте лакировать хуи, пизды, ссаки и сраки.

– Я ем.

– Сегодня они утратили невинность.

– А мне кажется, они немножко повзрослели – в здоровом смысле слова.

– А как же девочка, которая описалась, а затем увидела, что все исчезло как по волшебству? Как же ее стыд, ее бессловесность?

Эмер показала на стол в обеденном зале, где малышка Люси ела в немаленькой компании друзей, все там смеялись и болтали друг с дружкой, без всякого намека на то, что случилось сегодня утром.

– Она, конечно, вся бедная-несчастливая, да?

– Ненавижу, когда верх берут буржуазные ценности. Молодец, в общем. Давай теперь о “Девчонках”⁷², а?

Иззи в своем порицании была серьезна, но лишь наполовину. Ей нравилось изображать из себя рупор марксизма, но роль эта нравилась Иззи скорее оттого, что она понимала, до чего здорово та ей дается. Знала, что Эмер этот спектакль тоже нравится. Рядом с Иззи Эмер чувствовала себя отважной – или же ей казалось, что в присутствии подруги она способна выходить за рамки и нарушать правила, хотя всамделишных хулиганств никогда не вытворяла.

– Эй, слушай, Иззи, я тебе прошлым вечером не звонила? – спросила она.

– Типа по телефону?

– Ага.

– Вряд ли.

– Хм.

– Хм?

– Мне приснился отчетливейший сон... в нем не мир поменялся или начал подчиняться другим законам, а я изменилась, была другим человеком в другой жизни. У меня никогда раньше таких снов не бывало.

– Сообщи прессе.

– Ну чего ты?

– Извини, но это ж смертная скукоптица хуже не бывает – выслушивать пересказ чужого сна. Что там у тебя? Единорог, что ли, наблевал радугой и насрал “Старбёрстом”⁷³? Обалдеть...

Обе посмеялись.

– У меня во сне был парень.

– Ничего, если я с собой покончу сейчас же?

– Знаешь, ты не очень хороший психолог.

– Я либо хороший мозговед, либо хорошая подруга. Не обе разом. Выбирай.

Эмер выбрала.

– Подруга.

⁷² “Girls” (с 2012) – американский комедийно-драматический телесериал на канале Эйч-би-оу.

⁷³ “Starburst” (с 1960) – американская марка разноцветных конфет-тянучек производства компании “Марс”.

Джимми Ганвейл

По дороге с работы домой Эмер зашла проведать своего восьмидесятиоднолетнего отца. Старик страдал от зачаточного маразма и обитал в доме престарелых на углу Риверсайда и Восемьдесят шестой. Там было чертовски здорово – вид на реку, круглосуточный присмотр, оплачиваемый в основном из страховки и истощавшихся отцовых сбережений, – но все равно уныло. Персонал из всех сил старался постоянно занимать шаркавших, тряских обитателей, составлял им программы фильмов, прогулок, поездок в музеи, концертов школьных оркестров. Черепашня бурная деятельность в этом заведении вызывала у Эмер противоположное чувство: неотвратно давала понять, что этим людям нечем, ну совершенно нечем заняться. Она появлялась здесь, и ей казалось, что мир переходил на замедленную съемку. Восемьдесят шестая улица – последняя остановка поезда смертности, экспреса “Забвение”.

Эмер обнаружила отца на кровати – как обычно, он смотрел “Новости Фокс” вместе со своей медсестрой-филиппинкой по имени Джинь-джинь (Эванджелина). Эмер воскликнула с деланным гневом:

– “Фокс”? Джинь... чего это?

– Ему хорошо, – отозвалась Джинь-джинь. – Может понимать.

Так и было: старик любил смотреть “Фокс” и профессиональный рестлинг. Эмер подумала, что разница между первым и вторым небольшая: всегда знаешь, кто тут наш, а кто гад.

Эмер больше нравилось читать отцу, как он читал ей, когда она была маленькой. Поговорила с врачами, сведущими в процессах старения, ей объяснили, что память о занятиях музыкой или танцами, глубоко впитанную мышечной памятью и облаченную в миелин юности, доставать проще, чем другое знание, и что участие в таких занятиях ненадолго и урывками возвращает молодость. Как в книгах Оливера Сакса. Такой вот миг из “Цветов для Элджернона”. Женщина, чье сознание и личность, кажется, утрачены, танцует вальс безошибочно и в ритм – и внезапно возвращается к себе самой на те мгновения, что движется, пока танцует, пока поет. Эмер надеялась, что так же подействует на отца чтение. Но чаще всего он лишь делал “Фокс” погромче.

Альтернатива “Новостям Фокс” – монолог Джинь-джинь, галлюциногенная смесь “Больницы”⁷⁴ и других мыльных опер со здоровой дозой филиппинского фольклора, своеобразная добавка от Маленькой Манилы, Вудсайд, Квинс. Эмер помнила, как она однажды нарвалась на обсуждение мананангала: отец спорил со своей сиделкой и был на редкость оживлен. Это было тем более странно, поскольку Джеймс Ганвейл почти всю свою взрослую жизнь был привержен католицизму. Именно Джиму Ганвейлу восьмилетняя Эмер объявила как-то раз за ужином, что собирается стать священником. Мать ушла из-за стола и предоставила отцу объяснять, что эта профессиональная стезя для женщин закрыта.

– Можешь заделаться монахиней, – сказал он тогда.

Эмер изучила вопрос и осознала, что и впрямь католическим священником ей не быть, а потому решила стать священником пресвитерианским. Отца это не обрадовало.

– Через мой блядский труп, – отрезал он.

И вот это ранило Эмер до глубины души – этот разрыв с отцом в черно-белых тонах юного ума: недотягивает она, ни в отцовских глазах, ни в божественных, поскольку девчонка, и она по-своему очень лично, необратимо и упрямо восстала против Бога. Не желает она служить, и ее *non serviam*⁷⁵ обрело вид зачитанного до загнутых уголков, пожелтевшего тома в бумажной

⁷⁴ “General Hospital” (с 1963) – американский медицинский телесериал на канале Эй-би-си, один из самых продолжительных сериалов американского телевидения.

⁷⁵ Не буду служить (*библ., лат.*) – фраза Люцифера, адресованная Богу.

обложке – “Мифология: нетленные истории о богах и героях” Идит Хэмилтон⁷⁶. Эта книга заменила Эмер Библию.

И тот же догматик Джим Ганвейл, который скорее умрет, чем увидит, как его дочь впала в протестантизм, теперь пылко увлекался языческим фольклором Джинь-джинь. Судя по всему, мананангал – злобное чудище-людоед, способное отрывать собственное туловище от ног, выпускать здоровенные крылья, как у летучей мыши, и парить в ночи в поисках жертвы. Добыча этого чудища – в основном спящие беременные женщины, мананангал выпускает свой язык-хоботок и высасывает сердце плода. Эмер с облегчением узнала, что мананангал, как и балканский вампир, не выносит чеснок и солнечный свет. Вот поэтому у отца над изголовьем висят чесночные зубчики.

Эмер склонилась к отцу и сказала:

– Привет, пап.

Он вытянул шею, словно дочерина голова заслоняла на телеэкране что-то очень важное, а не вот этот сморщенный большой палец в парике из натуральных волос – Шона Хэннити⁷⁷. Эмер полистала свою библиотеку “Киндл”, искала, что бы такого почитать отцу, надеясь, что завладеет его вниманием прежде, чем появится очередная напыщенная говорящая голова.

Не замечая Эмер, отец сказал:

– Не могу вспомнить. Не могу...

– Что не можешь вспомнить, папуль?

– Не могу вспомнить, когда в последний раз с кем-нибудь переспал.

– Ой-ёй, пап.

Джинь-джинь захихикала, как дебютантка:

– Ой, мистер Ганвейл.

– Не будь такой цацей, Билл.

– Я женщина, папуль.

– Еще бы, Билл, если тебе так нравится. Тут-то и конец всей Америке. Брюс Дженнер⁷⁸.

Не желаю я говорить “Кейтлин”.

– Все нормально, папуль, говорить “Кейтлин” необязательно.

Джинь опять захихикала. Она вообще много хихикала, но на самом деле была крепким орешком. После таких вот обменов репликами Эмер случалось плакать, случалось и смеяться, а затем отчитывать себя за этот смех.

Но все, что слетало с губ ее отца, могло быть намеком на то, чего Эмер не хватало. Она вцеплялась в немного им сказанное и теребила добычу, как пес, пыталась добыть сердцевину из разгрызенной косточки, извлечь значение, обнаружить человека, которого она когда-то знала, во всяком хламе, что сыпался из его уст. В ее детстве отца ей не хватило, она с ним не наигралась, хотела добавки, и из-за этой нужды им друг с дружкой было неловко, даже когда он стал вот таким, как сейчас. Он не хотел, чтобы его просили о чем бы то ни было. Не хотел он чувствовать, что в чем-то недотягивает. Время от времени она пыталась его подтолкнуть.

– Слушай, папуль, а у тебя дочка есть?

– Да, есть.

– А как ее звать? – Краем глаза Эмер видела, как Джинь-джинь вскидывает руку – рьяная школьница, ни дать ни взять. – Джинь! Не подсказывай ему...

Добросердечная Джинь-джинь нередко подбрасывала ответы, словно все это телевикторина и можно обратиться к помощи друга.

⁷⁶ “Mythology: Timeless Tales of Gods and Heroes” (1942); Идит Хэмилтон (1867–1963) – американский просветитель и писательница, один из самых известных в США классицистов своего времени.

⁷⁷ Шон Патрик Хэннити (р. 1961) – американский телеведущий, консервативный политический комментатор.

⁷⁸ Кейтлин Мари Дженнер (ур. Уильям Брюс Дженнер, 1949) – американская телезвезда и (до физической смены пола с мужского на женский) олимпийский чемпион мира по десятиборью.

Отец говорил:

– Эмер.

Джинь-джинь хлопала в ладоши, и вид у нее был такой, будто она ждет, что с потолка посыплются конфетти и воздушные шарик.

– Я – она?

– Не говори чепухи.

– Где она? – Эмер завладела его вниманием. Такое случалось все реже, и она решила не отступать.

– Не знаю, братец, пропала в бою.

– Я – Эмер.

– Билл, не время сейчас для саморазоблачений.

– Ну а что эта Эмер? Она какая вообще?

– Ты к чему клонишь, Билл?

– Не знаю... Она кулема? Разочаровала тебя?

Эмер не понимала, откуда это взялось. Джинь-джинь вздохнула.

Отец сосредоточился на ней и произнес:

– Нет, но ей кажется, что да.

Эмер всхлипнула. Такого она не ожидала. Она-то рассчитывала на Альцгеймера влегкую, а получила Альцгеймера с отягощением.

Не раз и не два отец был ей заступником. Эмер в детстве витала в облаках и иногда путала грёзы с действительностью. Мать это в ней терпеть не могла, словно такое угрожало ее собственной хрупкой связи со всамделишным, и потому отвела семилетнюю Эмер к психологу, чтобы ребенок “прекратил ворон считать”. Как будто Эмер это делала матери назло. С психологом Эмер разговаривать понравилось и проходить тест Роршаха по картинкам, разложенным на столе перед ней, понравилось тоже, но она все равно понимала, что ее мечтательность делает ее немножко не такой, как все.

Взяли ненужные анализы. Эмер продолжила сновидеть наяву и даже пережила парочку припадков поздней ночью, лежа в постели, но матери о них ни слова не сказала. Небольшие легкие припадки у нее продолжались и по сей день, она их про себя именовала своими “тайм-аутами”.

Маленькой Эмер показали рентгеновские снимки ее мозга, мать тыкала в них пальцем и приговаривала:

– Смотри, они идеальные, прекрасные.

Но доктор возразил:

– Вообще-то нет. – Показал на крошечную тень в височной доле у левого уха, которая его не слишком беспокоила, однако биопсию сделать все равно придется.

Эмер те снимки заморозили – черно-белая симметрия мозга, похожего на половинку дыни, левое и правое полушария, – и она спросила, что это за связующая ткань между ними. Сосредоточилась на этом. Связь. Ей сказали, что это мозолистое тело, Эмер поставила себе диагноз и обратилась к матери:

– Левая часть не спит, а правая – она для сна и снов, и у большинства людей этот мост закрыт, а у меня нет. Поэтому некоторые могут ходить туда-сюда. У меня мост открыт. – И хотя с ней, вероятно, что-то могло быть катастрофически наперекосяк, она увидела, что мама плачет от благодарности за этот чудной самодиагноз.

Сделали биопсию, ничего не нашли, но у Эмер на всю жизнь остался шрам, который вскоре скрылся под отросшими волосами. “Припадки”, видения на какое-то время прекратились после устранения тени, но с годами вернулись, хотя никакой тени врачи больше поймать не могли. Должно быть, это тень тени, так это себе представляла Эмер, пока была ребенком, и, более того, считала эту тень своей, той частью себя, которая делала Эмер такой, какая она есть,

и дарила ей ее видение. Машинально щупала шрам, когда выпадали напряженные минуты, – так другие люди наматывают на палец прядь волос. Прикасаться к тени той тени помогало возвращать себе себя.

Эмер встала налить себе выпить. Открыла холодильник, набитый винными коктейлями. В расцвете лет отцу нравилось запивать черным “Джонни Уокером” стейк у Питера Лугера⁷⁹, в особых для низов среднего класса случаях – с кровью, но в его нынешнем состоянии вкусовые сосочки сделались как у ребенка, и он предпочитал сладчайшие, дешевле вина и холодные “Шеф Боярди”⁸⁰ прямо из банки. Кто из этих двоих был ее “настоящим” отцом? “Гиннесс” с соленым миндалем – или слабоалкогольная газировка с “Орео”? Какой вариант мил ей самой? Она отхлебнула через соломинку. На вкус – как охлажденная моча алкоголика с лимончиком. Отец позвал ее из постели.

– Мне надо сказать кое-что Эмер.

– Что?

– Строго ей на ушко.

– Скажи мне, я передам.

Он поманил ее поближе, чтобы шептать. Ощувив у своего уха его пересохшие губы и спертое дыхание, она содрогнулась.

– Поимей, Билл.

– Поимей? Поимей что?

– Поимей, куда могёшь.

⁷⁹ “Стейкхауз Питера Лугера” (осн. 1887) – мясной ресторан в Бруклине; второе такое заведение находится на Лонг-Айленде.

⁸⁰ Американская марка консервированных макарон (с 1928).

Corvus corvidae⁸¹

Эмер хотелось дойти до дома через парк Риверсайд. Несчастный парк Риверсайд, рыжеволосый пасынок Центрального парка, серебряный медалист, высотка “Крайслера” по сравнению с высоткой “Эмпайр-стейт”. Эмер выбралась из отцовской богадельни, и тут же ливануло – здоровенными каплями размером с десятицентовик. Подобно цветам в тропической Африке, распускающимся при малейшем намеке на дождь, на бесплодном асфальте при всяком ливне возникали африканские торговцы зонтиками и предлагали свой бросовый товар. В один миг, не успевали тучи заслонить солнце, поддельный люкс – фальшивые сумки “Прада” и фальшивые платки “Эрме” – прятался с глаз долой, где посуше, и на его месте возникало беспредельное разнообразие зонтиков.

Эмер подошла к темнокожему мужчине в красочных обмотках его родной страны. На картонной стойке черным маркером было выведено “\$10”. Она понимала, что это одноразовое барахло протянет пару кварталов, после чего вывернется наизнанку при малейшем порыве ветра, однако такова нью-йоркская традиция – покупать дешевые зонтики. Эмер предложила торговцу десятку, он глянул ей в глаза, протягивая руку, и замер, улыбаясь широко, но странно, едва ли не со смехом.

Она понадеялась, что он не станет препираться о цене. Эта сторона уличной торговли ей не нравилась. Отец – христианская половина ее родителей – когда-то увлеченно торговался с декабрьскими торговцами рождественскими елками. Этой нью-йоркской традиции отец, человек приверженный, следовал истово. Бывало, укутывал Эмер и сообщал ей, какова их почетная задача: отпраздновать рождение Христа, заключив наилучшую сделку на мертвое дерево. Отец натаскивал Эмер в будничном, непринужденном и беззастенчивом антисемитизме Нью-Йорка – к ворчливой потехе матери. Ему нравилось называть евреев “носами”, “шляпами” или “бубликами”, однако предубеждение это было в нем совершенно не практическим и праздным, словно ему привили мертвый штамм этой хвори. Более того, лучшим другом отца был Мэтти-Шляпа.

– Чем займемся, Эмер, дорогуша?

– Пойдем добывать елку.

– Как мы будем ее добывать?

– Мы их “зажидим”, папуль.

– Не мели языком, Эмер. Никогда больше не повторяй это, – одергивала мать с кухни.

– Все верно, – продолжал отец, посмеиваясь. – Мы торгуемся, только когда дело касается Спасителя. – Мать злилась, отец приговаривал: – Ладно тебе, милая, Рождество же.

Сбивать цену у африканца Эмер не хотелось. А он вроде бы не рвался вообще брать у нее деньги. Наоборот – взялся что-то там всерьез обсуждать со своим коллегой. Эмер прислушалась и подумала, что уловила слово “ананасы” или похожее, а еще отчетливо разобрала слово “шанго” – те двое как раз посмотрели в небо. Осознав, что она слушает, отошли на несколько шагов.

Наконец первый торговец вернулся, сунул Эмер зонтик, едва ли не боясь ненароком коснуться ее.

– Ананасы, – кажется, повторил он.

– Ананасы? Что – ананасы? Что? Почему?

– Шанго, – произнес он, глядя в темнеющее небо. – Даром. Друг Ананси. Даром.

Эмер засомневалась, не разводка ли это какая-нибудь, – а ну как ее потихоньку подводят к чему-то, как те подложные электронные сообщения из Африки с адресов друзей, которые

⁸¹ Букв.: Ворон врановый (лат.).

теряют бумажники и нуждаются в наличных, и испугалась, что, если примет зонтик, не расплатившись за него, эти двое устроят что-то мутное, – но она уже начала мокнуть под дождем.

– Спасибо? – проговорила Эмер вопросительно и, щелкнув кнопкой, раскрыла зонтик, тут же осознав, что пружинный механизм сдох, лишаясь невинности, и потому зонтик этот приведен в действие в первый и последний раз. Эмер развернулась и двинулась к парку Риверсайд.

Возле парка полило уже сильнее – настоящий весенний дождь, и шорох крупных щедрых капель по зонтику действительно и приятно отсекает шум улицы. Эмер подивилась, сколько всякого такого, что позволяет забыть о Нью-Йорке, ценят горожане: гулять по Центральному парку, уезжать на выходные в глубину штата, смотреть, как глушит городские звуки ливень или снегопад – когда все глохнет и замирает. Эмер казалось странным, что столько людей выражают свою любовь к мегаполису, отыскивая и ценя переживания, отменяющие мегаполис, хоть физически, хоть психически. Словно то, что делает город замечательным, напрямую связано с человеческой способностью покидать его – в уме или на машине.

Эмер шла и все более осознавала контрапункт – щелканье или чириканье. Остановилась, чтобы разобраться, откуда он исходит. Вычислила источник: толстый древесный ствол в нескольких ярдах от себя. У его основания что-то возилось – какой-то шевелящийся комок. Приблизившись, Эмер разглядела крошечную угольно-черную птицу – даже птенца; он, видимо, выпал из гнезда и теперь совершенно промок, пытаясь выбраться из грязи.

Она опустила на колени, чтобы получше разглядеть эту кроху, укрыла его под зонтиком. Всмотрелась в темные, влажные, мигавшие глаза. Если б желала, могла бы увидеть в черных, прикрытых веками сферах злую волю и мощь динозавра, а могла спроецировать растерянный младенческий ужас беззащитной твари. Но трудно было решить, смотрит ли “на” глаза птицы или “в” них, отражающие преграды – или восприимчивые озера эти блестящие темные поверхности. Мы делим планету с существами столь древними, подумалось Эмер, даже в этом городе, предельно далеком от природы. Все еще царили здесь, если слушать внимательно, древнее волшебство и ужас манахата⁸². Все еще падали с деревьев крошечные динозавры.

Эмер глянула вверх, пытаясь обнаружить взрослую птицу в гнезде, и задумалась, как ей помочь – этой аватаре юрского периода. Не наперекор ли природе этот жест сострадания?

Протянула руку – посмотреть, как “она” отреагирует (найденщица Эмер мысленно именвала “она”, хотя понятия не имела, какого эта птица пола), но ее остановило, не дав прикоснуться, заемное знание (тут Эмер задумалась, какая часть ее городского знания – особенно о живой природе – заемная, и вообще до чего призрачны наши двоюродные соображения о том, что, как нам кажется, мы знаем...), что, быть может, некоторые животные отвергают соплеменников, учуяв от них человеческий запах.

Так уж ли боятся и ненавидят нас теперь в мире природы? – задалась она вопросом. Возможно, – и, возможно, не без причины, поскольку мы, люди, – боги разрушения, мы Шива, сокрушители миров, податели смерти и уничтожения, где б ни появлялись, думала она, глядя в крону дерева, не заметно ли там тревоги или же любви. Человек. Злое это чело, и век его злой. Человечица. Не волчица. Не рушить пришла она. Эмер решительно взяла в ладонь птенца, осторожно опустила, словно ловкий вор, в карман куртки и заспешила домой.

⁸² Манахата – индейское племя, обитавшее у одноименной реки, впоследствии получившей название Хадсон (Гудзон).

Птичка Ням-Ням

Эмер устремилась домой со всей возможной прытью, но так, чтобы не помять птицу в кармане. Устроила в большой салатнице самодельное гнездо из старых кухонных полотенец и мелко нарезанной бумаги. Опорожнила и помыла флакончик из-под “Визина”, заполнила его молоком и выдавила каплю-другую в клюв птичке, но та, кажется, не проголодалась. Лежала на боку среди тряпок и дышала до того часто и поверхностно, что, думалось Эмер, долго в такой панике найденышу не протянуть. Она приложила кончик указательного пальца к птичьей грудке и ощутила едва заметный намек на заполошный пульс. Птица на доброту не откликнулась никак, не сопротивлялась. Эмер прикрыла ее бумажным полотенцем, как укладывают спать ребенка.

Отправилась на кухню посмотреть, не найдется ли какой-нибудь твердой пищи, какая сгодится для птенца. Взяла несколько виноградин. Нашла миндаль и даже зачем-то семечки подсолнуха, порезала все это как можно мельче “кулинартом”⁸³, добавила молока, набрала получившуюся смесь на кончик ножа, размазала ее по маленькому кофейному блюдцу и устроилась рядом с птичкой. Зацепила немножко смеси пальцем и коснулась птичьего клюва. И опять ни принятия, ни сопротивления не встретила. Подумала, не погуглить ли какую-нибудь службу спасения дикой природы, но решила, что пока сама справится. Постановила именовать найденыша обтекаемо – Птичкой Ням-Ням, из почтения к бессмертному Питеру Селлерзу⁸⁴, тем самым надеясь, что удастся не привязаться.

Свернувшись рядом с салатницей на полу, Эмер принялась напевать песенку. Завела было версию Пятерки Джексонов “Рок-н-дрозд”⁸⁵, но бросила, почти сразу сообразив, что слишком уж она неприятная и даже обидная, поскольку найденыш дроздом, со всей очевидностью, не был. Взялась за уку и изобразила битловскую “Чернушку”⁸⁶. Слишком грустная. Перешла к куплету и припеву песни “Черное” “Пёрл Джема”, а затем непонятно с чего весело запела зверски акустическую версию “Без пощады” “Лед Зеппелин”. Неотвязная мелодия этой песни, затаенная угроза и бестолковые намеки на скандинавскую мифологию этим дождливым вечером показались уместными.

Эмер так и заснула на несколько часов, и ей вновь приснились и карлик, и ее парень, которого звали Кон, как она теперь вспомнила. В уме возник отчетливый образ Кона, и Эмер несколько не сомневалась, что с этим человеком она не знакома. Во сне она увидела и отца, молодого, красивого, в полном расцвете сил.

Проснулась с совершенно затекшей шеей. Отправилась на кухню, поела там винограда, закинулась миндалем и подсолнечными семечками. Осознала, что не ужинала. Похлебала молока. Прилегла рядом с птицей и поспала еще немного, проснулась. Карлик и мужчина по имени Кон. Казалось, этот сон теперь крутится у нее в голове беспрестанно, и когда б ни засыпала Эмер, она тут же оказывалась в той же грёзе, словно жила две жизни, сознательную и сновидческую, их будто показывали в отдельных кинозалах у нее в голове, сеансы накладывались – но не экраны.

В 2:50 пополуночи Эмер присела рядом с птичкой – проверить, как она, и та вроде бы тянула шею вперед и вверх, судорожно, словно звала родителя на кормежку. Эмер ощутила

⁸³ “Cuisinart” (осн. 1971) – американская торговая марка кухонной утвари.

⁸⁴ Отсылка к американской комедии “Вечеринка” (“The Party”, 1968), где главную роль играет британская звезда комического кино Питер Селлерз (Ричард Хенри Селлерз, 1925–1980).

⁸⁵ Оригинальный исполнитель песни “Rockin’ Robin” (1958) – американский ритм-н-блюзовый певец и музыкант Бобби Дей (1930–1990).

⁸⁶ Название песни “Битлз” “Blackbird” (“Черный дрозд”, 1968) по замыслу сочинившего ее Пола Маккартни намекает на расистские волнения в США (жарг. значение слова *blackbird* – черная девушка).

первобытный нутряной толчок, подавила его, но следом сунула два пальца себе в глотку и быстро срыгнула в ладонь. Удивляясь собственным повадкам, протянула птенцу раскрытую руку с полупереваренной смесью молока, семечек и желчи; черные глаза сморгнули. Птица глядела, склонив голову, то на Эмер, то на жижу, то на Эмер, то на жижу, а затем потянулась вперед и принялась – о чудо! – макать в ладонь клюв. Мир вокруг Эмер расплылся и прояснился, набрякла и упала ей на руку ее же слеза. Птичка употребила и слезу.

Корвец

Утром Эмер еще раз пожевала и отрыгнула для Птички Ням-Ням, все время думая, что обо всем этом она Иззи не скажет ни за какие коврижки, засмеет же. “Зато я хоть не кошатница”. За кофе Эмер погуглила дроздов, ворон и воронов – оценить шансы на одомашнивание и выживание, разведать, как их лечить и так далее. Судя по описаниям, птица все же была вороной, вороненком, *Corvus* из семейства *Corvidae*. Оказалось, что вороны всеядны. Через месяц после рождения они уже способны покинуть гнездо, хотя родители кормят их до полутора месяцев. Стало быть, Птичка Ням-Ням – ворон⁸⁷ не старше полутора месяцев от роду, поселившийся в квартире в Верхнем Вест-Сайде. Повезло ему или нет, еще предстояло выяснить.

Учительница во всем, Эмер пришла в восторг от латинизированной поэзии классификатора: царство *Animalia*, подцарство *Bilateria*, инфрацарство *Deuterostomia*. Что за хрень такая – инфрацарство? Тип *Chordata*, подтип *Vertebrata*, инфратип *Gnathostomata*, класс *Aves*, порядок *Passeriformes*, семейство *Corvidae*, род *Corvus*⁸⁸. Во. Ну что, по крайней мере знаем, кто мы. Она обратилась к птице:

– Привет, *корвус брахиринхос*⁸⁹, я *хомо сапиенс*, у нас с тобой общее царство – *анималия*, а также одно подцарство – *билатерия*, подтип *вертебрата*, что очевидно, и инфратип *гнатостомата*, что любопытно, – и я понятия не имею, что это значит. Не волнуйся, зачет сдавать не придется. – Она перепроверила и перепроверила, что все окна закрыты, но все равно задумалась, не купить ли клетку. – На этом с наукой пока все. Я к тому, что у нас с тобой много общего, много на что можно опираться. *Убилатерусь*-ка я отсюда, увидимся после уроков. Буду звать тебя Корвусом, поскольку ты он и есть, и это крутое имя, по-моему, мужская версия Корветты – Корветта с яйцами. До скорого, Корвус. Корвец. – Вот так запросто птенец сменил пол.

Дверь на улицу ей открыл Новак, молодой серб на вахте. Она собралась было попросить его присматривать за птицей в течение дня, но решила, что не стоит. Кто его знает, какие в этом задроченном здании правила относительно содержания ворон.

– Доброе утро, Новак, – сказала она и подумала, не виновато ли получилось.

Двинулась по улице, но затем вернулась к дому.

– Эй, Новак, слушайте, тут работает консьерж, который вот такой?.. – Подержала руку на уровне своей талии.

– В смысле, ребенок? – изумленно уточнил Новак.

– Нет, маленький человек.

– Маленький человеческий ребенок?

– Нет, не маленький человеческий ребенок...

– Ребенок – дежурный консьерж? – Новак отмерил паузу между этими словами, будто каждое было самостоятельной фразой. Ребенок. Дежурный. Консьерж. Из-за этого стаккато Эмер рассмеялась. Осознала, что настроение у нее бойкое. Настроение. У нее. Бойкое.

– Нет. – Эмер вновь поднесла руку к талии, ладонью вниз. К пальцу прилипла семечка, она ее стяхнула.

– А, карлик.

– Тсс. Его зовут Сид или что-то в этом роде.

⁸⁷ В Северной Америке этих птиц называют воробанами, а не воронами, хотя классификационно верно последнее.

⁸⁸ Животные – двусторонне-симметричные – вторичноротые – хордовые – позвоночные – челюстноротые – птицы – воробьинообразные – врановые – вороны.

⁸⁹ Американский ворон (*лат.*).

– Да, у нас нет консьержей-карликов.

– Да, у нас есть ноль бананов?⁹⁰

– Что, простите?

Эмер напела:

– Вахтенных карликов нет у нас нынче.

– Приношу извинения, – торжественно выговорил Новак.

Эмер широко улыбнулась. Сегодня утром даже обмен несуразицами наполнял ее блаженством. Птичка – существо, о котором можно заботиться, – вскружила Эмер голову.

⁹⁰ “Yes! We Have No Bananas” (1923) – шуточная американская песенка Фрэнка Силвера и Ирвина Кона.

Киджиламу Ка'онг

Пока шли уроки, Эмер все время думала и беспокоилась о Корвусе. После обеда, когда пришла пора рассказывать детям историю, она рассадила их и принялась излагать легенду индейцев ленапе – в честь Корвуса.

– Вы, ребята, знаете, что ленапе – это народ, который жил на Манахате до европейцев, да? Мы с вами это проходили. Называется коренной народ. – Дети торжественно покивали, словно готовились принять какое-то лекарство. Проскакивая мимо этого минного поля геноцида, Эмер двинулась дальше: – Так вот, ленапе рассказывали друг другу истории о том, как все устроено. Зиму они объясняли так: появляется Дух Снега и остужает весь мир. Но прежде, в доисторические времена, еще раньше, чем мистер Кротти был вашего возраста... – Дети рассмеялись – она завладела их вниманием. – В ту пору мир был теплым, у ворона перья были всех цветов радуги, а голос как у Адель⁹¹ – прекрасный певческий голос. Но явился Дух Снега, всем стало холодно и мрачно, и зверям понадобился гонец – пусть отправляется поговорить с их богом, которого звали Киджиламу Ка'онг, что означает “творец, создающий мыслью то, что должно быть”. И вот все живое выбрало Радужного Ворона, чтоб отправился к Творцу и попросил его устранить холод.

Радужный Ворон полетел вверх, прямо вверх, и летел три дня, и обратил на себя внимание Киджиламу Ка'онга, запев прекрасную песню. Но Творец сказал, что раз уже помыслил Холод, с прописной буквы “Х”, раз-мыслить его уже не получится – холод теперь никуда не денется, сказал он. Но заметил, как погрустнел от этого Радужный Ворон, и потому ткнул палкой в солнце и создал Огонь – с прописной буквы “О”, дал эту горящую палку Радужному Ворону, пусть заберет ее с собой на землю.

Вниз Ворон летел долго, и горящая палка у него в клюве обуглила ему перья дочерна, а голос у Ворона сделался низким и хриплым. Резко бурчать да каркать он теперь может. И все же Радужный Ворон добрался вниз, принес Огонь всем живым существам, чтоб могли они согреться, и за это все перед Вороном поклоняются – то есть любят и уважают. Правда и то, что, если заметить ворона и приглядеться к его перьям при солнечном свете, до сих пор видно, как переливается и сияет в черноте много разных цветов.

– Вороны – классные, – проговорил Лиэм Розентал.

– Вороны черные и страшные, – добавил Экхарт Джоунз-Тиллерсон.

– Не говори “черные” – моя мама считает, что это слово расовое. – Это Бруклин Спайсер, чья мама работала в “Меррилл Линч”⁹².

Эмер встряла:

– Ладно, перво-наперво, правильно говорить не “расовое”, а “расистское”.

– Вот-вот.

– погоди, я с тобой не соглашаюсь.

Некоторые мальчишки в классе, чуткие к любым проявлениям власти, захихикали, а Эмер продолжила:

– Нет, не так: “черный” в этой истории – просто название цвета, и, как говорится в конце, черный у ворона содержит на самом деле все цвета радуги. Правильно? (Вообще говоря, нет, но детям это знать необязательно.) Иногда черное бывает страшным – как темнота, но и белое тоже таким бывает – как привидения, и это не значит, что черная или белая кожа у человека – это что-то страшное.

⁹¹ Адель Лори Блу Эдкинз (р. 1988) – британская певица, автор-исполнитель, поэт.

⁹² “Merrill Lynch” (1914–2013) – крупный американский инвестиционный банк со штаб-квартирой в Нью-Йорке, с 2013 года полностью слился с Банком Америки.

Эмер нервировало, до чего любые толкования в наши дни скатываются к вопросам расы, гендера или религии. Никакого искусства не осталось – даже в сказках для детей. Почему ворон – не женского пола? Почему Творец – “Он”? Лысый орел⁹³ – это черство по отношению к мужчинам, утратившим волосы? Вот на что мы теперь тратим время.

Да, это все разумные вопросы и глубокие, достойные поводы для размышления над историей, но Эмер вспомнился Вордсворт и то, как мы “природы искажаем лик, разъяв на части мир прекрасный”⁹⁴. Все в узел завязываются, лишь бы ни единой черты не переступить, – настоящая игра в гендерно-расово-нейтральный умственный “Твистер”.

– Задумайте что-нибудь такое странное – чего, может, даже и не существует.

– Как можно что-то задумать, если оно не существует?

– Вообразите.

– Единорог, который какает радужным шербетом.

– Отлично.

– Радужный шербет, который какает единорогом.

Класс развеселился. Даже Эмер поневоле расхохоталась над этим доморощенным сюрреализмом.

– Ладно, и то и другое здорово. Да, так что же Творец сказал насчет холода? Есть желающие ответить?

– Он сказал, что не может его устранить.

– Творец сказал, что он бы, может, и рад устранить холод, но не может, потому что как только ему в голову приходит мысль, и мысль эта – холод, отменить эту мысль он не в силах, а значит, похоже, все мы творцы, творцы мыслей, и то, что мы помыслили, уже нельзя устранить, нельзя раз-мыслить обратно, – а это что означает?

Один тихий ребенок поднял руку:

– Получается очень-очень занятой мир – и тесный.

– Да. – Эмер улыбнулась такой точной формулировке. – Это занятой мир, а еще получается, что какающие радужной единороги и единороги из радужного шербета существуют – уже целых пять минут.

– Нет, не существуют.

– Ах, нет? Тогда попробуйте раз-мыслить их обратно. Давайте все вместе раз-мыслим обратно какающего единорога.

Подождала миг-другой.

– Ну как?

– Никак!

– Не могу из головы выкинуть. Назову его Коди, раз он не уходит.

– Не-а, и не уйдет. Вот именно! В том числе и об этом сказка – она о силе ума, он способен измышлять то, чего раньше не было, а когда что-то придумано, оно уже никуда не денется.

Кто-то из детей проговорил:

– Очень-очень занятой мир.

⁹³ В английском языке так называется белоголовый орлан, с 1782 года – национальный символ США.

⁹⁴ Парафраз строки из стихотворения Уильяма Вордсворта “Все наоборот”, пер. И. Меламеда.

Поезд впустую

Поездка в подземке домой все тянулась и тянулась. Эмер думала о Корвусе – тревожилась. До странного ждала вечера, чтобы опять отрыгнуть для птички. Садиться не стала, будто, если стоять, поезд поедет быстрее. Нашла себе на стене “Ход мысли”, занять ум.

...если внутренняя ситуация не осознается, она превращается во внешние события, подобные судьбе.

*Карл Юнг*⁹⁵

Ух, убойная какая хрень для подземки-то. Эмер задумалась, не юнгианец ли у них сегодня машинист. Цитата, казалось, нагружена смыслом, истиной, но Эмер не удавалось ее уловить, а потому с выводами она решила повременить. Подумала, что, может, это неплохое противоядие одному из самых нелюбимых ее выражений – “чему быть, того не миновать”. Терпеть не могла, когда кто-то так говорил. “Ой, видать, этого не миновать было”. Очевидно, все происходящее “не миновать”. Вот же отмазка-то. Но Юнг говорил, как показалось Эмер, что если не знать себя, то начнет происходить всякая херня, которой “быть и не миновать”, однако на деле ты сам бессознательно заставил это произойти.

Твое бессознательное – вот судьба. Или Бог. Не сделал домашку и не познал себя – судьба тебя отлупит, твоя же собственная тень. Выходит, в мире нет свободы воли, но на самом деле бессильным тебя делает твое же невежество в отношении себя самого. Или что-то в этом духе. Фрейд говорил, что характер – это судьба. Похоже, но не то же самое. Юный Юнг восставал против своего наставника. От всего этого у Эмер сводило мозги.

То же и про время: она слыхала недавно, как его уподобляют гитарной струне, натянутой между двумя точками – между прошлым и будущим, но странность для Эмер состояла в том, что согласно этой теории неподвижная точка – это будущее, а настоящее непрерывно колеблется, принаравливается и сдвигается так, чтобы сонстроить неподвижное прошлое и неподвижное будущее. Прошлое, стало быть, неизменно, хоть и, в общем, познаваемо, а будущее непознаваемо, но определено. Как с котом Шрёдингера: склянка с цианистым калием всегда и разбита, и цела, кот всегда и жив, и мертв – пока мы не откроем ящик и не глянем, и вот этот взгляд, само знание, и есть конец эксперимента, конец жизни: жизнь есть эксперимент. Будущее так же случайно и предопределено, как прошлое. Эмер это нравилось, хоть ум и набекрень, – да и по-человечески понятного смысла в этом доставало.

То немного, что было ей известно в науке, вынуждало ее считать себя дурой. Подумывала, не поучиться ли играть на гитаре. Или на барабанах. Размышляла о том, что Шрёдингеру и Гейзенбергу надо было открыть адвокатскую контору или булочную. Но не зоомагазин. Гейзенбергу своего ребенка не доверишь – да и Шрёдингеру не дашь кота на передержку. Гейзенберг то присматривает за ребенком, то нет. Неопределенность за десять баксов в час. Эмер хихикнула. Еще один вариант ограниченной свободы воли. Будущее неизменно, остается лишь настроиться на него. Круто. Допустим, но как?

Поезд миновал “станцию-призрак” на Восемнадцатой улице, заброшенную остановку. Эмер глазела на безлюдную платформу и размышляла, скучает ли платформа по многочисленным ногам, какие ей доводилось держать на себе. Ну вот пожалуйста, опять она приписывает предметам чувства. Думала Эмер и о том, что станция-призрак подобна планетам-призракам – незримым для нас, мы знаем о них лишь благодаря тому, как они влияют на орбиты видимых нам планет. Мы знаем о существовании таких вот планет-призраков и об их гравитационном влиянии лишь по необъяснимому, чудному поведению орбит планет, на которые эти призраки

⁹⁵ Из книги К. Г. Юнга “ЭОН. Исследование о символике самости”, пер. В. Бакусева.

воздействуют. Наделена ли подобной силой станция-призрак, действует ли она так же на поезда и на тела граждан? – размышляла Эмер. Когда начинаем чудить мы, люди, – ладно, когда я лично начинаю чудить, уточнила она, – может, это призрак влияет на меня? Планета-призрак? Станция-призрак? Призрак мысли?

Нет, станция не скучает по былым более шепутным дням, – и тут Эмер заметила какое-то движение, чьи-то глаза приковали к себе ее взгляд. На пустой платформе стоял парень, вид у него был вроде как у бездомного, сам крупный такой, кряжистый, даже грозный. Это напомнило ей эпизодически появлявшиеся в “Нью-Йорк таймс” сообщения о бандах бездомных, ищущих прибежища от зимы в тепле и уюте заброшенных тоннелей подземки и забытых станций. Может, это еще один апокриф Нью-Йорка – подобно поветрию, связанному с детенышами-аллигаторами, которое привело к тому, что перепуганные хозяева юных пресмыкающихся принялись смывать своих питомцев в унитаз, и со временем в канализации возникло племя слепых крокодиловых, никогда не видевших света дня. Подобно байкам о фантомных конечностях, в которых ампутанты способны ощущать судороги уже не существующих мышц, город наполнился призраками и привидениями. Аллигаторы и станции. Фантомные конечности города.

Но глаза, смотревшие на нее с платформы, были настоящими. Эмер, пролетая мимо, не прерывала этой связи взглядов с размытым силуэтом мужчины. То ли на веревочке, то ли на шнурке он держал что-то вроде монетки или какой-то безделушки – так гипнотизер показывает доверчивому зеваке денежку. Ей казалось, что он высматривает именно ее, Эмер, а не кого-нибудь. Предмет на подвесе мимолетно блеснул, Эмер заметила этот блик, а с ним голова мужчины, как ей померещилось, приняла очертания крокодилей – как у Собека, древнеегипетского божества.

Эмер понимала, что это ее подвижный ум проецирует ассоциации – она же только что сама думала о смытых в унитаз аллигаторах, верно? Египетское общество и религия – часть программы преподавания в первом классе: младенцы изучают младенчество цивилизации. О Собеке она знала. Изида. Загробный мир. Эмер сморгнула, и Собека не стало – она вновь видела человеческое лицо, а затем и сам мужчина, и его блестящая штучка исчезли, замелькали позади металлических опор и растворились в темноте, поезд мчал дальше.

Что за история у этого бездомного парня? Почему ей захотелось ему эту историю приписать? Чтобы свалить на него вину – он заслужил свою судьбу. Способна ли она сострадать без поэтических преувеличений? Почему бы просто не помочь? Просто взять да помочь. Столько всего в нью-йоркской жизни вынуждало отводить взгляд – отводить его от боли и несчастья, от чужого страдания, просто от обилия возможных историй, какие прут на любого человека ежедневно. Можно открыться и всем сострадать – и тем самым взорвать себе душу в клочья, чтобы ее обездвижило, – а можно отвернуться и думать о птенце ворона у себя в квартире. Почему Эмер проще открыть сердце ворону, но не возлюбленному, ворону, но не бездомному человеку на заброшенной платформе? Чего ради превращать бездомного в мифическое божество? Беспредельно ли ее сердце – или определенного размера, да и только?

Ее ли сердце или же фантомное было одержимо Корвусом, ее мальчиком, – она вскинула взгляд, пытаясь встряхнуться, словно мокрая собака, сбросить с себя эти липучие фантазии, нарушить ход именно этих мыслей, и тут увидела напротив человека, красивого мужчину. Он показался знакомым. Еще один знакомый чужак? Она его на этой ветке прежде не замечала, это уж точно.

И тут до нее дошло.

То был мужчина из ее сна – ну, в смысле, из того, который она видела уже не раз; мужчина, которого ее ум именовал Коном. Неоспоримым фактом это не было, но Эмер знала, знала, что это “факт сердечный” – знание нутром. В мыслях у нее был образ человека из сна. Этот образ – или сам человек – был рожден в ее мыслях, и, раз уж замыслился, раз-мыслиться не мог.

Возможно, – и это вероятнее, – она этого парня уже видела, то ли в подземке, то ли еще где, и почему-то он произвел на нее впечатление, вот она и увидела его во сне. Очевидное объяснение. Но все равно жуть как странно. Эмер прошептала вслух как вопрос:

– Кон?

В этот миг человек напротив вскинул взгляд. И улыбнулся.

Дражайший Фелляцио

Прошла пара недель, Корвус рос и, судя по всему, благоденствовал. Эмер уже не надо было срыгивать для него, он ел кашичу из семян и ягод, которую она месила ему в блендере. Как-то раз в четверг Эмер вызвали на подмену в шестом классе, на урок английского. Это был класс Иззи, она вела его в довесок к своим обязанностям школьного психолога. Иззи захворала и позвонила Эмер – выпросить одолжение. И пока нянечка стерегла ее младшекласников, Эмер пасла детей постарше.

Им дали задание сочинить письмо от одного персонажа “Ромео и Джульетты” другому. Хорошая затея – дать персонажам второго плана слово, плотность и трехмерность, каких им обычно не доставалось в ходе истории; чем-то подобным руководствовался Стоппард, сочиняя пьесу “Розенкранц и Гильденстерн мертвы” – что у пешек тоже есть мечты и страхи, как и у ладей и слонов, королев и королей. Иззи – смышленная учительница.

Одна ученица прочла письмо, адресованное Кормилицей Аптекарю, позаботившись дать героям имена – Мэри и Стив; то был обширный аптечный заказ, написанный шекспировским языком XVI века в форме потока сознания, сопровождавшийся жалобами на больные ноги. Весь текст был украшен сокращениями, какими щедро наделила язык СМС-переписка: “О, лают мои псы, емж⁹⁶ (Стив-о!)... тритоны твои как? Свежи ли? Моя хозяйка ща вся на ССЛ и СУВО⁹⁷, но все же отложи тритонных глаз четыре дсвд⁹⁸”.

Далее пришел черед следующей депеши, встал мальчик с задней парты, сама невинность и серьезность, и объявил, что прочтет письмо Меркуцио. Эмер кивнула. Ей не чужда была всеобщая любовь к остроумному Меркуцио, свойственная всем, кто выбрал английский своей специальностью, она жалела, что этот герой не дожил до времен, когда ему выделяют собственное средство самовыражения. В том, как Шекспир подробно проработал второстепенного персонажа, который умирает так скоро, Эмер видела едва ли не глубочайшую мудрость всей пьесы, – да во всем шекспировском наследии в самом деле: лучшие и умнейшие совсем не всегда дозревают до полного величия, есть случайная трагедия и случайный рок, а самого смышленного, потешного и находчивого персонажа во всей пьесе – и, если взять шире, на всем белом свете – могут убить в ходе дурацкой семейной ссоры, затеянной парой бестолковых похотливых подростков.

Такова сокровенная и сокрушительная правда: не только хорошие люди умирают молодыми, но и лучшие, умнейшие, храбрейшие, ярчайшие. Эмер понадеялась, что выданное школьникам задание позволит им коснуться этих тем, и тут мальчик объявил, что письмо будет “от Меркуцио его кузену Фелляцио”.

Удар оказался настолько неожиданным, что Эмер по-тюленьи твякнула смехом и разразилась судорожным хихиканьем. Прошло секунд десять, не меньше, прежде чем ей удалось расслабить диафрагму и осторожно перевести дух, и это, увы, породило новый приступ хохота. Сквозь слезы оглядела она класс, который по большей части оторопел от ее веселья, мальчик же шутить, очевидно, не планировал и, более того, вид имел слегка обиженный.

– Мне заново начать? – спросил он. – Это письмо, написанное Меркуцио его кузену Фелляцио...

– Нет! Заново не надо! – удалось выкрикнуть Эмер. – Хорошо, хорошо, продолжай оттуда, где остановился...

Мальчик слотнул, растерянно сморгнул, откашлялся.

⁹⁶ Ёб мою жизнь.

⁹⁷ Синдром стервозного лица, синдром упущенных возможностей.

⁹⁸ До свиданья.

– Ладно... “Дражайший Фелляцио”...

Эмер буквально сложились пополам. На этот раз, впрочем, смешным ей показалось слово “дражайший”.

– Подожди, остановись, пожалуйста... ох бабушки, время-то бежит... – До конца урока оставалось целых двадцать минут. – А давайте остаток урока посвятим самостоятельной работе, ладно? Сегодняшнее домашнее задание поделаем. – Ей удалось добраться до двери и выйти в коридор, где она смогла позволить себе еще парочку припадков смеха. В некотором смысле она навеки останется пятилетним ребенком. Иисусе. Подумала, что опять будет хотеть, когда возьмется пересказывать эту историю Иззи.

Эмер встрепенулась: по коридору до нее донеслась тяжкая поступь, и показалось не самое долгожданное лицо Сидни Кротти, коротышки-директора школы Св. Маргариты. Грохот, предварявший появление Сидни, происходил от тяжелых фликов на обуви директора – таков был давний секрет Полишинеля и повод для постоянных шуток всей школы. К четвертому классу большинство детей разговаривали с директором глаза в глаза. Ни единая живая душа ни разу не видела Сидни босиком или не обутом в тяжелые черные туфли с двухдюймовыми каблуками и трехдюймовыми платформами.

Сидни был священником-иезуитом карманного размера, благодаря Сидни школа преобразилась из строго католической в подготовительную для Лиги Плюща. Еще до изобретения видеокамер на мобильных телефонах – уж во всяком случае до середины 70-х – Сидни, вопреки росту, прославился тем, что, бывало, точным левым хуком валил с ног прогульщиков старшеклассников – и не раз. Репутация у него была “до последнего фунта лютейшего католика во всем Нижнем Ист-Сайде”. Казалось, этот человек способен драться, как дикий зверь, терзать когтями и кусаться, и, чтобы остановить, его придется убить, а если убить его, он, погибая, найдет способ вцепиться в тебя зубами, чтоб ты в конце концов испустил дух, утомившись таскать на себе мертвого священника.

Те “старые добрые времена”, как он их именовал, когда за непослушание ребенку можно было отвесить оплеуху и мир бы не рухнул, давно прошли, но в Сидни Кротти по-прежнему оставалась эта пылкая, праведная жесточенность, эра политкорректности и просвещенной педагогики связала его по рукам и ногам, однако скрытая в нем свирепость находила выход в красочном словаре и отточенной пассивной агрессии.

Школа Св. Маргариты, даже находясь в Гринвич-Виллидж, сумела пересидеть 60-е в стороне: мальчики ходили с короткими стрижками, девочки – в блеклых бурых свитерах. Однако Деревня стала иной, ее заполнили богатенькие, банкиры и ковбои хеджевых фондов разогнали отсюда геев и художников, тут-то изменились и задачи и положение школы. За этой сомнительной переменой власти Сидни наблюдал с привычной цепкостью, с чарующим видом изумления и растерянности, какая скрывалась под свирепостью терьера, присущей директору-коротышке. Ноги этой школы, сменив “кеды” на “коул-хааны”⁹⁹, обрели крепкую опору в новом городе – ноги на высоких каблуках, с толстыми фликами, шестого мальчишеского размера.

– Вот вы где – шастаете по средней школе. Можно вас на пару слов?

– Конечно. Здесь или?..

– Здесь годится. Вы плакали? – Сидни извлек из кармана пиджака носовой платок и предложил Эмер. Он до сих пор не расстался с нагрудным платочком, одежду ему шили на заказ – приходилось. Эмер никогда не видела его одетым свободно, однако подумывала, что он мог бы закупаться в детском “Гэпе” или претендовать на любой наряд из оставшихся после Принса. Промокнула глаза платком.

⁹⁹ “Keds” (с 1916) – американская марка обуви из парусины на резиновом ходу; дизайн исходной модели этой обуви под названием “Чемпион” стал тем, что ныне собирательно именуется кедами. “Cole Haan” (с 1928) – американская марка повседневной обуви.

- Спасибо. Это один ученик, о боже, до чего же смешно было. В самый нерв попал.
- Сразу к делу... Я тут разбирался с родителями на этой неделе – две последние недели, вообще-то, – с родителями из вашего класса, по обе стороны культурной войны, скажу я вам. Невелика беда, но, думаю, вам надо быть в курсе. Да, мы школа либеральная, да, большинство наших родителей в узел готовы завязаться, лишь бы обойти любой намек на расизм в своей речи, с одной стороны, и на связи с христианскими правами – с другой.
- Не улавливаю.
- Это все предисловие, ну? Мне птичка насвистела: вы пару недель назад угощали детей арбузом, верно?
- Может быть, не помню... Я иногда приношу детям арбуз. Им нравится.
- Зато не нравится родителям.
- С какого перепугу, Сидни? Из-за сахара?
- Сахара? Ха, нет, не из-за сахара. Афроамериканский мальчик Обама Йоханссон, ну, не сам он, а его мать – белая мать – сказала, что из-за этого арбуза им с сыном было неуютно, а потому не могли бы вы предлагать детям какой-нибудь менее оскорбительный фрукт¹⁰⁰.
- Менее оскорбительный фрукт?
- Да, менее оскорбительный фрукт. Это я цитирую. Или угощение.
- Что такое “менее оскорбительное угощение”? Вряд ли банан, думаю я. Слишком цисгендерный фрукт.
- Банан, по-моему, годится. Если он не слишком большой. Людям рядом с такими неуютно.
- Никаких цельнозерновых крекеров – от крекеров белым детям неуютно¹⁰¹. Никакого белого хлеба – белый хлеб и впрямь херня какая-то.
- Со мной-то чего воевать?
- Я понимаю, Сидни, простите меня. Не завидую вашему положению. Это вся суть претензии? Исключить арбуз?
- Вы рассказывали детям историю, которую можно толковать как аргумент против дарвинизма?
- Дарвинизма? Вряд ли.
- Может, толковать в пользу креационизма? Какую-то, прости господи, индейскую байку?
- О боже, ну да, наверное, сказку про Радужного Ворона.
- Ладно, короче, кое-кто из родителей в итоге встал на уши: вы, мол, впариваете креационизм юным душам и умам их привилегированного потомства.
- Я перечитаю еще раз, но такое там вряд ли найдется.
- Мать Молли Хэгер до печенок меня достала через задницу: мы вольны преподавать индейские мифы о творении, если столько же времени уделим Книге Бытия и какой-то индуистской хрени. Наша образовательная программа, как вам известно, – постхристиански христианская, но неакцентированная. Пусть мы слегка и тяготеем к нашей Библии, но блюдем разделение между церковью и программой преподавания, и нам нельзя попадаться на подаче никакой одной системы верований в ущерб другой. Все есть сказка, помещенная в свой дефаллоцентричный социополитический контекст. – Тон у него был до того лукавый, что Эмер не

¹⁰⁰ Культурный троп почти с 200-летней историей: арбуз в представлении белого колониста связывался с нечистоплотностью (арбуз почти невозможно есть опрятно, и от него много мусора), ленью (его легко выращивать), избыточной общительностью (съесть целый арбуз в одиночку затруднительно, это общинная еда), инфантильностью (питательная ценность арбуза минимальна, это десерт и баловство с европейской точки зрения) и изначально не имел расовых коннотаций; арбуз был символом “неразвитых” небелых наций. Символом афроамериканцев он стал в период Гражданской войны в США, когда освобожденные афроамериканцы начали выращивать арбузы на продажу и тем кормиться.

¹⁰¹ Крекер – жаргонное обозначение белых людей, особенно бедняков из глубинки Юга США. Иногда употребляется в негативном или даже оскорбительном смысле применительно к любому человеку с белокожими предками.

могла разобрать, действительно ли он верит в то, что говорит, верит отчасти или же просто издевается над всей этой чепухой.

Эмер начала оправдываться:

– Я подала это как сказку. Черт бы драл, я и не подавала ее – просто прочитала как упражнение для воображения, а не объявила научным фактом.

– Какого же хера с предупреждением о триггере?

– Я забыла предупредить о триггере.

– Забывать предупреждать о триггере нельзя. (Внимание, триггер) блядское предупреждение о триггере – это наша (внимание, триггер) блядская гарантия (внимание, триггер) блядской безопасности. Я эту (внимание, триггер) ебанину на дух не выношу, как и вы, но я (микроагрессия), убиться об стенку, вынужден заниматься подобными вещами. – После этого виртуозного пассажа он слегка поклонился.

Временами Эмер обожала Сидни. Он ее пугал, но она его обожала. Сидни развернулся и явил Эмер вид на собственный зад.

– Желаете сами поговорить с миссис Хэгер? Загляните, я уверен, у нее оттуда голова торчит. Поздоровайтесь с миссис Хэгер. Вам доводилось видеть БАСП средних лет, обитающую у вас в заднице?

– В вашей (внимание, триггер) заднице?

– В моей (внимание, триггер) заднице.

– Не возьмусь такое утверждать, Сидни. – Эмер машинально потрогала шрам на черепе.

Посреди всего этого до нее дошло, что Сидни – прототип крошки консьержа из ее снов, которого, сообразила она, звали Сидом. Поняв это, она выпала из разговора и сказала прямо-таки вслух:

– Вы Сид. Вы ши!

Сидни отступил назад, кивнул и произнес:

– Что?

– Ничего. Просто вспомнила кое-что.

– Вы вспомнили мое имя.

– Неважно, Сид, я просто задумалась.

Они уставились друг на друга. Эмер показалось, что она дерзит Сидни, хоть и не намеревалась.

– Мне тут сон приснился.

– Я вам снюсь?

– Вы были в моем сне.

Эмер вдруг поняла, что ей лучше бы очень тщательно выбирать слова. Сидни примолк и отвел взгляд, то ли улыбнулся, то ли скривился – не разобрать.

– Я польщен. – Теперь он вновь смотрел на нее. – Короче, Эмер, вы бы, что ли, приняли какие-нибудь антикризисные меры. Некоторые родители теперь чувствуют себя “небезопасно”. Может, проведете с ними консультацию-другую наедине. Паллиативно, профилактически. Вероятно, займет сколько-то времени, но оно того стоит, по-моему. На мой взгляд, точно.

– Как пожелаете, Сид.

– Чего я желаю, не имеет ко всему этому почти никакого отношения. Короче, пожалуйста, не отклоняйтесь от утвержденной учебной программы. Вы у нас ценный кадр, но родители – бешеные уроды, наделенные всевозможными правами. У меня тут одна спросила вчера, не рановато ли отправлять третьеклассницу на неделю в Коста-Рику в “Среду обитания”¹⁰² –

¹⁰² “Habitat for Humanity International” (осн. 1976) – международная неправительственная некоммерческая организация, занятая в том числе строительством простого и доступного жилья для бедных и бездомных во всем мире; организация ведет

пойдет ли это на пользу при подаче документов в колледж, если “прямо сейчас эту галочку поставить”.

– Услышала вас, Сид.

– Славно. А теперь не хотите ли попрощаться с миссис Хэгер? Если нет – нам пора. – Он собрался удалиться, а затем вновь обратился к Эмер, остановив ее, как раз когда она направилась в класс: – И, Эмер...

Она обернулась. Сидни озаряло яркое солнце, сиявшее в лестничное окно, в косых лучах вокруг головы Сидни кружились пылинки, словно нимб или распыленный густой дым от неведомого огня. Сид весь переменялся с виду – вернее, так казалось, потому что в этом освещении Эмер не могла толком разобрать его черты, понять, что выражает лицо. Он сиял, словно был из иного мира. Эмер не видела, как движутся его губы, но услышала, что он сказал. Прежде чем уйти вниз по лестнице, он выкрикнул – без всякого предупреждения о триггере:

– Задницу берегите.

Корвус fugit¹⁰³

Крылья своей птице Эмер не подрезала. Сама эта формулировка ее нервировала, и Эмер не знала, как это делается, процедура, которую она видела в интернете, показалась затейливой, а Эмер не хотела рисковать и с этой целью нести птицу из дома в ветлечебницу. Птица благоденствовала и летала по маленькой квартире. Эмер боялась, что ворон слишком разгонится и врежется в зеркало или в закрытое окно, и завесила все отражающие поверхности одеялами. В квартире установилась своя особая влажность – как в экосистеме джунглей; Эмер теперь считала свою квартиру оазисом.

Ей приходило в голову, что все это может казаться странным не только постороннему человеку, но даже и другу. Не кошатница – птичница. И птица-то всего одна, вообще-то. Так ли уж оно чокнуто? Да не очень. Эмер беспокоило, что Корвус каркает все громогласнее и увереннее день ото дня, а также всевозможно фыркает, щелкает и утробно вскрикивает, и все эти звуки, казавшиеся ей разнообразными, как целый секретный язык, обращают внимание любознательных соседей на тайный мир Эмер, скрытый за стенами ее дома.

Корвус был необычайно умен. Он уже понимал свое имя и, что особенно мило, следовал за Эмер, как собака, из комнаты в комнату, весь день прыгая вокруг хозяйки вразвалочку. Такая походка придавала Корвусу вид старомодного вычурного джентльмена, и это совершенно очаровывало. Было в одомашнивании дикого создания нечто глубоко удовлетворительное, совсем другого порядка чувство, нежели от связи между человеком и псом. Корвус казался одновременно и дрессируемым, и неукротимым, недоступным. Чего-то такого хочешь от мужчины, думалось Эмер.

Хочешь поймать птицу – стань деревом, говаривал Джим Ганвейл. А потому Эмер оглядела свою затхлую квартиру, посмотрела на Корвуса и решила открыть несколько окон. Подняла фрамугу, и этот жест показался ей минорно судьбоносным – как выпускной вечер для птицы, открытие одного мира другому, внутреннего – внешнему. Ушла за кофе. Ей самой было свободно, и она хотела, чтобы Корвус почувствовал себя так же.

Несколько дней назад позвонила Иззи и прижала ее к стенке.

– Так, что-то с тобой не то. Ты ушла в подполье.

– Да не особо.

– Просто расскажи мне об этом мужике и избавь меня от ложного стыда.

– Ну...

– Я так и знала.

Кому-то надо сказать. Никуда не денешься. Секреты Эмер не тяготили. Плотность секретов иногда придавала ей объема, делала Эмер зримой, добавляла ей трепета, который требовалось скрывать, и эта плотность закрепляла ее на поверхности планеты Земля, уменьшала риск улететь прочь. Но и наперсницу – сообщницу – Эмер тоже нравилось иметь.

– Тут замешана птица.

– Птица! Английское жаргонное для “девушки”? Ты теперь из наших? Добро пожаловать в банду!

– Нет, в смысле птица.

– А, типа Попка Хочет Крекер?

– Типа того, ага. Птенец ворона, я его спасла на улице.

– То есть мы не про секс? Вообще?

– Не-а. Птица. Корвус – так я его зову.

– Выпендрежно.

¹⁰³ Ворон летит (*лат.*).

– *Се муа*¹⁰⁴.

– Я почти уверена, что ты не той дорогой пошла. Но он хоть черный.

По дороге в “Хлеб насущный” Эмер едва не плакала. Осознала, что те чувства, что она питала к птице, адресованы ребенку, и настал час, как в первый школьный день или на выпускном, когда отпрыск являет некую независимость от родителей. И потому Эмер было вдвойне грустно – грустно от того, что Корвус растет и, вероятно, “покинет гнездо”, а еще грустно, что эти чувства у нее к птице, а не к собственному чаду.

Садилось солнце. Надвигалось лето, и Эмер было немножко шатко, то жарко, то холодно, как между временами года. Не могла решить, горячий или ледяной она хочет мокко/латте (в уме у нее все время крутилась песенка “Леди Мармелад”¹⁰⁵ – “мокка чоколата йя-йя”). В каком же блядском я раздрае, думала она.

В итоге выбрала холодное – такой вот кивок грядущему лету, а не ушедшей весне, хотя пружинистости в шаге не прибавилось. Эмер шла, уперев взгляд в землю, но по-прежнему осознавала, что кругом орды парочек с маленькими детьми в колясках, прогуливаются ранним вечером в эту все более приятную погоду. Эдакая тирания нормальности завладела Верхним Вест-Сайдом, что одновременно утешало и ужасало.

Эмер смотрела, как папаша расплачивается за ледяную стружку, купленную для сына у торговца-латиноамериканца, и понимала, что они считают этот обмен экзотическим и архетипичным, такой вот едва ли не туристический эпизод в их безопасном мире. Эмер вспомнилось, что ей рассказывала о Деревне середины 1990-х Иззи, когда, только-только открыв миру, что она лесбиянка, жила на Кристофер-стрит, в самой сердцевине столицы Гейской Америки. Иззи тогда видела, как некий молодой человек в пурпурной футболке Нью-Йоркского университета достает клюшки для гольфа из “рейндж-ровера”. Клюшки для гольфа! В Гринвич-Виллидж! В Деревне Дилана Томаса и Стоунуолла¹⁰⁶.

– Тут-то я и поняла, что все кончено, – сказала тогда Иззи. – Та сумка для гольфа была троянским конем, из которого повылезали под покровом ночи все эти правильные маленькие уебки из хеджевых фондов. Они взяли верх. Мы проиграли. Без сна до Бруклина¹⁰⁷.

Эмер рассмеялась, припомнив это, и тут почувствовала, что кто-то похлопывает ее по плечу – довольно сильно. Отстраняясь, обернулась глянуть, кто там такой борзый. Никого.

Повернула к дому. Солнце исчезло за зданиями повыше. Не успела Эмер сделать и трех шагов, как ее вновь похлопали по плечу. Еще сильнее. Она резко развернулась и выкрикнула:

– Эй! – И вновь никого и ничего. Она крутилась на месте и озиралась – и тут заметила: что-то блестит у нее на плече. Матово-белое, вязкое, комковатое – птичье дерьмо. – Ой, бля, – проговорила она. – Гадость какая.

Осознав, что стереть это она может только голой рукой, Эмер подошла к мусорке – глянуть, не найдется ли там выброшенной салфетки или чего-нибудь подобного, – и тут послышалось карканье. Эмер почудилось, что она узнала голос, – он ей показался именно голосом, а не просто звуком. Глянула вверх – там на перекрестии указателей “92-я улица / Коламбус” сидел ворон. Эмер вышла на середину улицы, где ее чуть не сбила с ног череда велосоставщиков, ехавших не по своей стороне. Велосипедисты, человек восемь, завияли вокруг напуганной до полусмерти Эмер с невозмутимой уверенностью и точностью цирковых артистов, волосы у

¹⁰⁴ *Здесь: я такая (искаж. фр.).*

¹⁰⁵ “Lady Marmalade” (1974) – песня американской соул-, рок-, фанк-группы “Лабелль” с их платинового альбома “Nightbirds”.

¹⁰⁶ Стоунуоллские бунты – беспорядки и спонтанные демонстрации против полицейского рейда, начавшиеся в ночь на 28 июня 1969 года в гей-баре “Стоунуолл-инн” на Кристофер-стрит, Гринвич-Виллидж.

¹⁰⁷ “No Sleep Till Brooklyn” (1987) – композиция американской хип-хоп-группы “Бисти Бойз” (1979–2012); название – отсылка к композиции британской металл-группы “Моторхед” “No Sleep Till Hammersmith” (1981). Фраза “Без сна до Бруклина” стала устойчивым оборотом и означает “до самого конца”, “на всю катушку”.

Эмер заплескали, но сама она осталась невредимой. У ездовых был вид как у президентского кортежа некоего проголодавшегося сановника. На торцах их пластиковых сумок Эмер удалось прочесть название ресторана, “Царь драконов”¹⁰⁸. Может, стоит пожаловаться их начальству. А может, и не стоит. Нет вреда – нет кары, постановила Эмер.

Черная птица, которая, без сомнения, была Корвусом, вспорхнула, набрала высоту и свернула к востоку. Эмер погналась за ней к парку.

¹⁰⁸ Царь драконов (Лун-Ван) – в китайской мифологии глава драконов-лун, повелитель вод; гораздо крупнее других драконов, достигает в длину почти пятисот метров.

Иди спроси Алису¹⁰⁹

От погони за летевшей над ней птицей у Эмер голова пошла кругом; Корвус ждал ее среди ветвей большого дерева на восточной стороне Западного Центрального парка. Догнав ворона, Эмер увидела, что он прибил к стае других воронов, хотя ей казалось, что она способна выделить его в этом сборище – как родитель близнецов всегда знает, кто есть кто. Вороны выстроились стрелой, Корвус – наконецник, и полетели вглубь парка. Надвигался вечер.

Эмер шла за воронами, как следуют логике сновидения. Продралась сквозь кусты и низкие ветки и оказалась у пруда для лодочных моделей. Там она увидела, как вороны усаживаются на скульптурную группу “Алиса в Стране чудес” на северной стороне. Все страньше и страньше¹¹⁰, подумала Эмер. У основания скульптуры отдыхала пожилая парочка.

Эмер села на скамейку из тех, что овалом опоясывали пруд, и наблюдала, как в темноте возникает все больше старичков. Подобно зомби, они стекались к Алисе и прикасались к бронзовой скульптуре, как к религиозной святыне. Луна нынче вечером светила ярко, угнездилась на высоком потолке натасканных ветром облаков, и возникал почти стробоскопический эффект. Старики сгрудились – в точности как вороны. Эмер попыталась пересчитать их – двадцать, а теперь уже и тридцать. Огляделась по сторонам, какие-то еще люди шли мимо, но это жутковатое сборище у ног Алисы никто, казалось, не замечал.

На плечо Эмер опустилась рука. Напугало до усрачки – уж так Эмер сосредоточилась на происходившем перед ней. К Алисе подошел еще один человек. Эмер узнала заляпанные хлопчатобумажные брюки и шаркающую походку.

– Пап? – окликнула она.

Старик замер спиной к Эмер, а затем повернулся. Так и есть – Джим Ганвейл. Казалось, он погружен в транс. Взгляд у него сместился, словно старик пробовал переключить его с очень дальнего расстояния – с самой вечности – на Эмер. Улыбнулся и коснулся полей воображаемой шляпы.

– Лох-Дерг, – проговорил он, а следом, заметив ее растерянность, добавил: – Красное озеро¹¹¹. – И продолжил ковылять к Алисе.

Эмер поискала взглядом Джинь, но сиделки нигде не было. Интересно, не с ума ли я схожу, подумала Эмер, но как понять, заехали у тебя шарики за ролики или нет? Разве уверенность в том, что ты не псих, не есть некий возможный знак, что на самом деле наоборот? Был у нее в колледже на третьем курсе эпизод, когда ей пришлось провести Рождество в лазарете. Значит ли это, что у нее есть “история психических расстройств”? Это вот так выглядит?

Тот эпизод приключился на почве расставания с парнем – парень оказался неверен Эмер – и не свойственного для Эмер всплеска “четверок”, а значит, эпизод был “ситуативным”, в мире причин и следствий понятным и даже “здоровым”. Тогда это был урок. Исключение, подтверждающее правило. Но когда исключения накапливаются и из них получается новое правило, относительно которого старое делается новым исключением? Вот это недавнее постоянное сновидение, невнятное, неотвязное сожаление, – и срыгивание для вороненка, бля – казались более загадочными и систематическими. Когда он случается, такой миг, – когда весы опускают тебя в Психвилль, ты перестаешь приглядывать за собой и своей чокнутостью и спасаешь пять-шесть котов и енота – для компании своему ручному ворону?

¹⁰⁹ “Go Ask Alice” (русскоязычное издание – “Дневник Алисы”, 2004) – анонимный дневник девочки-наркоманки (возможно, вымышленный), опубликован в США в 1971 году. В свою очередь, книга названа строкой из песни “Белый кролик” (1967) американской рок-группы “Джефферсон Эйрплейн”.

¹¹⁰ Пер. Н. Демуровой.

¹¹¹ Название третьего крупнейшего в Ирландии озера Лох-Дерг происходит от одного из имен бога Дагды (Deirdheirc), означающего “красный глаз”.

Но чувства у Эмер слишком обострились, они не могли ее подводить. Она ощущала все вокруг, вдыхала запах травы и терпкой стоячей воды в пруду, видела луну и различала на ее поверхности лицо, всегда казавшееся ей ошарашенным, словно луна глядела со своей неспешной орбиты на Землю, как водители притормаживают, когда едут мимо аварии на дороге. Каждая длинная ночь была новой, неспешно развертывавшейся катастрофой.

Может, Эмер было одиноко, а может, слишком многое не сбылось, а может, она чересчур настойчиво искала волшебства, – но чокнутой она не была. Покамест. И видела только что, как ее отец, погрязший в старческом слабоумии, вошел один ночью в парк. Надо хорошенько держать себя в руках.

Пожилая компания бродила возле скульптуры – неловко, трудно, по-стариковски. Эмер услышала, как закаркал и взлетел Корвус. Черная птица направилась на север, стая пристроилась следом. Постепенно, словно древние утята, за ними двинулись и старики. И прилежно, едва ли не с почтением, туда же пошла Эмер.

Царь драконов доставляет

Компания стариков, слитная масса под летевшей стаей воронов, двигалась с медлительностью исполинской медузы, смутно колыхалась по парку на север. Амебный организм выбрался на Верховую тропу и пополз вверх вдоль мостиков и опасных берегов к Беговой тропе вокруг водохранилища.

Эмер держалась в тени, чтобы не мозолить никому глаза. Наблюдала, как Корвус сел на чугунно-стальной шестифутовый забор, ограждавший воду. На южном краю водохранилища фонтан за спиной у ворона забил сильнее, проливным дождем окатил стариков, сбившихся в кучку на Беговой тропе.

Вода подействовала на стариков мгновенно – и оздоровительно. Подобно диким зверям, они стали перебираться через забор и нырять в водохранилище. Эмер ни разу в жизни не видела в этой воде ничего живого, если не считать стойких городских крякв и навеки отлученных от моря чаек. Ее отец тоже перелез через забор, сбежал с двадцатифутовой насыпи и нырнул в черную воду с изяществом человека на полвека моложе.

Эмер сделала несколько шагов, теперь она была всего в пятидесяти ярдах от водоема, но крупный толстый ворон злобно закаркал на нее, и она остановилась. Казалось, птица не хочет, чтобы Эмер приближалась. Эмер огляделась – не видит ли все это кто-нибудь еще, но вороны, пикируя, отгоняли посетителей парка подальше, словно пернатые телохранители.

Водоохранилище еще в 1860-е было выкопано в сланце тысячью ирландцев иммигрантов. Старики плавали в застойных водах, словно потрепанные седые олимпийцы, но шума никакого не производили. Зрелище напоминало старые мюзиклы с интерлюдиями балета в воде, включенные без звука, в черно-белых красках ночи. Брызги фонтана, запущенного в 1917 году и способного выбрасывать воду на шестьдесят футов в высоту, летели все выше и гуще, и теперь из них возникали фигуры, силуэты, подобные тем, какие рисуют фейерверки.

Старики в воде принялись перестраиваться, слепляться и заниматься любовью как единое целое – бурлящее, бушующее, залитое луной нечто, собранное из разрыхленных временем тел, что скользили друг по другу, как седые угри в ведре (такой у Эмер возник образ), но очаровательнее, если не сексуальнее. Отца в этом оргастическом организме ей отыскать не удавалось. За это она, вероятно, была благодарна, потому что не знала, готова ли смотреть, как ее старенький отец-марзаматик, трудяга католик Джимми Ганвейл творит непристойности в формате ААП¹¹² с каким(и) – то посторонним(и) в водяной ретрооргии Базби Беркли¹¹³.

Брызги, подсвеченные луной, превратились в очертания дракона. Предававшаяся утехам толпа молельщиков принялась стонать. “Царь драконов”, – нараспев произносили они. А еще “Лох-Дерг” – эти слова сказал ей отец.

Допущенная воронами-охранниками, на Беговой тропе появилась та самая кавалькада азиатов – доставщиков на велосипедах, которая чуть не снесла Эмер этим же вечером. Они разом надели полиэтиленовые дождевики, чтобы не мокнуть от летевших брызг, и принялись швырять картонные коробки с лакомствами в жидкую пасть Царя драконов, убажывая его огненными подношениями и жареным рисом. Многие фунты цыпленка ло-мейн, курицы с грибами и печений с предсказаниями перелетели через забор и попадали в воду.

Царь драконов, пуская слюни пастью, очерченной брызгами, от удовольствия замотал громадной головой, во все стороны полетела вода. Капля упала у самых ног Эмер. Она склонилась потрогать ее. Капля мгновенно затвердела. Эмер подобрала ее. Капля оказалась блестя-

¹¹² Американская ассоциация пенсионеров.

¹¹³ Базби Беркли Уильям Инос (1895–1976) – американский кинорежиссер, хореограф, постановщик масштабных костюмированных танцевальных номеров.

щей, твердой, походила на гитарный плектр и переливалась всеми цветами радуги, как рыба чешуя. Пахла она омерзительно – дохлой рыбой, глутаматом натрия и сырыми кишками. Но Царь драконов, кажется, был доволен, его колыхавшийся прозрачный пищевод пропихивал пищу в подводные недра. Чайки, кряквы и вороны пировали на плававших вокруг обедках, а старики покамест оставались молодыми.

Солнце встает, в голове компот¹¹⁴

И вновь будильник срабатывает слишком рано. На телефоне у Эмер отрывок из “Тянет «Духом юности»”¹¹⁵ “Нирваны”, и обычно он выручает. Вой Курта Кобейна – “и мулат, и альбинос, и москит, и либидо, и отказ”. Вот бы подобрать на укулеле, но голова сегодня тяжело лежит на подушке, волосы вновь пропитаны пбтом раздерганного сна. Она ждала возвращения в себя, хотела вновь чувствовать свое полное присутствие в теле. Образы прошедшей ночи мелькали в уме, словно Эмер гнала мимо на автомобиле. Корвус. Алиса. Водохранилище. Отец. Дракон. Все такое настоящее. Но невозможное. Ну, отчасти возможное, но все же наверняка – нет. Эмер потрогала шрам на черепе, но он ответов не дал – как не дал и спокойствия.

Эмер одевалась как зачарованная. Размышляла о своем детском диагнозе “моста” у нее в голове, мозолистого тела, и все никак не могла отделить явь от сна. Мы так сильно меняемся – и не меняемся вовсе, думала она.

Корвус улетел, а значит, с утра меньше забот. Никакой кормежки. Эмер будет скучать по этому дружочку. Потянулась к носку на тумбочке и сбила его, он завалился вдоль стенки. Пришлось вставать на колени и вслепую шарить под тумбочкой. Рядом с носком она нащупала что-то гладкое и плоское, вытащила. Не носок – фотокарточка, старомодный полароидный снимок: она сама, Эмер, и какой-то мужчина. Ее лицо на первом плане, голова заслоняет голову мужчины, черт не видно, только темные волосы. Эмер на фото улыбалась. Руки мужчины гладили ее по волосам. Она подумала, что никогда такой счастливой не выглядела.

Эмер не знала, откуда взялся снимок и кто этот мужчина. Все страньше и страньше. Вновь сунула руку под тумбочку, но ничего не нащупала. Положила фотокарточку в выдвижной ящик.

¹¹⁴ Парафраз строки из песни “Битлз” “For No One” (1966) из альбома “Revolver”.

¹¹⁵ “Smells Like Teen Spirit” (1991) – композиция из альбома “Nevermind”.

Паскаль был игроманом

День же прошел словно сон. Было в нем что-то неправдоподобное, не страхнешь, и от Эмер не ускользнуло, что сны-то у нее сделались убедительнее, а вот действительность – наоборот. Она рвалась проверить это с Иззи за обедом. Иззи обнаружилась у себя в кабинете.

– Опять тебя принесло, – пошутила Иззи.

– Кажется, у меня кризис веры.

– Ой, я в этой твердыне еврей чисто символический. Может, тебе с Сидни поговорить?

Эмер протянула ей бумажный пакет:

– Я пришла с подношением – панини с овощами.

– В таком случае добро пожаловать ко мне в кабинет.

Иззи показала на крошечный стульчик, поставленный для детей. Эмер села, коленками почти доставая до подбородка.

– Можешь ненадолго перестать спорить со мной о Боге? – спросила она.

– Нет, это невозможно.

– Давай тогда просто отставим в сторонку: я типа соглашусь, что твой атеизм имеет право на существование, и я на него не нападаю, а ты – что моя вера имеет право на существование, и ты на нее не нападаешь. И тогда потолкуем.

– Нет, – возразила Иззи. – Это все равно что сказать, что типа ты напрочь свихнулась на секундочку и говоришь, что бывают непорочные зачатия и смазливый голубоглазый патлатый парниша из Палестины превращает воду в вино, но все остальное время ты в своем уме? Я так не умею. Мне это априори не преодолеть.

– Но чтобы помочь мне с моим кризисом веры, тебе придется принять мою веру.

– Ладно, ради признания твоей внезапной вспышки здравого смысла я готова допустить, что ты не в себе.

– Многие гении веровали – или пришли к вере. Шекспир, Элиот, Эйнштейн... даже Уоллес Стивенз¹¹⁶ на смертном одре обратился в веру.

– Все дело в воздухе, которым они дышали. В воде, которую они пили. Ты появилась позже, у тебя шансы лучше. Знаешь, у меня тут была первоклашка час назад, она тоже оплакивала смерть воображаемого друга.

– А как быть, если вера тепловатая, как пари Паскаля?¹¹⁷ Что, если нам нечего терять? Если верим в Бога и есть рай – мы в выигрыше, а если верим и там ничего нет – ну и пусть, мы проиграли, но оттого что мы в него верили, нам не хуже. То есть вера как бесплатная страховка.

– Но тебе-то было хуже. Тебе приходилось подчиняться его законам, выполнять всякую херню, как он велит, и ненавидеть себя и свое тело в точности так, как он велит их ненавидеть.

– Ты считаешь, я себя ненавижу?

– Я считаю, с тобой такое бывает. Как и со всеми вообще.

– Может, есть нечто большее.

– Больше, чем Бог? Я-то надеюсь, что, может, есть нечто меньшее.

– Больше, чем один Бог, понимаешь? Типа много богов. Может, я была права, веря в Систему, но, вероятно, Система была не та.

– А на что тебе Система?

¹¹⁶ Уоллес Стивенз (1879–1955) – американский поэт, лауреат Пулитцеровской, Национальной книжной, Боллингенской премий.

¹¹⁷ Пари Паскаля – довод французского математика, физика, литератора и философа Блеза Паскаля (1623–1662) в пользу рациональности религиозной веры; включен в посмертно изданный труд “Мысли о религии и других предметах”.

– С Системой приятнее. Я всегда была хорошей ученицей. Мне приятна структура. Приятно знать, что я сделала домашку, что преподавателю я нравлюсь и, возможно, мне в конце концов достанется золотая звездочка.

– Может, это просто ностальгия. По безопасности. Ностальгия по упорядоченности детства.

– А может, и нет.

– Ну вот любовь как Система годится?

– Это как раз Иисус привнес. Он привнес любовь. Заместил мщение любовью. Подставил другую щеку.

– Слишком много ниточек ведет к этому парню. Павловых ниточек.

– Возможно, нам нужны ниточки. Возможно, без ниточек мы улетим прочь.

– Ладно, ты теперь, значит, говоришь априори, что ты не просто чуточку чокнулась, а что ты чокнулась по-крупному – чеканушка на всю катушку. И малютку Иисуса тебе подавай, и легион всяких прочих явлений.

– Я не чокнутая, просто просыпаюсь. Глаза разула.

– Ты дальше цитатами из песен кантри будешь разговаривать?

– Мой Иисус – он не такой, не тот, который “рядом со мной, говорит со мной”.

– А чего не Иисус, который “обогатит тебя”? Где этого чувака носит? Вызвони-ка этого козла.

– Мой – он, скорее, как твой Яхве, наверное. Суровая, неудержимая мать.

– Мой Яхве? Ты что, сейчас назвала меня еврейкой, макрельщица?¹¹⁸

– Так ты же еврейка, еврейка.

– Конечно, однако в этом городе еврей – не религия, а культура. Мы, евреи, предпочитаем держать Бога снаружи, а сливочный сыр – внутри. Есть эта ультраортодоксальная группа – сатмарские хасиды, вот прямо в наши дни, они хотят запретить девушкам получать высшее образование. Очевидно, я к подобному ретробезумию не склонна, я агностик, подсаженная на “Нетфликс” лесба с двумя учеными степенями, работаю в школе, которую держат иезуиты. Меня на свои бородато-пейсовы тусовки никто не зовет, а я и не рвусь. Но мои ебаные бейглы, “Нью-Йорк таймс” по воскресеньям и двухнедельный августовский таймшер в Черри-Гроув у меня никто не отнимет.

– Нельзя судить о религии по ее крайностям.

– Вообще-то как раз по ним лучше всего судить – как по цветкам на ветвях.

Иzzi откусила от овощного панини и отхлебнула холодного кофе.

– Можно уже поговорить про “Игру престолов”, а? Про “Холостяка”? Помнишь, как мы одно время говорили только о Трампе? Он нас обеих сосредоточивал на важном – как рак. Но смешнее. А потом все стало по-настоящему. И даже близко не смешно.

– У меня видения, – призналась Эмер. – Видения и сны.

– Хорошо, – отозвалась Иззи. – Хорошо, по-моему.

– Что ты на самом деле думаешь?

– Я думаю, тебе надо переспать.

– Очень по-мужски сказано.

– Пусть да случится с тобою время секса.

Эмер втихаря нырнула обратно, в образы из вчерашнего сна. Царь драконов. Ее отец занимается в водохранилище любовью с чужими людьми. Какого хера? Ну никак же это не впитать – ни как сон, ни как действительность. Если счесть это сном, что этот сон говорил об Эмер? Если счесть явью, что эта явь говорила обо всем остальном? Никуда не пристроить,

¹¹⁸ Макрельщиками в США с середины XIX в. уничижительно называли римских католиков – из-за их воздержания по пятницам от красного мяса и замены его рыбой.

только в сторонку, в какой-нибудь темный угол, может. Запереть в доме, как пистолет в коробке в сейфе на полке в чулане. Зазвонил звонок на урок.

Эмер встала со стульчика, колени, согнутые под таким невозможным углом, затекли. Иззи тоже встала и взяла лицо подруги в ладони.

– У тебя же все будет хорошо, хорошо?

От простецкой доброты Иззи Эмер захотелось плакать.

– Думаю, у тебя отец тает и это разбивает тебе сердце. Такие мои слова, остальное херня.

Но ты выплывешь, я уверена.

Эмер кивнула.

– Ладно.

Иззи поцеловала ее в щеку. Эмер обняла подругу и прошептала ей на ухо:

– Мне надо найти кого-то вроде тебя.

– С членом.

– Это будет приятная добавка.

– Святой Грааль. А теперь давай-ка иди работать – лепить юные умы. Ас-салаам алейкум.

Страх и трепет¹¹⁹

После того что сказала ей Иззи, Эмер хотелось заскочить к отцу по дороге домой. Она частенько проводила с ним пару часов после уроков. Но с тех пор, как у нее завелся Корвус, Эмер уклонялась от своих обязанностей. Чувствовала себя виноватой. Но Корвус улетел, и теперь можно было вернуться к убаюкивающему ритму дней: дом, подземка, школа, подземка, папа, дом. В подземке она поискала взглядом того таинственного человека. Не видать. Но зато нашла себе “Ход мыслей”, который ее зацепил.

Лишь охватив существование в целом, обнаружишь, достаточно ли у тебя мужества, чтобы понять, что жизнь есть повторение, и готовности радоваться этому. Повторение – сама действительность; повторение – это смысл существования.

*Сёрен Кьеркегор*¹²⁰

Ага, скажите это рабочему на конвейере или бариста в “Старбаксе”, у которого глаза, как у зомби. Эмер вспомнила историю Камю о Сизифе – его, день за днем толкавшего в гору камень, в конечном счете сочли “счастливым”. Делать одно и то же вновь и вновь без всякой надежды на завершение или победу. “А ну булыгу двигать”, как говорил для поддержания боевого духа другой ирландец в ее жизни – Сидни. Все ли мы – персонажи пьесы Беккета в постановке Сартра? А если так, задумалась Эмер, озираясь по сторонам, чего это люди вроде как не готовы радоваться смыслу существования в повторении?

Задумалась Эмер и о том, уж не подсунил ли Кьеркегора пассажирам, проделывающим одно и то же каждый день, какой-нибудь всеведущий туз из ГТУ – как подачку. И вот еще о чем она размышляла: не лучшим ли болеутоляющим был подобный экзистенциализм, нежели мысль о рае, за которую Эмер все еще цеплялась в детских глубинах ума, что опекал безнадежный замысел Эмер стать священником.

Ее грёзы прервало жутковатое объявление голосом наполовину человека, наполовину робота, похожее на звуковую дорожку из ужастика фоном к звукам подземки со времен 9/11: предупреждение о том, что следует внимательно относиться к оставленным без присмотра сумкам и сообщать о подозрительных свертках, тра-ля-ля... Как инструктаж по безопасности в самолете. Все пугающее неизбежно слипалось воедино и становилось голосом родителей Чарли Брауна¹²¹. Для вашей безопасности бу-бу-бу... ту же затяните ремни бу-бу-бу... сперва наденьте маску на себя, а потом помогайте другим бу-бу-бу. Но факт оставался фактом: существовали люди, готовые убить за свой крошечный уголок Бога, и Эмер это потрясло и ужасало – мы разве не одному и тому же Богу поклоняемся? Бу-бу-бу.

Открывая дверь в отцову квартиру, она отчасти ожидала, что папа бодр и подвижен, пляшет по комнате с Джинь-джинь, но не тут-то было. Старик спал, а Джинь казалась встревоженной.

– Он не спать хорошо, – сказала она. – И смотрите... Встать посреди ночи есть. “Шеф Боярди”. — Джинь показала на кухонную стойку, где выстроились ни много ни мало восемь банок “Спагетти с фрикадельками”, открытые, в шеренгу; зазубренные крышки торчали вверх, словно бы иронически салютуют.

– Он это все сам съел?

¹¹⁹ “Страх и трепет” (1843) – трактат датского религиозного философа, основоположника экзистенциализма Сёрена Кьеркегора (1813–1955).

¹²⁰ Из книги С. Кьеркегора “Повторение” (1843), пер. П. Ганзена.

¹²¹ Чарльз “Чарли” Браун – персонаж серии комиксов “Peanuts” американского художника-карикатуриста Чарльза Монро Шульца (1922–2000); впервые Чарли Браун увидел свет 2 октября 1950 года.

– Я это не есть. – Джинь, кажется, оскорбилась от такого подозрения, пусть Эмер этого в мыслях и не имела.

– Позвольте у вас спросить, Джинь, и это нисколько не обвинение, прошу вас понять, но может такое быть, что он ходит во сне?

– Ходит во сне?

– Да. Человек встает и делает что-нибудь – ходит, ест... – говорить “участвует в массовой водяной оргии в Центральном парке” она не стала, – но при этом продолжает спать.

– Я не знаю, что такое ходит во сне, мисс.

Эмер осмотрела отцовы кроссовки, они были облеплены засохшей глиной.

– Вчера был дождь, – сказала Джинь-джинь и странно хихикнула.

Эмер не поняла, с чего Джинь хихикает, а расспрашивать не пожелала. Джинь взяла у Эмер кроссовки:

– Я мыть.

Эти два слова показались Эмер больше похожими на “отъебись”. Джинь-джинь ушла с кроссовками, а через несколько минут, не успев остановить ее, Эмер услышала шум воды в ванной. Джинь собралась смыть нью-йоркскую грязь, дерьмо и что там еще налипло на отцову обувь прямо в ванну? Эмер махнула рукой – ссоры не хотелось, Джинь была слишком нужна. Из-за этого Эмер почувствовала себя еще более виноватой – надо быть лучшей дочерью, обслуживать отца целиком. Разве этот человек не менял ей подгузники? Она, что ли, не способна его мыть? Почему ей недосуг?

– Ну, – выкрикнула Эмер, предлагая извинения филиппинке в ванной, – уж лучше пусть ест, чем голодает.

Отец открыл глаза и позвал Эмер по имени. А затем, медленно сев на кровати, прошептал, словно не хотел, чтобы Джинь услышала:

– Мне надо исповедаться.

Вспомнив ночь Царя драконов, Эмер кивнула.

Святое сердце

Когда они с отцом последний раз были в церкви, Эмер вспомнить не могла. Чтобы найти римско-католическую церковь Святой Троицы на Западной Восемьдесят второй улице, всего в нескольких кварталах от папиного жилья, пришлось залезть в Гугл. Они туда запросто пешком дойдут. Эмер порадовалась, что по обзорам у этой церкви набиралось 4,6 звезды из пяти. Большинству фильмов, книг и богов столько хватило бы.

В храм они вошли молча. Эмер сразу направилась к исповедальным кабинкам и ввела отца в одну. Решила, что этого достаточно – священники постоянно имеют дело со всякой хренью. Эмер нашла себе свободную скамейку и бухнулась на колени. О чем молиться, она не знала. И вроде было о чем, но и несчастной она себя, в общем, не чувствовала. Очень давно не воображала она, как разговаривает с Христом.

Однажды Эмер посетила Сакре-Кёр в Париже, где традиционно кто-то – или многочисленные безымянные кто-ты – молится круглосуточно, причем не за себя, а за других. Такая вот разновидность буддийских монахов, живущих на подаяния, потому что их “работа” – труд духа. Эти парижские христарадники молились за весь белый свет в целом, не лично, а соборно. Эмер эта мысль нравилась, и она решила внедрить ее скромную версию Сакре-Кёр в Нью-Йорке. Никто не узнает.

Закрывает глаза и принялась молиться. “Молюсь за всех мятущихся Бобов... – от этой формулировки ей стало смешно, однако Эмер выстояла, – и всех болящих Джейн, и Фрэнков, и всех, у кого африканские и азиатские имена, каких я пока не знаю. И за всех несчастных младенцев, пострадавших от Зики. А до этого – от талидомида¹²². И за детей – за всех детей вообще. И за моего отца. И за Корвуса. – Можно молиться за птицу? Решила, что можно. – И за детей, которых учат террористической идеологии... – Иногда получалось так, будто у нее в голове говорит кто-то другой; ну и ладно. – И за всех, у кого разбито сердце, и за всех с фамилией Джоунз...”

Эмер подняла взгляд и увидела другого человека – пожилого, вялого; он стоял рядом на коленях. “И за этого мужика – пусть будет ему мир перед смертью. И за лошадей в Центральном парке. Мне они счастливыми не кажутся, что бы там Лиэм Нисон ни говорил¹²³. Но Лиэм Нисон тоже пусть будет счастлив, пожалуйста”.

Она заплакала. Чуть ли не навзрыд. Откроешься вот так широко, а закрываться потом как? Замка-молнии на сердце-то нет. Сердце вдруг показалось Эмер чемоданом, в который она пыталась запихнуть распахнувшийся мир. Не лезет же, правда? Столько боли вокруг – всюду. С чего Эмер начать, а начав, где закончить? Она ощущала себя частью всего, этого громадного чувствующего мира, потеряла себя в обширном океане душ – образ бескрайнего космоса, и звезд, и холодного безвоздушного ветра. Голова шла кругом, Эмер дала по тормозам, уперлась пятками, не смогла отпустить себя целиком. Спугнула себя из молитвы, словно молитва – наркотик, и он наплывал так мощно, что Эмер испугалась передозировки.

Почувствовала, как что-то внутри у нее смещается. Ей было так часто стыдно за то, что люди в ее стране творят во имя Христа, но тут все было правильно. Здесь и сегодня Эмер ощущала себя ближе к божественному, к Чему-то Еще. А нужно было больше. Она где-то вычи-

¹²² Талидомид – седативное лекарственное средство; в период с 1956 по 1962 год в нескольких странах родилось 8–12 тысяч детей с врожденными уродствами, обусловленными тем, что матери принимали препараты талидомида во время беременности.

¹²³ В 2014 году британский актер ирландского происхождения Лиэм Нисон, ныне живущий в Нью-Йорке, выступил против инициативы мэра города Билла де Блазио запретить традиционные конные экипажи на Манхэттене.

тала – у Сэмюэла Беккета, опять-таки? – что молитва есть бог¹²⁴, молитва есть бог. Молитвы суть боги.

Пробыв неопределенно долго в этом блаженстве, направленном на других, она огляделась и поняла, что отец по-прежнему в исповедальной. Эмер встала – не удастся ли подслушать, что там говорит старик. Поначалу разобрать ничего не могла – ничего отчетливого, но затем в кабинке раздался взрыв хохота, в подобном месте звук ошарашивающий. Эмер поспешила к исповедальной, а когда открыла дверцу в отцову часть, из другой выскочил пожилой священник – так, будто его там пырнули ножом или подстрелили. Это Эмер подумала первым делом. Боже ты мой, отец заколол священника! Но вроде нет, священник заливается, держась за бока, – прямо-таки символ хохотуна. А тут и отец показался, хохоча не тише. Священник промокнул полый яркого облачения слезившиеся глаза и убрел прочь, качая головой.

Эмер спросила папу, над чем смеялся святой отец, и папа ответил:

– Смеялся? Он рыдал. Я поколебал его тесный мирок.

– Как же ты его до слез довел?

– Я изложил ему все причины, почему из тебя получился бы лучший священник, чем он сам. – Отца так взбодрила эта исповедь, что он заявил: – Поехали на метро.

– Куда хочешь податься, папуль?

– В рай.

– Не уверена, что есть такая станция.

– В ад?

– Давай остановимся на Единице¹²⁵.

¹²⁴ Из письма Сэмюэла Беккета своему другу и конфиданту Томасу Макгриви от 8 сентября 1935 года.

¹²⁵ Речь о маршруте № 1 нью-йоркского метро, пролегает по Манхэттену и Бронксу.

Между собакой и волком

В подземке Эмер наблюдала, как отец бесцельно наслаждается движением; попыталась поговорить с ним о прошлой ночи – почти хотела, чтобы он из своих непроглядных сумерек пояснил, что случилось по-настоящему, а что нет. Впрямую спрашивать не стоит, с ним такое никогда не удавалось; решила непринужденно подкидывать ему слова и фразы и смотреть, от чего он заведется, – так ребенок из сказки рассыпает хлебные крошки.

– Водохранилище, – произнесла она. – Водохранилище в Центральном парке. – Старик смотрел прямо перед собой. – Может, китайской еды вечером поедем? Могу заказать в “Царе драконов”. С доставкой. – “С-до-став-кой” она проговорила, как подсказку. Старик молчал. Эмер показалось, что отца у нее забирает то место, куда он ходил, вновь тянет его отливом в океан ночи.

– Мне надо изменить прошлое, – сказал он. И закрыл глаза.

– Ты как раз это и делаешь?

– Пытаюсь. Но ты много болтаешь, Билл.

– Как можно изменить прошлое? – спросила она. – Пап? Как? Прошлое – то, что уже случилось.

– Мне надо увидеть будущее, чтобы это понять, Билл, – ответил он. – Очевидно.

– Очевидно, – согласилась она. И следом: – Черт бы драл, хватит уже звать меня Биллом.

Она понимала, что отец болен, понимала, что он не вредина и не назло ей забывает, но иногда у нее просто кончалось терпение. Иногда ей казалось, что он это делает специально, хотя умом понимала, что это неправда. Хороша же доченька, думала она, принимает на свой счет, когда отец теряет разум или гадит в штаны.

– Да? И как же тебя называть? – спросил отец.

– Эмер.

– Эмер. Красивое ирландское имя.

– Да.

– Эмер-фантазер. – Вот так вот запросто – миг былой благодати в настоящем, неожиданная вспышка спасительной молнии.

– Так ты меня и называл.

– Правда?

– Да. И Эмер-прожектор. И Эмер-которой-не-светит-“бимер”¹²⁶. Но в основном Эмер-фантазер.

– В будущем попробую.

– Спасибо.

– Лишь бы тебе на радость.

Казалось, он задремал, закрыв глаза, может, даже уснул. Умиротворенный, понадеялась Эмер, и отважный в своем стремлении изменить прошлое. Она искала вокруг какой-нибудь “Ход мысли”, чтобы чем-нибудь занять ум, и встретила взглядами со знакомым чужаком.

Он смотрел на нее. Кон смотрел на нее. Тот, кого она звала Коном, уставился на нее – так, будто знаком с ней. Улыбнулся. Она почувствовала, что улыбается ответно, ощутила, как застучало в висках сердце. Она взбудоражилась, завелась, и ей стало стыдно за что-то смутное, не за то, что она сидит рядом с отцом, а с ней тем временем флиртует незнакомец. Ну или так ей казалось. Или на это она надеялась? Загривком она ощутила жар. Это не любовь с первого взгляда. В такое Эмер не верила. И все же нечто молниеносное. Не первый взгляд, нет, – при всех предчувствиях, грёзах и прочих видениях, – но определенно что-то с чего-то первого.

¹²⁶ Разговорное название мотоциклов марки “BMW”.

Заметив, что старик рядом с ней спит, и не желая вешать поверх грохота вагона, знакомый чужак беззвучно произносил слова одними губами, Эмер отвечала так же; они были словно пара детей, пытающаяся тайно общаться по телефону при родителях, или как новоиспеченные родители, орущие шепотом, чтобы не разбудить младенца. Вылепливая слова, смыслы и отклики, они преувеличенно гримасничали, и потому казалось, что их голоса друг у дружки в мыслях звучат сплошь заглавными буквами.

– Я ВАС УЖЕ ВИДЕЛ! – сказал губами он.

– ДА!

– НАДЕЯЛСЯ УВИДЕТЬ ВАС СНОВА!

– ЧТО?

Мужчина изобразил пантомиму “надеялся” (выглядело так, будто он молится) и “увидеть”, затем показал на нее – “вас” – и нарисовал в воздухе радугу правым указательным пальцем – “снова”.

– НАДЕЯЛСЯ УВИДЕТЬ ВАС СНОВА!

– ОЙ, ДА ЛАДНО ВАМ!

– ЧТО?!

– НАДЕЯЛИСЬ? ДА! СНОВА! Я ТОЖЕ!

Эмер обнаружила, что переключилась в режим большей общительности – благодаря изображаемой в пантомиме громкости этой беседы и некоторому оттенку игры в шарады. Ощутила особую необычную легкость. Эмер это понравилось – такая разновидность себя самой была ей по душе.

– Я КОН! МЕНЯ ЗОВУТ КОН!

– Я ЗНАЮ!

– ВЫ ЗНАЕТЕ?!

– В СМЫСЛЕ, РАДА ПОЗНАКОМИТЬСЯ, КОН! Я ЭМЕР!

– ЧТО?

– МЕНЯ ИМЕНУЮТ ЭМЕР!

Осознала, что такой формулировкой она вроде как расистски пародирует диалект коренных американцев, как в старых вестернах. Я та, которую именуют Эмер.

– ЭМЕР!

– ЭМУ?

– ЧТО?

– КАК СТРАУС, ТОЛЬКО МЕНЬШЕ!

– ЧТО?!

– НЕЛЕТАЮЩАЯ ПТИЦА! КАЖЕТСЯ, МОЖЕТ, НЕ УВЕРЕН!

– ЧТО?!

– ЕМУ?!

– ЭМУ?! НЕТ! ЭМЕР! ЭР! ЭР! ЭР!

Пока Эмер прорывивала эти “ЭР” и, чтобы донести смысл этих звуков, сжимала кулаки, словно рассерженный Халк, Кон бросил эту игру, встал и двинулся к ней. Протянул руку. Эмер пожалала ее. Ладонь была большой и теплой. Ее ладошка исчезла в ней.

– Кон, – сказал он. Удержал ее руку, чуть-чуть усилив нажим.

– Я та, которую именуют Эмер, – сказала она. Ее рука тоже усилила нажим. Он рассмеялся. Дошло.

– Эмер, – повторил он. – Как “мер”, как море, мер-мейд¹²⁷. Эмермейд.

– Точно, – подтвердила она. – Да.

– Куда как лучше, чем Эму, – сказал он, все еще глядя на ее руку.

¹²⁷ От mermaid – русалка (англ.).

Отец открыл глаза и уставился на их соединенные руки. Поезд – не только поезд, а вообще весь чертов белый свет – замер. Двери открылись, и Кон быстро произнес:

– Мне здесь выходить. Рад был увидеться, та, которую именуют Эмер. Встретимся в студгородке. – Он поднес ее руку к губам, поцеловал и вышел из поезда.

Эмер впервые за некоторое время глубоко вдохнула. Отец схватил руку, которую Кон только что отпустил, и проговорил:

– Я знаю того парня, Билл. – Опять Билл. Ну ладно.

– Да? Правда? Откуда ты его знаешь?

Отец кивнул и ответил:

– Из будущего.

Женщина, которая упала на Землю¹²⁸

На следующее же утро Эмер опять ехала в поезде метро. Она так много времени своей жизни проводит под землей – что это значит? Независимо от того, будет ли она когда-нибудь коронована, Эмер костями ощущала, что она была и навсегда останется при титуле “Мисс Подземка”. То же и у всех остальных знакомых чужаков, что каждое утро погружаются в эту передвижную братскую могилу, и их перетаскивают в другую жизнь – эдаких современных Персефон. Что за хаос возникает в нашем первобытном бессознательном из-за этого? Что ни день, мы погребены живьем и воскресаем, чтобы поработать, а затем вновь оказываемся погребены, после чего засыпаем. Кто же мы, когда просыпаемся перерожденными? Вольны ли мы ежедневно пересоздавать себя – себя, людей подземки, наркоманов реинкарнации?

Батюшки-светы, “Убер”, значит, все меняет. “Убер” *юбер аллес*¹²⁹. Ха-ха. Может, она перемудривает? Убер-мудрит? Да. Может, даже просто думать – это уже перемудривать? Вероятно. Это, нахер, просто метро, сказала она себе, выискивая взглядом “Ход мысли”, чтобы отвлечься от собственных “Записок из подполья”. Иногда подземка – это просто подземка. Нашлось вот что:

Ум человека должен выбирать:
Житье без всякого изъяна или труд,
Второе предпочесть – не обладать
Поместьем, где в ночи пиры идут.

У. Б. Йейтс¹³⁰

Прямо-таки нужно познакомиться с городским служащим, в чьем ведении подбор этих цитат. Тот еще чудак – или чудачка. Эмер умилилась от того, что Йейтс думал, будто можно обрести житье или труд без изъяна. Не поразительная ли такая мужская гордыня – подобная мысль? Эмер огляделась по сторонам, словно шериф этого вагона, – не сидит ли где рядом какой-нибудь ноги-нараспашку, чтоб можно было пристыдить его взглядом и покачать головой, но все мужчины вели себя прилично и коленки не растопыривали. Эмер задумалась, сколько соседей-пассажиров, если такие были, направлялись, чтобы заняться трудом без изъяна, а сколько оставили дома семьи без изъяна, чтобы вернуться к труду.

Внезапно она рассердилась. На себя. Задумалась, не забросила ли она свою работу – священную свою работу – в последние несколько месяцев и не обделяет ли выводок детишек этого года. Ей частенько приходило в голову, что она могла бы проскочить целый год преподавания с повязкой на глазах, руки за спиной, но это, конечно же, грех. Грех. На дух не выносила она это слово, *грех*, оно застревало у нее в душе, как гость, заехавший на воскресенье, а оставшийся на всю жизнь. Грех – от слова “ошибка”, “промах”, как в стрельбе из лука. В Ветхом Завете, как ей было известно со времен ее детского бунта, вспыхнувшего из-за того, что из-за ее яичников ей был закрыт путь в священники, понятие греха описывалось шестью различными существительными и тремя глаголами. О том, что для культуры действительно важно, можно судить по количеству слов, применяемых к тому или иному понятию. Христианам грех, что эскимосам снег. Эти вот попытки передать точно, уловить это чувство греха, оттенить его небезупречными словами, поскольку одно слово, похоже, неспособно эту задачу решить, лингвистически

¹²⁸ Отсылка к книге (1963) американского писателя Уолтера Стоуна Тевиса (1928–1984) и снятому по ней фильму “Человек, который упал на Землю” (“The Man Who Fell to Earth”, 1976) с Дэвидом Боуи в главной роли.

¹²⁹ Превыше всего (*нем.*).

¹³⁰ Из стихотворения “Выбор” (1933), сборник “Винтовая лестница” (“The Winding Stair and Other Poems”).

неспособно пленить это чувство. Грех не удастся уловить исчерпывающе, он все еще не пойман, беглый преступник – или беглое преступление, – и в мире, и в уме Эмер.

Как выглядел бы ее труд без изъяна? Разве не хочется ей оставить что-то после себя? Трактат о педагогике? Какую-нибудь книгу, конечно же, свидетельство того, что она была на этой планете, кое-что повидала и подумала то-се об увиденном. Как выглядело бы житье без изъяна? Муж и дети? Никаких детей – после того аборта хренова. Доктор Кафлен, ваше имя будет отмечено позором¹³¹, ебанный вы мясник. Но она же все это отпустила, да? “Прожила” с тремя мозгоправами подряд, за два десятка лет. С чего оно вдруг сейчас всплыло, как выплескивает на берег нечто убитое и брошенное в реку?

Но можно же усыновить, правда? Не прекрасный ли это поступок? Как Миа Фэрроу. Усыновить рекламу “Бенеттона”, все расы, ООН-овская модель нуклеарной семьи. Для этого даже муж не нужен. Стопицот миллионов долларов хватит. Слово “стопицот” она позволяла себе втихаря, но никогда не вслух, она же преподаватель языка и основ математики. Нет, ни за что она вслух слово “стопицот” не скажет. У нее своя планка. Чего она прицепилась к Мие Фэрроу? Это так просто, зато некрасиво. Отхлебнула еще кофе. Может, в этом все дело.

Поиски “Хода мысли”, пришлось ей сознаться себе, – лишь попытка увильнуть. Если быть с собой откровенной, Эмер надеялась увидеть мужчину, которого именуют Коном. И что это вообще означает – быть с собой откровенной? Как можно этого добиться? Или как можно не добиться этого? Особенно если ежедневно выдумывать все подряд. Без мужа, без детей, что призывали бы ее быть надежей и опорой определенной формы и сути, Эмер была опасно свободна. Для детей в школе она “мисс Эмер” – такое она умела, спору нет. Это набор требований, которым она способна соответствовать, не приходя в сознание, – большую часть времени, во всяком случае. Она – та, кто учит нас читать, добрая, настоящая, но не слишком, мисс Эмер. Достаточно настоящая, чтобы хватало рассудку первоклассника. Однако случались разрывы – разрывы во времени, в слитной личности. Ей вспомнилось несколько таких, и она различимо содрогнулась от неудовольствия. Сердитые слова, сплетни, инстинктивная неприязнь к некоторым детям, которую ей не удавалось преодолеть. Но застревать в этом она отказывалась.

Блуждая этими ходами мысли, Эмер улавливала фон – любопытство и нужду. В этом поезде искала мужчину, одного-единственного, – Кона, в надежде – и без нее, – что этим утром он, возможно, погребен живьем вместе с ней. Не знала, каждый ли день он ездит этим поездом, и решила, что, видимо, нет, раз прежде они не сталкивались.

На каждой станции она смотрела в открытые двери, чтобы засечь, как входит в вагон тот таинственный гость. В городе, так плотно набитом людьми, что мечутся повсюду, словно электроны в суперколлайдере, вероятность случайности маловероятна. И тут, само собой, словно Эмер была колдуньей, способной вызывать духов из пустоты, на станции “Сорок вторая улица”, в самом подбрюшье Манхэттена, двери распахнулись, как в телевикторине “Цена верна”, и вошел Кон – вернее, вбежал Кон. Протолкался к Эмер и сунул ей в руку бумажку, затем развернулся и выбежал вон до того, как двери закрылись. Вышло немного потешно. И обаятельно.

Она развернула записку и прочла выведенное его почерком, густо, на обеих сторонах. Выведенное – до чего оно утонченно в нашем клавиатурном мире – датировалось сегодняшним днем в апреле.

Эму (*Dromaius novaehollandiae*) – вторая по высоте птица в мире после своего бескилевого родственника страуса. У эму мягкие перья, это бурые нелетающие птицы с длинными шеями и ногами (!). Питаются разнообразными растениями и насекомыми, но известны и своей способностью недели напролет обходиться без еды. Плодятся в мае и

¹³¹ Отсылка к речи президента Франклина Д. Рузвельта от 8 декабря 1941 года, посвященной нападению Японии на Перл-Харбор.

июне, среди самок часто случаются бои за самца. Так обиходно называли австралийского журавля (*Antigone rubicunda*).

В аборигенной культуре Австралии бытует созвездие под названием «Эму в небе». Голова Эму – очень темная туманность Угольный Мешок, рядом с Южным Крестом, а тело и ноги – другие темные облака, тянущиеся вдоль Млечного Пути к Скорпиону.

А вот еще миф. Эму с очень длинными крыльями устроилась жить на небе. Однажды заглянула она за кромку облаков, вниз, на Землю, и увидела громадное скопление птиц. Высоко в ветвях эвкалипта играли прелестную музыку на своих серебряных колокольчиках Птицы-Звонари, приятно хихикала себе под нос, сидя на ветке мертвого дерева, Кукабарра, а в траве изящно танцевали Местные Спутники¹³².

Эму очень увлек танец, она прилетела из своего дома в облаках и попросила птиц научить ее танцу. Коварные старые Спутники ответили: “Мы с удовольствием поучим тебя нашим танцам, но с такими длинными крыльями ты ни за что их не освоишь. Если хочешь, можем тебе их подрезать”. Эму не стала задумываться, что короткие крылья не унесут ее домой. Уж такое было в ней тщеславие, что она позволила очень коротко подрезать себе крылья. И тут же Местные Спутники раскинули свои длинные крылья, которые прежде скрывали, сложив и прижав к спинам, и улетели прочь, бросив Эму в одиночестве, теперь – мудрее прежнего.

Она не вернулась домой в небеса, потому что крылья у нее не отросли.

Искренне,

Кон

(КЛондаик5-248-2876)

P. S. Круче и красивее неодинаковых глаз, чем у вас, я сроду не видел.
Как у Боуи. Женщина, которая упала на Землю.

Вдобавок к тексту и телефонному номеру на бумажке было несколько прелестных рисунков – штриховых набросков авторучкой: созвездие Эму и долгокрылая птица Эму, до того, как ее обманули. Красиво, утонченно. Эмер все это обаяло целиком. Она никогда раньше не слышала о птице Местный Спутник, и такое название ей понравилось. Записка оказалась длинной, а мысли, которые благодаря ей возникли, – еще длиннее. Эмер проехала свою станцию, вынуждена была вылезти и топтать обратно к школе под внезапным не предсказанным дождем. Волосы и туфли промокли насквозь. Эмер было плевать. Ее манило нечто без изыяна – не одно, так другое.

¹³² Так обиходно называли австралийского журавля (*Antigone rubicunda*).

Вещие сестры¹³³

В столовой Эмер села с Иззи – обедать и трепаться. Эмер приглядывала за тремя своими ученицами, с которыми у нее весь год не ладилось, и сегодня они устроились за обедом вместе. Часто бывает так, что в классе нет ни одного буйного ребенка, иногда один, реже двое, но трое – это более-менее беспрецедентный случай на веку Эмер в маленькой частной школе. Эти же три девчонки плели козни без передышки, настоящая банда трех, и, что ни день, плодили дурацкие неурядицы.

Учеба завершалась, и свою учительницу эти трое доставали все сильнее и не на шутку портили обстановку в классе. Всякий класс в новом году складывался, как пьеса, персонажи которой подобраны судьбой: ведущие герои и героини, злодеи, паяцы. И каждый год пьеса получалась почти одна и та же, различались они лишь мелкими поворотами и уловками. Эмер поражалась, до чего одинаковая даже в этом возрасте жизнь, эта долгоиграющая вселенская трагикомедия “года, когда я выучился читать”. Но на этот раз вселенский помреж по актерскому составу укомплектовал пьесу несуразно, и из-за трех “вещих сестер” съемки перегружало от сплетен, отвлечений и бессмысленных, дурацких казусов.

Сидя за несколько столов от вещих сестер, Эмер видела, что они творят месиво из разной еды, будто еда – образцы красок; дети к такому склонны. Словно ведьмы в мини-котел, они клали в бумажную плоску горчицу, кетчуп, майонез, соль и перец, молоко, йогурт, хлопья, сливки. Подобные омерзительные скопления творятся в столовках начальных школ с незапамятных времен, девочки ими потом рисуют, а мальчишки обычно подначивают друг друга их есть – за какую-нибудь громадную сумму денег, о которой идет горячий торг, что-нибудь около полутора долларов.

В этом году банда трех уже показала этот фокус не раз и не два, но Эмер, заново наблюдая этот бессмысленный расход продуктов, сама того не ведая, достигла предела терпения. Оставив Иззи, она подошла к столу, где сидели девчонки, с мрачным вариантом лица мисс Эмер, какой эти избалованные дети прежде не видели, и сказала, что так обращаться с едой – “грех” и то, что они “наделали”, им придется съесть. Ей хотелось, чтобы они усвоили эту светскую экомораль – и усвоили накрепко. Если Бог в школьной программе почти совсем умер, грех из нее никуда не делся, не делится и кара, и искупление – даже для шести- и семилеток. Дети вяло запротестовали, из уже выработанного чутья, что их систематической самоуверенности не дают ходу, но Эмер подняла плоску со стола, взяла ложку и потребовала, чтобы девочки пожалели то, что посеяли. Пусть получают по полной библейской программе на свою задницу.

В разгар этого действия она уже ощутила, что ее праведный гнев несоразмерен обстоятельствам. Вся эта история быстро набрала масштабы притчи, поучительности. Но Эмер не сумела остановиться. Хулиганки сдались и приготовились есть.

– Большую ложку, – повелевала Эмер.

Девочки подчинились – и тут же принялись срыгивать и плакать, потекли сопли и слезы; двух из трех стошнило остатками обеда. Эмер списала и это на потребность троицы в драме. Девчонки продолжали плакать, плевать и мучиться бесплодной отрыжкой над разноцветным вязким месивом. Эмер удовлетворилась и велела им, все еще икавшим, прибраться за собой и лишь затем макнула палец в плоску, попробовать, что она заставила девчонок съесть, и осознала, что перца и мокроты там гораздо больше, чем ей представлялось. Она сама задавила кашель и почувствовала, как намокают глаза и поднимается желчь.

Тут-то и поняла она, до чего крепко облажалась.

¹³³ В пьесе Шекспира “Макбет” так звались три ведьмы.

Отец, Сын и Святой Ух

Навестив отца, Эмер добралась домой уже после десяти вечера, и Папа натужно попытался открыть перед ней дверь. Спать Эмер не хотелось совсем, она опять забыла поесть, а потому решила заказать что-нибудь в “Царе драконов”. Парочка яичных роллов и какой-нибудь горячий кислый суп – то, что надо. Пока ждала, открыла файл на компьютере и начала записывать кое-что из того, что снилось ей в последние несколько месяцев. Казалось, должно быть что-то полезное в том, что она сейчас переживает, – или, во всяком случае, может отыскаться некая сквозная нить, и если ее нащупать, то удастся разглядеть закономерности и более полный смысл. Не успела она погрузиться во все это как следует, зазвонил домофон и Папа сообщил ей, что заказанная еда поднимается в квартиру. Эмер сохранила файл, собралась назвать его “Богомзабытое”, но по ошибке набрала “Богизабытые”. Собралась было исправить опечатку, но передумала и сочла эту случайность счастливой.

Ей померещилось, что доставщика из “Царя драконов” она узнала – видела его при хулиганствах на водохранилище. Как бы завести об этом разговор? Копаюсь в кошельке и собирая чаевые, она учуяла, как по комнате расползается его меланхолия. Он стал не просто взрослым мужчиной на велосипеде, теперь он был уже мужчиной – несомненно, с надеждами, мечтами и богатой внутренней жизнью.

Эмер решила плыть против этого холодного течения. Может, она молилась за этого человека в своем Сакре-Кёр. Откровенно глянула ему в глаза. То был китаец средних лет с прямыми седеющими волосами, подстриженными под традиционное каре. Для своего возраста – неудачник. Облачен в дешевые шлепанцы и застегнутую на все пуговицы рубашку с короткими рукавами, в нагрудном кармане пачка сигарет. И он плакал.

– Что случилось? – спросила она. Он покачал головой: нет. Она убрала руку с деньгами, не дала ему их взять. – Рассказывайте, – поддразнила она, словно чаевые зависели от его согласия общаться.

Он посмотрел на нее, вроде как уточняя, действительно ли она собирается так серьезно нарушить протокол: ее человечность – навстречу его человечности, невзирая на класс, язык, пол, расовую принадлежность и безглютеновый соевый соус. Да, собирается. И ему, кажется, прямо-таки полегчало. Показал на свои сигареты, спрашивая разрешения. Она сказала “конечно” и даже спросила, можно ли одну стрелнуть. Он галантно дал прикурить ей, затем закурил сам.

Они курили вместе так, словно только что позанимались несправедным сексом, а не перекинулись парой слов. Эмер не курила со старших классов. Дым драл глотку, она кашляла, но никотин в крови ей понравился. Она и забыла, как улетаешь с него поначалу.

Когда его сигарета дотлела почти до конца, он заговорил:

– Надо Божья помощь.

Акцент у него был густой, словарь ограничен и беден на глаголы и артикли, однако намерение оказалось отчетливым.

– Божья помощь? – переспросила Эмер.

Он кивнул.

– Помощь – какая? Церковь? Вам нужен священник?

– Священник нет! Беседа. Вы помочь. Знаете Бога?

– Конечно. Мы время от времени разговариваем.

Шутка до него не дошла – кажется, он вообще не расположен был понимать шутки.

– Хорошо. Хорошо. Пойдете? – Он впервые улыбнулся; зубы побуревшие, кривые.

– Куда?

– Вы помочь? Отец, Сын, Святой Ух?

Он вновь протянул руку, осторожно положил пять долларов обратно ей в ладонь и сомкнул ее пальцы на купюре.

– Вы мне помочь?

Этот жест тронул Эмер.

– Как?

– Я показать. Вы пойти. Я показать.

Он изобразил облачение в куртку и руками поманил ее за собой.

– Сейчас?

Китаец улыбнулся так, будто это лучшее, что им обоим когда-либо приходило в голову. Эмер никуда идти не хотелось совсем. У нее утром уроки, но раз уж сама открыла эту дверь, то ощущала теперь ответственность. Потянулась за курткой и пошла за китайцем к лифту, улыбаясь и повторяя про себя: “Святой Ух”.

Хан Со-ло

Когда они выходили из здания, Папа, словно опытный комедийный актер, глядя на эту странную парочку, вскинул брови. Доставщик устроился над рамой своего доставочного скакуна и поманил Эмер садиться в седло.

– Как вас зовут? – спросила она.

– Хан.

– Хан Со-ло?

Смеха не последовало.

– Ладно, Хан, давайте адрес, я доеду на метро.

Он покачал головой:

– Чайна-таун бардак.

– Найду, адрес, ну.

Она почувствовала себя расистом – слова выкидывает из фразы, опускает “я”, опускает “давайте” – и решила это прекратить.

– Быстрее, – сказал он. – Я быстрее. Вэлик.

Какого черта. Она вскочила в седло позади Хана, тот встал на педали и погнал к центру города. До Чайна-тауна путь неблизкий. Эмер пришлось взять Хана за талию, чтобы не слететь с велосипеда, в результате получился силуэт куда более романтичный, чем Эмер хотелось бы. Она оглянулась, когда они отъезжали, и увидела Папу на тротуаре – Папа качал головой и погаитянски презирал их взглядом.

Поездка в центр получилась трудной – для Хана уж точно тяжелее, чем для Эмер, – но до странного прекрасной. Вэлик у Хана оказался моторизованным – такой вот гибрид велосипеда с мотоциклом. Если Эмер когда и каталась так далеко по Манхэттену на велике, глазеть по сторонам ей все равно было совсем недосуг. Она привыкла перемещаться по городу под землей или в автомобилях, которые едут слишком быстро или ползут слишком медленно, в них не расслабишься.

Они прокатились мимо Таймс-сквер, сюда Эмер и не ходила почти никогда, особенно вечером; сейчас площадь казалась заброшенной, как в “Бегущем по лезвию”, подумалось ей; после “Мэдисон-сквер-гарден” – дома отцовых любимых многострадальных “Никсов”¹³⁴ – город сделался более сонным.

Хан потел, крутя педали, и Эмер боялась, что их могут увидеть родители тех, кого она учила в Деревне, поскольку многие семьи из школы Св. Маргариты жили как раз здесь. Как потом объяснять, с чего это она оказалась в подобном положении – велоподружкой Хана Со-ло? А надо ли вообще объяснять? Попадает ли этот поступок в диапазон допустимых для мисс Эмер? На светофорах она смотрела вниз, будто от этого меньше бросалась в глаза пешеходам. По имени ее никто не позвал. Хан курил всю дорогу без остановки, никотиновые выдохи – эдакий выхлоп их транспорта.

¹³⁴ “Нью-Йоркские Никербокеры” (“Никсы”) – нью-йоркская профессиональная баскетбольная команда; никербокер – неформальное название первых голландских поселенцев на Манхэттене и их потомков.

Мэй Вонг, отворот любовниц

Примерно у Мотт-стрит в Чайна-тауне Хан, наконец притормозив, покатился по инерции с одной ногой на педали и остановил велик напротив какого-то магазина. Пospешил по ступенькам ко входу, приговаривая “прошу” и жестом призывая Эмер следовать за ним. Провел ее на зады заведения – как оказалось, просторного склада всякой азиатской дребедени из 99-центовых лавок, то ли “Азума”, то ли “Зума”, они прут в Нижнем Ист-Сайде как грибы. Отмахиваться от всей этой бросовой керамики и чепухи легко, но Эмер всегда казалось, что все эти безделушки отвечают глубинной человеческой потребности заполнять пустоты красотой, на какую любой надеется, или чем-то вроде красоты, скорее, неким пластиковым симулякром понятия о красоте – и чтобы по карману. Словно всякая заваль способна держать ужас в узде.

Эмер пробралась мимо едва ли не тысяч фарфоровых кис, масляных ламп, спиночесалок и УФ-плакатов – сквозь этот нильский разлив шлака – к тайной задней комнате, где обустроили походный класс.

За столами в сумрачном полусвете сидели десять-пятнадцать молодых китайцев, а у доски мужчина – видимо, учитель, предположила Эмер – пылко и назидательно вещал на родном языке. Увидев Эмер, учитель умолк. Протянул ей мелок, показал на доску и произнес:

– Учите.

– Учить чему?

Учитель глянул на Хана – дескать, ты уже должен был это уладить.

– Учить Богу. Иисусу. Иуде. Распятию. Перерождению. По полной программе.

– Зачем?

– Я потом объясню. Сейчас учите.

Теперь уже Эмер глядела на Хана, тот повернулся к ней с улыбкой – дескать, мы же об этом и договаривались, давай. У сидевших в классе были тетради, как у школьников, ручки наготове.

Эмер взялась сжато импровизировать на темы христианства. Иисус, облегченный вариант. Она и не подозревала, что Библия в виде “Ридерз дайджест”¹³⁵ хранится у нее в мозгу, но вот поди ж ты. Сама себе удивилась, столько всяких подробностей вспомнила. Получилась религиозная версия “Дисков необитаемого острова. «Кто следующий». «Да неважно». «Триллер»”¹³⁶ (танцевать-то на острове надо). На необитаемый остров Бога единственного прибыли: Непорочное зачатие, Бог тройственный, Иудин поцелуй, изгнание менял из Храма, подставка другой щеки (первый пункт без списочной точки перед ним)¹³⁷.

Тройственный Бог – до чего трудно это впитать и усвоить. Отец, Сын, Святой Дух – без сомнения, уступка и отход к многобожию. Так, что ли, это преподносить? Дух – слово для этих людей слишком нагруженное: в их мире духи были очень деятельны и нередко злы, а потому она решила именовать его Дыханьем Божьим.

Эмер увязла в догматах веры – в спорах о пресуществлении и сопричастности, сама ли облатка есть Иисус или же она его символизирует (что, миры правда воевали из-за этого?), и

¹³⁵ “Reader’s Digest” (с 1922) – один из самых популярных американских журналов для семейного чтения, выходит ежемесячно.

¹³⁶ “Desert Island Discs” (с 1942) – программа на Четвертом канале радио Би-би-си; в программе участнику предлагается вообразить себя на необитаемом острове и выбрать восемь записей (обычно, но не всегда музыкальных), одну книгу и один предмет роскоши и объяснить слушателям свой выбор. “Who’s Next” (1971) – пятый студийный альбом британской рок-группы “The Who”. “Nevermind” (1991) – второй студийный альбом американской гранж-группы “Нирвана”. “Thriller” (1982) – шестой студийный альбом американского короля поп-музыки Майкла Джексона.

¹³⁷ Отсылка к организации хит-списков американского журнала “Биллборд”: рядом с композициями, быстро набирающими популярность, в журнале ставили черный кружочек. Если этой отметки нет, значит, пункт списка держит свое место без изменений.

предметы эти уж такие мудреные, что она через миг потеряла нить повествования; все равно что зачерпывать воду ладонями. Рисовала диаграммы, играла словами, но игр этих никто не понимал, однако, что бы Эмер ни говорила, эти ученики одаряли ее своим полнейшим вниманием. Казалось, они записывают каждое ее слово, будто стенографируют допрос. Эмер почувствовала себя так, будто сдает экзамен, к которому она готовилась не один десяток лет. Сегодня она была священником. Жрицей Чайна-тауна.

Прошло не меньше часа, Эмер, судя по всему, не собиралась тормозить, и тут учитель встал и, хлопая и кивая, двинулся к ней; ученики последовали его примеру – тоже встали и аплодировали минуты две точно. Эмер пёрло, несло, она решила завершить все это шуткой – любимой с самого ее детства:

– Спасибо-спасибо, и еще одно, о чем вы, наверное, не спросите, но все же: откуда нам известно, что Иисус был евреем? Вот как: он не уезжал из отчего дома, пока ему не стукнуло тридцать три, мать считала, что он Сын Божий, и он пошел по отцовской части. – Тут она заметила, что все принялись конспектировать. – Нет, это не надо записывать. Это не... ну ладно... спокойной ночи, Чайна-таун, я вас люблю, не забывайте о чаевых официанту. Спокойной ночи!

Послушные ученики мгновенно собрали свои тетради и прочие пожитки и оставили Эмер с Ханом и учителем одних. Учитель открыл кошелек и протянул Эмер вроде бы пару сотен баксов. Эмер отказалась, но Хан робко принял половину предложенного.

– Ладно, теперь объясните. Что это за чертовщина была? – спросила она у учителя.

– Убежище от Китая.

– Правда?

Учитель глянул на Хана, словно спрашивая, мол, она своя? Хан кивнул. Учитель вручил Эмер карточку с именем – карточку юриста.

– Меня зовут Дэйв, – произнес он. – Убежище от религиозных преследований. Америка спасет этих людей, но им предстоит отвечать на вопросы о том, за что их преследуют на родине. Религиозное преследование лучше всего – и проще всего. Навязанные аборт, навязанная стерилизация – это все против христианства. Мы преподаем им краткий курс христианина, чтобы они остались и жили здесь. Им нужно всего лишь ответить на несколько дурацких вопросов. Христианство для “чайников”. Моя лучшая преподавательница в прошлом месяце уволилась – замуж вышла и переехала в пригород.

– Знание всего этого христианином человека не делает.

Тут Дэйв содрогнулся от смеха.

– Вы это скажите ИТП¹³⁸.

– Стало быть, вы юрист, Дэйв? Дэйв-юрист, юрист Дэйв.

– Да, – гордо подтвердил учитель.

– Вы этих людей обдираете. Это незаконно.

– Я спасаю им жизни. Ради этого закон нарушу запросто. И деньги запросто приму. Им в Китае ничего не светит. А я им дарю свет.

Хан, все это время куривший себе тихонько, шагнул теперь в сторону и сказал:

– Моя дочь. – Позади него оказалась хорошенькая девушка лет двадцати – может, она сидела в “классе”. – Моя дочь теперь живет хорошо, – сказал Хан. – Она быть в Нью-Йорке, ответить вопросы Иисусы как надо.

– Отец, Сын и Святой Дух, – улыбаясь, произнесла девушка. – Вода в вино. Подставить щеку.

Благодарность была такой искренней, что Эмер тоже пришлось улыбнуться и пожать протянутую ей мягкую ладонь. Она переставала стесняться того, что проделала этим вечером, но тут ее схватила за руку густо накрашенная молодая китайка и потянула к себе, как на поводке:

¹³⁸ Иммиграционная и таможенная полиция США.

– Незачем вам тут оставаться, среди этих голодранцев.

Эмер спешно попрощалась с Ханом и юристом Дэйвом, воздержавшись от обещаний приехать еще и повторить все это на будущей неделе.

Женщина повела Эмер обратно, через мир побрякушек, на улицу.

– Вот что вам нужно, – сказала она, вручая Эмер карточку. На карточке значилось: “Мэй Вонг. Отворот любовниц”.

– “Отворот любовниц”? – переспросила Эмер, все еще витая в облаках.

– Я избавляю от другой женщины.

– Какой другой женщины?

– Да, если ваш мужчина колобродит с другой женщиной, мы делаем ей предложение получше, чтобы она отстала.

– Предложение получше?

– Деньги, работу, другой город – даже другого мужчину. Любой ценой. Составляем план.

Применяем “ПауэрПойнт”.

– Настоящий бизнес, значит?

– Только бизнес.

– Но у меня нет мужа.

– Это временно.

– Правда?

– Возможно. Я отваживаю любовниц, а не будущее предсказываю. – Улыбнулась.

– Вы этот подкат уже использовали.

– Никогда. Только на вас.

– То есть будь у меня муж, а у мужа – интрижка, вы бы нашли эту женщину и сказали ей: “Эй, может, поработаешь в Сан-Франциско пару лет?” В таком духе?

– Да, в таком. У вас оно выходит так, будто это просто. А нет. Я профессионалка. Обученная. Мы все общаемся. Вы заказываете отвод любовницы – это не просто наем Мэй Вонг, это наем целой сети, которой можно доверять.

– Не очень романтично.

– Одиночество тоже.

– И этот ход вы уже применяли.

– Никогда. Только к вам.

– Вы работаете за пределами Чайна-тауна?

– Нам бы хотелось расширяться, распространять франшизу. Поэтому-то я с вами и разговариваю.

– “Старбакс” отваживания любовниц.

– Ваши слова – да Богу в уши.

– Чего бы и нет.

– Вот да, чего бы и нет. Хороший бизнес, все довольны. Муж, жена, любовница, дети.

Все довольны-довольны-довольны.

– И никто не наказан?

– Не моя работа.

– Никто не извлекает уроков?

– Уроков о чем?

– Об обмане.

– Не моя работа.

– Складно излагаете.

– Складно живу. Шампанские грёзы. Титьки я себе сама покупаю. – Она хорошенько тряхнула устрашающе надставленным бюстом, тот гордо запрыгал. Мэй продолжила: – Может, если заведете титьки – заведется и мужчина. Мужчины любят титьки.

– Слышала, да. Советы вы даете в широком диапазоне.
– Потрогайте мою титьку. Хороша на ощупь. Как настоящая. – Она стиснула грудь и подалась к Эмер.

– Нет, спасибо.

– У меня тот же врач, который делал Ким Кардашьян.

– Да ладно.

– Откуда вам знать?

– Ну, для начала, она живет в Эл-Эй.

– Вы с ней знакомы?

– Нет, сужу по ее шедеврам.

– Тогда откуда вам знать?

– Вы правы. Неоткуда.

– Он ей и задницу делал.

– Нет. Хватит.

– Он ей титьку в задницу загнал. Или что-то типа того.

Эту последнюю фразу Эмер не смогла не вообразить зрительно – в отрыве от медицинской процедуры, как несуразное половое взаимодействие, что ли. Принялась истерически хохотать.

– Он ей титьку в задницу загнал? Убиться можно.

– Оставьте себе карточку.

Мэй Вонг отправилась прочь со своими поддельными титьками, в красном шелковом платье и на пятидюймовых каблуках, вычисляя и обходя ямы в тротуаре Чайна-тауна, словно у нее в каблуках имелись локаторы. Эмер ощутила слабость, будто надвигался очередной припадок, а может, он уже был в разгаре: она ощутила нелепую возвышенность души, что стремительно пролетела бумерангом от Христа к Кардашьян. Хотелось сесть, да побыстрее, а потому она опустила зад прямо посреди улицы, в руке – карточка специалистки по отводу любовниц. И ни Хана Со-ло, ни поездки домой, прочь от этой странной ночи, не предвиделось.

Поезд любви¹³⁹

Со своей точки обзора на асфальте Эмер видела вход в подземку, и это показалось ей хорошей мыслью. Эмер встала, дошла до конца квартала и спустилась под землю. Ей тут же стало лучше. Скоро будет дома. В поезде оказалось немногочисленно. Ум Эмер был целиком занят, этим вечером китайских фейерверков он сыпал искрами во все стороны. Перевалило далеко за одиннадцать.

Эмер закрыла глаза, решив, что по дороге домой можно и подремать. Вопреки себе, по чистой привычке, все же сперва поискала взглядом, нет ли чего почитать, и обнаружила очередную “Ход мысли”.

Прости мне эти резкие слова. Откуда знать тебе привязанность мужчины к тем, кого любил, той болью, что они дарили, или же болью, что дарил он сам, – причуды боли.

У. Б. Йейтс¹⁴⁰

Опять Йейтс. Машинист на этой ветке – явно не экзистенциалист, а ирландский романтик. Эмер подумала об отце с матерью, подумала о себе, вроде бы не обремененной подобными причудами, от чего несколько не легче. ГТУ, должно быть, подсело на Йейтса, размышляла она, но это уж всяко лучше, чем Билли блядь Коллинз¹⁴¹, как ни крути. Принялась задремывать – поразительная штука все-таки, что мы способны спать в таком грохоте, на ходу, когда вокруг столько посторонних.

Через несколько остановок двери открылись и вошел Кон. Опять. Эмер ощутила всем телом волну удовольствия. Кон же так поразился, увидев Эмер, что ему прищемило дверями плечи, и пришлось дернуться вперед, чтобы его не оставили на перроне – или не раздавили. Кон сел рядом с Эмер.

- Эму, – произнес он, – я за вами не таскаюсь.
- Я не жалею.
- Вы что-то припозднились.
- Вас это как-то задевает?
- Наша с вами первая размолвка.
- Оба рассмеялись.
- Вы мне не позвонили, – сказал он.
- Наша вторая размолвка. Как-то не получается у нас.
- Почему вы не позвонили?
- Не знаю.
- Не знаете?
- Нет, честно, не знаю. Хотела.
- Ладно. Ладно. Вы хотели, мне этого достаточно.
- Но что-то меня остановило.

Кон кивнул. Казалось, он понимает, о чем она, пусть сама Эмер толком этого не понимала. Ловко.

– Последние несколько недель, – продолжил он, – я ловлю себя на мыслях о вас. Не знаю почему. Сидеть тут с вами – такое *дежавю*. У меня такое чувство, будто у нас так уже было. Но больше ничего знакомого, кроме вас. *Дежа* вы.

¹³⁹ Отсылка к песне “Love Train” (1972), исходно исполненная американской соул- и диско-группой “The O’Jays”.

¹⁴⁰ Из “Единственной ревности Эмер”.

¹⁴¹ Уильям Джеймс Коллинз (р. 1941) – американский поэт, с 2001 по 2003 год Поэт-лауреат США.

- Пошлятина.
- Да и подумаешь.
- Она улыбнулась.
- Я отчетливо понимаю, что вы имеете в виду.
- Правда?
- Типа того.
- Типа вроде как.
- Моя остановка скоро.
- Не уходите.
- Да?
- Ага.

Он взял ее за руку, показывая на карту метро напротив:

– Гляньте-ка, правда же похоже на старую обучающую игрушку – “человек-невидимка” называлась, по-моему? Где можно сквозь прозрачный пластик разглядеть все вены и органы?

– Да, у меня в классе такая есть.

– Вы преподаете медицину?

– В первом классе. Очень похоже, впрочем. Много общих точек. Особенно в смысле прямой кишки. – Эмер пожалела, что они едут не каким-нибудь европейским поездом, когда в любую минуту мог бы появиться сдержанный профессионал с предложением коктейлей. – Вероятно, можно было бы решить, – продолжила она, – что все линии подземки подобны артериям, какие качают кровь под кожей, а мы, пассажиры, – как раз эта кровь, а сердце, наверное, – сознание, намерение, словно какой-нибудь бог, что направляет всех нас, странников, друг к другу или прочь друг от друга.

– Мне тут нравится, потому что дешево. – Кон насмешил Эмер, но вместе с тем дал понять, что ее фантазию усек. – А еще это похоже на линии на ладони, по которым можно читать судьбу. Докуда этот поезд идет? – спросил он, ведя пальцем по воображаемому маршруту на ее ладони.

– До Ямайки.

– Ха! До Ямайки.

– Что смешного?

– Когда я был маленький...

– Вы росли на Манхэттене.

– Откуда вы знаете?

– Понятия не имею.

– Так и было, я рос на Манхэттене и обожал динозавров. Улавливаете, к чему я?

– Нисколько.

– Если ты городской мальчишка и любишь динозавров, куда пойдешь?

– На Бродвей?

– Нет. Смешно, но нет.

– В Музей естественной истории?

– Конечно, да. А поскольку мама у меня ирландка – прямо из Ирландии...

– У меня отец ирландец.

– Это чья сейчас байка?

– Не знаю.

– Так вот, мама моя, лет пять как убравшаяся из деревеньки под Дублином, живет на углу Одиннадцатой и Авеню А. Для нее подземка всякий раз целое приключение, как для средне-

векового рыцаря поход – или как подвиги Геракла. Когда мы не укатывались аж до “Стадиона янки”¹⁴², можно было считать это победой.

– Забавно.

– Зато правда. Так вот, однажды в самый разгар зимы обращаемся мы к услугам того, что когда-то называлось БМТ¹⁴³, мне тогда было лет десять, и, само собой, совершаем парочку ошибочных пересадок – на Ди, Кью, Ар¹⁴⁴ или какую-то подобную херню.

– Можно вас перебить? – спросила она.

– Опять?

– Ха-ха.

– Само собой.

– В конце этой байки я собираюсь вас поцеловать.

Ничего подобного Эмер в своей жизни не произносила – и даже не помышляла о таком. Дело не в чрезмерной прямооте или наглости – это просто чертовски обаятельно. Вот что ее удивило. И она осознала, что этот мужчина пробудил в ней вот это – ее собственное обаяние. Да, ему хватало своего шарма, какой он применил, выкладывая эту несомненно трогательную и остроумную байку из нью-йоркского детства, но жутко до чертиков ей стало как раз от собственного очарования. Наведение жути на расстоянии – уж не какая-нибудь ли это свежая эйнштейновская штука? *Очарование* – не понятие ли это в современной физике? Или какая-нибудь новая частица¹⁴⁵. Уж для Эмер новая точно. Чары – кварки – спины? Уютненькая миленькая номенклатурка новомодной физики. Может, мы в точности как атомы, задумалась она, – обречены в силу собственной неведомой внутренней химии откликаться на спин, заряд и обаяние определенных других частиц? Кон улыбался – охренеть какой очаровательный.

– Вы собираетесь меня поцеловать?

– Да.

– Не сейчас, а в конце истории?

– Именно. Тяните сколько пожелаете ждать. Разглагольствуйте, сколько вам понадобится.

– И вот так история закончится?

– Я не знаю, как она закончится, но все случится в самом ее конце.

– А история всё. Я всю ее рассказал. Она закончилась.

– Вот и нет. Ну же...

Он воззрился на нее, она уставилась на него ответно. Часть очарования очарования – сделанное сопротивление очарованию.

– Ладно, так или иначе, едем мы не тем поездом, и за Пятьдесят девятой улицей кажется, что поезд все катится и катится и никогда-то не остановится; мы едем по тоннелям, по мостам, клянусь, проезжаем Средиземье, а затем кажется, будто через десять, пятнадцать, двадцать минут мы уже, как тюремные заключенные, смотрим из окон, беспомощно, я вижу, как у мамы над верхней губой пот проступает, и наконец, когда уже вроде как целые часы миновали, мы останавливаемся на уличной надземной станции, двери открываются, и мы видим знак, на нем написано, вы только подумайте: ЯМАЙКА.

Эмер рассмеялась.

– Ямайка, Квинс. Это конец?

Она подалась к нему. Вагон опустел, словно всех из него убрал волшебник.

¹⁴² Пересечение Одиннадцатой улицы и Авеню А – самый юг Манхэттена, “Стадион янки” – юг Бронкса, т. е. уже даже не Манхэттен.

¹⁴³ “Бруклин-Манхэттен Транзит” (Транзитная корпорация Бруклин-Манхэттен, осн. 1923) куплена городской администрацией Нью-Йорка в 1940 году.

¹⁴⁴ Названия линий БМТ.

¹⁴⁵ Имеется в виду так называемый очарованный кварк (с-кварк), предсказан в 1970 году, впервые зарегистрирован в 1974-м.

– Не-а. Я сам ничего про Ямайку, Квинс, не знаю. Моя ирландская мама, вероятно, тоже, и, вижу, она того и гляди отключится, и я такой говорю ей с густым островным акцентом: “Ох батюшки, Ямайка, мы не на тот поезд сели, ма!” И мама прям по швам от смеха. Так хохочет, будто это дополнительных денег стоит, и говорит: “В следующий раз, когда поедем в Музей естественной истории, возьмем с собой купальники”.

Оба продолжали смотреть друг на дружку.

Кон добавил:

– Моя байка про подземку. Конец.

Эмер потянулась вперед и поцеловала его. Первые поцелуи всегда ужасно неловкие, словно губы и язык незнакомца говорят на чужом для тебя наречии и надо условиться о неких общих понятиях – грамматике языка и губ. Но не в этом случае. Получалось так, будто они уже целовались прежде, много-много раз, говорили на одном и том же наречии, и рты их не забыли.

Кон остановился на миг, отодвинулся и произнес:

– Я не хочу, чтобы ты проехала свою станцию.

– Мне насрать. И на всякий случай: я такими словами не выражаюсь. Я никогда не говорю “Мне насрать”. И никогда не целуюсь со знакомыми чужаками в поездах.

Кон рассмеялся.

– Мне насрать, – сказал он и добавил: – Сколько у нас времени? Когда тебе надо сойти?

– На Ямайке, – ответила она, очаровательная донельзя. – Поехали прямо так до самой Ямайки.

Молот богов

До Ямайки они не поехали. Вернулись в квартиру к Эмер. Пока они шли по улице к ней домой, взявшись за руки, она была убеждена, что выполняет повеление некоего незримого кукольника, но в то же время никогда прежде не чувствовала себя такой шальной, такой наполненной собственной свободной волей. Эксгибиционисткой она по натуре не была, и школьный пыл этой авантюры, которую она начала в поезде “Эф”, ее смутил. Домой с этим мужчиной она явилась счастливая. Папа все еще держал вахту и одарил Эмер взглядом нешуточного гаитянского осуждения, который Эмер расшифровала так: “Двое мужчин за один день?” Подумаешь, она взрослая женщина, и он не ее папа.

Вот это ощущение, что они сейчас одновременно и от мира и не от мира сего, одновременно и люди свободной воли, и пешки, придало ночи сверхъестественное свойство: привычные правила отменены. Никаких разговоров о контроле зачатия. Или о болезнях. Они бросились друг на дружку, не успела дверь за ними затвориться.

Ладонь Кона легла на колено Эмер и пустилась в неспешный, игривый путь к бедру и выше, Эмер размахивала руками и пыталась нащупать выключатель у себя за спиной, чтобы они невесть чем занялись в темноте. Кон поймал ее руку на выключателе, накрыл своей и включил свет обратно. Она смотрела на него. Он улыбался.

– Мне за сорок, – сказала она и выключила свет.

Другой рукой он уже ласкал ее между ног. Она вся намокла, до полной неловкости, и задумалась, с чего ей вообще стесняться страсти, ее материального подтверждения, и что это за мир такой, в котором это хотелось бы скрывать? Ее разум уже улетал отсюда. Его губы изгоняли любые мысли. Эмер представилась мочалка на черной меловой доске, как она вытирает все начисто. Губы Кона – такой вот научно-фантастический прибор, как в “Людах в черном”, который делает так, чтобы ты обо всем забыл. Уж если его губы на такое способны, задумалась она, что же умеют остальные части его тела? Он вновь поцеловал ее, и она перестала задумываться. Пальцы Кона медлили вверху между ее бедер, гостеприимно скользких.

– Неловко, – сказала она.

Он вновь включил свет.

– За что?

– Просто так.

– Тебе неловко за то, что завелась?

– Видимо.

Он взял ее руку и прижал к красноречивому бугру у себя на штанах.

– Видимо, мне тоже неловко. – Он улыбнулся.

От желания и предвкушения у нее закружилась голова.

– Ох, батюшки, вот те на, тебе-то и впрямь неловко.

– Не уверен, что мне вообще когда-либо бывало так неловко.

– Экий ты неловкий парень.

Теперь уже он выключил свет.

– Спасибо, – сказала она. – Мне за сорок.

– Я уже понял. Мне тоже. Тебе сорок с чем?

– Тридцать восемь.

– Едва-едва за сорок.

– Давай оставим эту тему?

– Можешь оставаться тридцативосьмилетней сколько влезет.

Его рот вновь нашел ее губы. Она ощутила, как раскрывается во тьме навстречу некоей синестезии: не совсем осознавала, где заканчиваются ее губы и начинаются его, что тут его тело, его удовольствие, а что – ее. Все казалось всеблагим безумием, сном наяву.

Снимая платье с ее плеч, он стряс ткань вниз по ее телу, а не стянул через голову, для этого ему пришлось преклонить колени, а когда платье пало грудой к ее ногам, он остался стоять на коленях.

Ей сделалось одиноко – пока его губы не соприкоснулись тихонько с ее животом, руки не взяли за задницу и не потянули трусики вниз, туда же, где легло платье, – к ее ногам, в накопление доказательств, как пророчество.

Эмер прикинула, достаточно ли она занималась последнее время физкультурой, но тут же велела себе заткнуться и получать удовольствие. Язык Кона затрепетал у ее пупа, приятно, пусть Эмер и забеспокоилась, не сваялся ли там пух; впрочем, не успела она пошутить, Кон продолжил путь на юг, до последней станции на этой ветке. Он стоял на коленях перед ней, словно она – некая богиня, и от молитвы его языка она ощущала себя божественной. Как же давно этого не было, как же, нахер, давно. Эмер чуть не плакала.

– О боже, – произнесла она, – о боже.

Не сейчас. Нельзя поддаваться пока. Она опять включила свет. Он прервал молитву на миг и поднял взгляд. В его глазах она увидела, что он полностью осознает потешность своего положения у ее ног, и оценила это по достоинству.

– Неловко, – повторила она.

– Я знаю, – пробормотал он, – мы это уже обсудили.

– Просто хотела глянуть, как ты смотришься с бородой. – Тут они оба расхохотались.

Смеясь, он встал и снял рубашку. Она с облегчением увидела, что и он не в лучшей форме. Жирным не был, но и к спортивным нарциссам не относился.

– Разглядываешь тупак-Шакур?¹⁴⁶ – уточнил он.

– Няма-няма, – отозвалась она.

– Няма-няма?

– Понятия не имею, откуда это взялось. Кажется, моя мама так говорила, когда на экране возникал капитан Кёрк из старого “Звездного пути”.

– Вот это, – рывкнул он, подражая знаменитому отрывистому, дерганому стилю речи Уильяма Шетнера¹⁴⁷, – самое. Сексуальное. Из всего. Что я. Когда-нибудь... слышал. – Он вновь поцеловал ее – глубоко и тщательно, и Эмер показалось, что у нее сейчас вскрыется голова. У квартиры снесло крышу, и стало видно звезды. Одним движением он снял штаны и трусы.

– Ловко, – сказала она.

– Дома репетирую.

– Устраивайся поудобнее.

– С удовольствием.

Эмер подумалось, что они прямо-таки комический тандем, но не понимала, кто из них пишет текст. И к тому же они словно менялись ролями: в одном скетче он был простаком, она – паяцем, а следом наоборот. От этого голова шла кругом и сбивало с ног – так, что лучше не бывает. Он потянулся выключить ради нее свет, и на этот раз уже поменялись ролями: она его остановила. Член у Кона полностью встал, красивый, настойчивый, он вроде как показывал

¹⁴⁶ Отсылка к имени гарлемского хип-хоп-исполнителя, продюсера и актера Тупака Амару Шакура (1971–1996). Имя “Тупак” созвучно английскому “two pack”, имеется в виду две упаковки “шестерика” пива.

¹⁴⁷ “Star Trek” (с 1966) – американская научно-фантастическая медиафраншиза, включающая в себя несколько телевизионных сериалов, полнометражных фильмов, сотни книг и множество компьютерных игр. Уильям Шетнер (р. 1931) – канадский актер, писатель, сыграл в нем Джеймза Тиберию Кёрка, капитана звездолета “Энтерпрайз”.

на что-то интересное в небе. Эмер взялась за него – будто пожимая руку чужаку. Приятно познакомиться, любезный сударь.

Ей вспомнилось занятие в колледже, и не какое-нибудь, а по Милтону и его искушению Евы в “Потерянном рае”. Что ж, не слишком-то и странно, если вдуматься. А еще она вспомнила, что искушение Евы змием началось с его языка, со слов, и далее установилась непрерывная связь, сперва речевая, а затем половая. Именно связь привела к падению Евы, она ее сделала человеком. Связь. И Эмер этой ночью вновь проходила путь к человечности.

– Мне пока надоело болтать, – сказала она. – Веди меня в постель.

Ему хватило мужества сделать, как велено.

Так закончилась речевая часть программы того вечера. Оттуда и далее связь сделалась физической и безмолвной, пусть и перемежавшейся многими стонами. Любовью они занимались, как давно женатая пара, по-прежнему влюбленная. Словно это старая импровизация. Пылкая, но умелая. То, что было правдой в первом поцелуе, оказалось правдой во всем том, как они касались друг дружки, будто оба поднаторели во взаимном искусстве. Как такое возможно? Эмер бросила задавать вопросы: ответы, пусть и зачаточные, были очевидны, и она той ночью с удовольствием оставила их произнесенными.

Когда все у них завершилось, Эмер все еще не насытилась, но хотела поспать. Спать с ним она боялась, боялась, что тело ее станет исторгать звуки и запахи, пока она без сознания, и его это отвратит. Хотелось уйти в некий глухой биологический отказ. Он сказал:

– Я плохо засыпаю.

– А я нет. И снятся мне безумные сны.

– Хочешь, я останусь?

– А ты хочешь остаться?

– Конечно.

Оба опасались показаться другому оскорбительными – близость их случилась так быстро и яростно, что ощущалась едва ли не стыдной и неожиданной, а значит – подозрительной. Эмер осознала, что хочет либо чтобы он остался навсегда, либо чтобы убрался немедленно, и ни ту ни другую мысль она не собиралась произносить вслух никогда.

– Можешь сделать одолжение, раз так? – спросил он.

– Наверное.

– Можешь меня убаюкать?

– Убаюкать?

– Оно помогает.

– Я толком песен-то не знаю.

– Не знаешь песен? Не может такого быть. Нет таких людей, кто не знает песен.

– Знаю “Кашмир”, на уке.

– Зеппелиновский “Кашмир”?¹⁴⁸ А я-то тебя определил как девушку-“депешистку”.

– У меня отец любил “Зеппелин”.

– На укулеле? Это прямо из ночных кошмаров материал. Может, есть еще что-нибудь?

Она встала за инструментом. Он отшатнулся в деланом ужасе. Эмер сыграла фрагмент из “Иммигрантской песни” “Зеппелина”¹⁴⁹:

– А-а, а! А-а, а! Мы из краев, где снег и лед... Где полуночный свет, где родник жаркий бьет...

– Ух ты, это же...

– Изумительно?

¹⁴⁸ “Kashmir” (1975) – песня британской рок-группы “Лед Зеппелин” из шестого студийного альбома “Physical Graffiti”.

¹⁴⁹ “Immigrant Song” (1970) – песня “Лед Зеппелин” из третьего студийного альбома “Led Zeppelin III”, богатая отсылками к скандинавской мифологии.

– Само собой, но к тому же...

– Обалденно?

– Вот-вот, именно.

– Тебе оно невыносимо.

– Нет, не невыносимо, ты – мечта любого мужика: девчонка любит “Зепелин”, играет на уке... Я просто в полном ужасе от этого.

– погоди. Я поняла. – Она переставила пальцы на грифе и принялась петь ему “Песенку гласных”. – Это я пою своим деткам, когда учу их читать. Сама сочинила. “А-Э-И-О-У”. – Она потренькала на уке. Веки у Кона потяжелели.

– Чудесно, – вымолвил он. – Не останавливайся. Это хит. Идеально. Круть.

– А-Э-И-О-У... А-Э-И-О-У... Повторяем гласные, повторяем гласные.

И вот уж мужчина в ее постели, знакомый чужак, с которым она только что занималась любовью, уснул.

Иммигрантская песня

Эмер проснулась до рассвета и увидела, что Кон смотрит на нее, подперев голову рукой.

– Это вообще-то жутковато, – сказала она.

– Да?

– Тебе разве не надо куда ехать?

– Не особо. А тебе?

– Мне надо, у меня занятия в школе через пару часов.

– Ровно столько мне и надо.

– Ха-ха.

Он потянулся погладить ее по волосам и нащупал бугорок шрама за ухом. Эмер застенчиво отстранилась. Ее там никто никогда еще не трогал.

– Как твое писательство продвигается? – спросила она.

Кон замер.

– Писательство?

– Ага.

– С чего ты взяла, что я писатель?

Очень хороший вопрос. С чего она взяла, что он писатель? Из снов, из воспоминаний о том, что, вероятно, могло, а вероятно, и не могло произойти. Ничто из этого не тянет на показания в суде – и даже на непринужденный разговор.

– Твоя история про подземку и Ямайку была писацкой.

– Писацкой?

– Не очень-то по-писацки, с моей стороны, такое слово употреблять, да?

Кон улыбнулся, но Эмер явно его растревожила.

– Я актер, – сказал он. Эмер прыснула со смеху. Но он не шутил.

– Ты не шутишь.

– Нет.

– Ну... поразительно.

– Да?

– Конечно. В смысле, может, поэтому, наверное, ты смотришься знакомым – или кажешься знакомым.

– Я не знаменит. Когда говорю “актер”, я на самом деле имею в виду “безработный”.

– Брось хвастаться, может, я тебя где-то видела.

– Я снялся в нескольких рекламках, мелькал несколько недель во всяком мыле, еще в “Законе и порядке” был, в “Хорошей жене”¹⁵⁰ появлялся – брат сестры кузена.

– Этот сериал я смотрела!

– Правда?

– Попадался раз-другой. Кажется, они одно время у нас в доме снимали.

– Ты не помнишь знаменитого брата сестры кузена Джулианны Маргулис?¹⁵¹

– Извини. Может быть.

Он рассмеялся и отвел взгляд – огорченно, подумала она.

– Наплевать, – сказала Эмер. – Кроме того, мне всегда хотелось, чтобы мною воспользовался какой-нибудь жиголо.

¹⁵⁰ “Law and Order” (с 1990) – американская телефраншиза из нескольких взаимосвязанных сериалов, написанных американским продюсером Ричардом Энтони “Диком” Вулфом. “The Good Wife” (2009–2016) – американская юридическая теледрама.

¹⁵¹ Джулианна Луиза Маргулис (р. 1966) – американская актриса, продюсер, играла и в “Законе и порядке”, и в “Хорошей жене”.

– Я польщен?

– Буду звать тебя Серджи. Жиголо Серджи. – Она по-прежнему держалась легче воздуха, но почувствовала, что Кон опускается в мир более всамделишный, как бы она ни старалась, – словно самолет сквозь облака, заходящий на посадку. Актер?

– Но забавно, что ты заговорила о писательстве, – заметил он. – Потому что именно это я бы сказал о том, кем хотел быть в детстве. Этим я хотел заниматься, когда вырасту. Так я, вообще-то, и стал актером – решил посмотреть на писательство под другим углом, надо полагать. Но дальше... – Он, казалось, того и гляди что-то добавит – но нет. Будто выдыхал некую очень выразительную и красноречивую тишину, будто смотрел вглубь себя и не был убежден, что увиденное ему нравится.

– Что такое? – спросила Эмер. Пусть ненадолго и отвлеклась от своего любовника, она с изумлением обнаружила, до чего молниеносно уловила это простое скольжение мужчины в ненависть к себе и созвучный женский порыв вытащить мужчину из этого созерцания пупа, самоотрицающей мужской тьмы.

Кон не спешил поддаваться – как любой мужчина, привычный быть в центре внимания. Заговорил на излете долгого выдоха.

– Так или иначе. Видимо, обленился.

Вот это “так или иначе” – вранье, Эмер это знала. “Так или иначе” покрывало все, о чем, как ему казалось, он пока не готов был ей рассказывать, но придется, если они как-то продолжат знаться. “Так или иначе” – задернутый занавес.

– Я обленился или родился ленивым, и у меня кишка оказалась тонка сидеть одному в комнате и печатать. Наверное, хотелось больше веселья, и вот пожалуйста, я теперь непишущий неактер – никто.

– Тебе и впрямь пора перестать хвастаться. Некрасиво это, – сказала Эмер.

Он улыбнулся, но продолжил грустить.

– Мне уже за сорок, а я только начинаю. Еще я много озвучкой занимаюсь.

– У тебя приятный голос.

– Ты так думаешь?

Эмер встала и подставила рот под кран в ванной. Этот мужчина слишком умен для актера. Экая жалость. Мужчиной быть трудно – при всех требованиях к мирскому успеху и прочему изгнанию драконов. Плевать. Но нет, не плевать все же. Опыта с мужчинами у нее была не тонна, однако Эмер достаточно отчетливо понимала, что мужчина в определенном возрасте, еще не убивший дракона, – опасная, скорбная штука. Эмер казалось, что никак не утолить ей жажды. Она хлебала холодную воду крупными глотками, будто пыталась смыть что-то, утопить или же напоить некую глубокую, заброшенную, иссохшую нужду.

Она словно раскололась надвое, будто Кон – часть ее самой, может, мужская часть ее ума, а может, зародыш мужского – та часть, которой казалось, что она способна играть быстро и привольно с властью и присвоением; эта часть чувствовала, что способна на все, мощна достаточно, чтобы отправиться в мир и там переиначивать, лепить другие формы, как ребенок лепит из пластилина. Она вспомнила одну старую цитату из Эмерсона о не-писательстве, о неуважении к своему “гению” или чему-то в этом роде, а затем о том, как прочтешь свою историю у кого-то другого и от этого осознания почувствуешь колкий стыд и тоску¹⁵². То, что полагалось сделать тебе, совершил кто-то другой. Эмер хотелось, чтобы Кон ушел. Потому что она тоже хотела стать писательницей, когда была ребенком. Его не-писательство подогрело в ней желание писать. Она хотела, чтобы он ушел и она смогла начать.

¹⁵² Отсылка к очерку американского поэта, философа, публициста, просветителя, мыслителя Ралфа Уолдо Эмерсона “Доверие к себе” (1841).

Но хотела она и чтобы он остался. Хотела сказать ему, что в точности понимает, о чем он толкует, и что она проживает именно это же. Но затем спохватилась: на самом-то деле она ничего не знает об этом мужчине.

Бросила пить холодную воду и вернулась в постель.

– От секса пить хочешь, а? – спросил он.

– Да, – соврала она и подумала: “Первое вранье этому мужчине”.

Вспомнила газетную статью о том, как маленькая ложь открывает путь большей лжи, что такое вот привыкание – или канавка, по видению Эмер, – закладывается в амигдале, в том самом злосчастном так называемом рептильном мозге, что, когда произносится маленькая ложь, она буквально прокладывает дорожку многим другим вракам, крупнее, от грунтовок до асфальтовых шоссе и далее, до скоростных магистралей, такой вот скользкий склон криводушия.

– Мне скоро пора на работу, – сказала она, что вообще-то враньем не было, но могло бы. Она в некотором смысле хотела остаться одна.

Кон встал и сунул левую ногу в трусы. Почти в полной тьме, подсвеченной лишь косым светом из ванной, она глянула на его обмякший член, висевший эдак понуро влево, а не гордо указывающий на небеса, как накануне вечером; быстро отвела взгляд, будто пялиться на вялый член – хамство, все равно что слишком надолго уставиться на автокатастрофу: чересчур все мягкое, уязвимое. До чего же давно не видела она это так близко, так лично. Эмер подумалось, что она бы хотела вновь придать ему крепости.

Кон поднял взгляд и сказал:

– Есть что-то. Ты чего-то недоговариваешь.

Застегнул джинсы – молния, не болты. Она понимала: это, возможно, что-то значит, что-то говорит о стиле и о том, хиповый Кон или нет, пытается ли он выглядеть младше своих лет или не пытается, но вспомнить не могла, как не могла вспомнить, какой карман с банданой означал, верхний ты или нижний в гей-тусовке, или какие цвета присвоили себе Блады и Крипы¹⁵³. Все эти знаки и обозначения, которые ей были известны, но забылись и смешались, делали ее невеждой, а иногда и грозили опасностью. И каждые несколько лет позывные менялись – как те боги, как эти боги, думала она, но нет, боги-то остаются.

– Я много чего недоговариваю. Уверена, ты тоже.

– Да.

– Но мне на самом деле пора собираться. Я так никогда не поступаю. – Какой же прозаической она себе показалась. Уже заскучала по поэзии прошлого вечера.

– Мне плевать, поступаешь ты так или нет.

– Да?

– Ты таким способом уточняешь, не поступаю ли я так все время?

Эмер понадобилось переварить это. Уточняет ли она это? Возможно, однако ей так не казалось. Кон продолжил:

– Мне плевать. Даже если ты такое проделываешь постоянно, для меня это ничего не значит, я не сужу.

– То есть ты не стал бы осуждать, если бы я оказалась заматерелой подземочной блядью до мозга костей?

Он улыбнулся, ушел в ванную и оделся. Эмер услышала, как он поднимает скрипучий стульчак и напористо мочится, и подумала, до чего же странно: вряд ли этот стульчак поднимали хоть раз за все эти годы. Он выкрикнул поверх плеска мочи о воду в унитазе:

– Ты не заматерелая.

¹⁵³ Bloods (“красные”, цвет – красный), Grips (“калеки”, цвета – синий, голубой, серый) – уличные афроамериканские группировки.

И москит, и либидо

Солнце встало после ухода Кона. Эмер прибралась. Сняла с постели белье, прибралась в ванной, и ей на миг показалось, будто она замечает следы преступления. У окна в гостиной нашлось одинокое расколотое подсолнечное семечко. Эмер время от времени находила следы случайных посещений Корвуса. Впрочем, никогда не при ней. Окна она обычно держала открытыми и оставляла немного семян и винограда, и нередко еды потом оказывалось меньше. Значит, либо Эмер питалась, как лунатик, или же подкармливала гнусную популяцию крыс в доме. Но лучше все же допускать, что это Корвус втихаря навещает свое родовое гнездо.

Эмер в итоге вытащила на свет какие-то свои старые тетрадки, извлеченные из дома после материнной смерти. Принялась вновь набрасывать что-то в файле “Богизабытые”. Весь этот треп о писательстве и странные переживания, эти грёзы и видения – из-за всего этого хотелось как-то разобраться в происходящем. Это явно сквозная нить ее жизни, присутствие божественного или сверхъестественного, и Эмер желала по крайней мере запечатлеть все это для себя, если уж не добаться до связного представления о Боге и богах. Вроде бы проект невеликий, да, но разве это не задачка любого взрослого – сопоставить себя с божественным? Эмер возилась с файлом “Богизабытые”, пока не пришла пора ехать на работу.

В подземке на пути к школе она прошла несколько вагонов, пока не набрела на “Ход мысли”, какой в это прекрасное печальное утро явил ей ее же саму. Вот что она нашла:

Что, если бы днем или ночью подкрался к тебе в твое уединеннейшее одиночество некий демон и сказал бы тебе: “Эту жизнь, как ты ее теперь живешь и жил, должен будешь ты прожить еще раз и еще бесчисленное количество раз”... Разве ты не бросился бы навзничь, скрежеща зубами и проклиная говорящего так демона? Или тебе довелось однажды пережить чудовищное мгновение, когда ты ответил бы ему: “Ты – бог, и никогда не слышал я ничего более божественного!”

*Фридрих Ницше*¹⁵⁴

Прошедшая ночь как раз и оказалась таким вот “чудовищным мгновением”. Наткнется ли она сегодня на бога или демона, с которым можно было бы заключить такой пакт и вечно переживать вчерашнее заново? И хотя Эмер озиралась по сторонам, высматривая Кона, она задумывалась, действительно ли ей уже хочется видеть его. Ее жизнь не сводится к романам с посторонними в подземке. Произошедшее казалось нереальным. Ей надо поговорить с Иззи. Вот что придаст всему этому осязаемости. Рассказать другой живой душе, вывалить вовне – тогда у предмета возникнет тень, вес. А когда он покажется всамделишным, Эмер лучше поймет, что по-настоящему чувствует.

Впрочем, пока она решила закрыть глаза и выбросить все из головы. Но даже в этом насильственном действе забвения, в попытке отместить в сторону она ощутила прилив возбуждения: образ ее жизни, такой предсказуемой, способен был впитать в себя нечто настолько из ряда вон выходящее. Эмер осознала, что намокла. Но не сексуально – вернее, не только сексуально. Это ее первородная душа сочилась навстречу жизни, и лишь так тело умело с этим сонастраиваться.

Здороваться с учениками этим утром оказалось до странного непросто. Эмер казалась себе неподготовленной, как актриса, забывшая текст. Эмер думалось, что дети с их незасоренными рецепторами унюхают в ней перемену, искажение, нечто непристойное. Мнила себе, что

¹⁵⁴ Из книги Фридриха Ницше “Веселая наука” (1882), пер. К. Свасьяна.

они смотрят на нее искоса, скептически склоняют головы чуть вбок. Но нет, не может такого быть. Это я проецирую, думала она.

Ее любимый ребенок Элис Фройндлих – хотя Эмер никогда не заводила себе фаворитов – возникла рядом с ее столом во время упражнения на чтение и спросила:

– У вас все хорошо, мисс Эмер?

Эмер на миг вообразила, как выкладывает юной Элис Фройндлих пошаговый отчет о событиях прошлой ночи, но, поскольку работу терять не хотелось, не стала.

– Спасибо, Элис, – ответила она. – Наверное, я не очень выпалась.

– У меня мамочка совсем не спит, если не свалит ум.

– Это что?

– Она всегда говорит: “Мне надо вали-ум”.

Эмер кивнула.

– Иди за свою парту, милая, у меня все хорошо.

– Ладно. Вот.

Уходя, Элис вручила Эмер блестящее красное яблоко. Типичный символ подлизывания к учителю. Эмер рассмеялась от невинности этого жеста.

Но погодите-ка, уж не символически ли коварен этот ребенок? Не наследует ли это яблоко тому, что было у Адама с Евой? С древа познания? Не намекает ли дитя, что Эмер утратила невинность, что ее совратил змей? Дитя, которое не знает, что такое валиум, – или знает? Не испытание ли этот их незатейливый разговор? Способен ли ребенок осознать громоздкий символизм этого яблока?

Эмер отгрызла здоровенный кусок. Яблоко было из тех ужасных рыхлых “ред делишес”, что смотрятся как самоцветы, а на вкус – как отсыревший картон, пропитанный заветренной фруктовой вытяжкой. Не яблоко, а какая-то красная полусъедобная фигня. Какой там символ добра и зла – символ того, чем яблоко прежде бывало. Жесткое, как камень, и Эмер почувствовала, откусывая, как заелозили у нее зубы. Осознала, что не ела со вчерашнего обеда. Преодолела яблоко вплоть до огрызка, черт бы драл любой символизм и вкус.

Раздался звонок на обед, Эмер извинилась и умчала в кабинет к Иззи. Сказала, открывая дверь:

– Я тут опять на того парня наткнулась.

– Наткнулась?

– Попунктно?

– Пункты нахер.

– Я наткнулась на него в подземке вчера вечером, мы потрепались и склеили друг дружку.

Чуток.

– Вот это, я понимаю, недомолвочка.

– Я склеила почти полного незнакомца на “Эф”.

– Подумаешь.

– Вот вообще нет.

– Для тебя – да. Но одновременно и нет. Люди так делают. Это я тебе, как говорят профи, “открываю глаза на жизнь”.

– По-моему, люди так не делают.

– Нет, только зверушки. Правда? Странно было? Извращенненько?

– Да нет вроде.

– Рассказывай.

Эмер открыла рот, но наружу ничего не вышло. Наконец произнесла:

– Не знаю, как рассказывать про такое.

– Вот, показывай на Тряпичных Энн и Энди¹⁵⁵.

Иззи вручила Эмер две набивные куклы, которые держала у себя в кабинете на случай, если ребенку трудно что-то рассказывать и нужен некий посредник. Особенно действенны они оказывались, когда требовалось разобраться в физическом столкновении, где к ребенку прикасался другой ребенок – или взрослый.

– Какая же ты засранка.

– Да, но я же твоя засранка.

– Фу.

– Давай на куклах. Своими словами.

Эмер прижала лица кукол друг к дружке.

– Очень хорошо.

Иззи взяла кукол и развернула их в позу “69”.

– Такое тоже было?

– Мы ехали в поезде!

– И что?

– Люди так делают?

– Может быть, я не знаю. Надеюсь, да.

– Ну, мы доехали на поезде до конца ветки. Встали между вагонами, чтобы нас никто не видел.

Эмер не понимала, зачем она врет Иззи, причин не было никаких, Иззи уж точно не стала бы ее осуждать. Может, ту тропку вранья Эмер расчистила сегодня утром с Коном, а теперь расширяла ее до двухполосной лжи. Так или иначе, суть того, что она Иззи излагала, было правдой, но Эмер почему-то не хотела сообщать, что привела Кона в свою постель, к себе домой. Вроде как это порочнее или блядвоее? Порочнее и блядвоее, чем трахаться с парнем, стоя в поезде? Эмер поражалась себе и сдвигу собственных ориентиров, всплывавших из подсознания.

– Вот так? – Иззи поставила кукол лицом друг к другу. Эмер взяла Тряпичную Энн, а Иззи – куклу-мальчика. Тряпичный Энди сказал: – Ты... куклолка. Все получилось обалденно. Ты мне все швы порвала. Вернула Энди его тряпочку.

– Он так не разговаривает.

– А как он разговаривает?

– Не могу я так. Глупо это все.

– Ты будь им, а я буду тобой.

– Нет, не могу.

– Ладно, ладно, давай к списку по пунктам: совал ли он свое мужское в твое дамское?

– Да.

– Хорошо, я к такому не склонна, однако... – Иззи запела хорал из “Мессии” Генделя: – “Аллилуйя, Аллилуйя, Аллилуйя, Алли-и-илуйя-а-а-а...”

– Думаю, да.

– Ты думаешь? Ох, батюшки, не к добру это.

– В смысле, я думаю, мы это проделали. Нет, проделали, проделали, Иисусе, Иззи, я это сделала.

– И как оно?

– Отлично?

– Ты меня переспрашиваешь?

¹⁵⁵ Тряпичная Энн – персонаж серии детских книг, написанных и иллюстрированных американским писателем Джонни Груллом (1880–1938); куклу Тряпичную Энн создали в 1915 году, книга “Истории Тряпичной Энн” увидела свет в 1918-м, в 1920-м вышло продолжение – “Истории Тряпичного Энди”; Тряпичный Энди – тоже кукла, друг Тряпичной Энн.

– Для стоячки в поезде – поразительно, да и у меня давно не было.

– Ну, с этим делом – как с катанием на коньках или нырянием. Нужно вводить поправочный коэффициент за сложность, умножать на него и так получать настоящую сумму очков.

К ним постучали. Иззи глянула в дверное окошко, никого не увидела, решила, что это ребенок, которого пока можно отшить – пусть Эмер выгрузит все целиком.

– Да? – выкликнула она голосом взрослого, обращающегося к ребенку.

– Это Сидни, – прозвучал раздраженный ответ. – Эмер у вас?

Иззи распахнула дверь. Лицо Сидни было сумрачным. Он засек, что две взрослые женщины играют в куклы.

– Иззи, дорогая, можно нам потолковать в вашем кабинете с глазу на глаз? Мне нужно перекинуться парой слов с Эмер.

Иззи воззрилась на Эмер. Он подслушивал?

– Конечно. Но через полчаса кабинет мне понадобится.

– Столько это не займет.

Иззи вышла. Сидни закрыл за ней дверь – и заперся.

– Имеем заваруху, – произнес он.

– Какую?

– А вы не в курсе?

– Сид, давайте без этого, пожалуйста.

– Ладно. Вы заставили трех девочек съесть что-то, несколько недель назад?

Пророческое сердце Эмер не обмануло ее. Тот жест праведного гнева стал камешком, брошенным в пруд, волны пошли к берегу – и добрались до него.

– Заставила? Не уверена, что это слово применимо.

– Порекомендовали?

– Ну, может, скорее, порекомендовала.

– Блядский нахер, Эмер, я б не дергался, если бы вы макнули туда их паршивые моськи, но теперь расхлебываю ущерб – как всегда.

– Что происходит?

– Они хотят, чтобы я вас уволил.

– Кто хочет?

– Родители.

– И?

– И я сказал им, что об этом не может быть и речи. Что вы любимый учитель, учитель высшей пробы, и что этот инцидент, когда у меня выдастся случай разобраться в произошедшем как следует, будет отнесен на счет скверного дня и сочтен скверным решением, но нисколько не показатель ни вашего характера, ни вашего педагогического *модуса операнди*¹⁵⁶.

– Благодарю вас. Благодарю вас, Сидни.

– Но они алчут фунт плоти, и мне придется его и дать. Точнее, вам придется его им дать.

– Из какой части моего тела должен быть вырезан фунт плоти?

– Из вашей гордости, надо полагать. Я собираюсь устроить три отдельные встречи с тремя парами родителей, и на этих встречах вам предстоит извиниться и показательно повалиться у них в ногах, произнести трижды *меа culpa*¹⁵⁷ и спеть хвалы их гениальным деткам – и все это в лучшем вашем виде, без улыбочек.

– А иначе?

¹⁵⁶ Образ действия (лат.).

¹⁵⁷ Моя вина (лат.).

У Сидни на лице возникло страннейшее выражение – одновременно и старческое, и юношеское, и осуждающее, и игривое, как у человека, впервые созерцающего ад и думающего про себя: ну хоть не холодно.

– Ну же, Эмер, я ваш союзник в этом. Вы чертовски здорово понимаете, какое там “а иначе”. А иначе будете уволены. Пока это локальная война, но если разгорится, вы попадете в огонь, как ведьма, и уж поверьте мне, видал я города в огне от искр меньше этой, а потому будьте добры, соблюдайте осторожность.

– Слышу вас.

– Позвольте ли назначить вам эти встречи?

– Да, Сидни.

– Договорились. Они состоятся на следующей неделе. У этих родителей терпения не больше, чем у медоедов.

– Есть нам что еще обсудить?

– Есть ли?

– Что?

– Что еще обсудить?

– Не с моей стороны.

– Великолепно. Что ж, уверен, до следующего кризиса рукой подать, правда, Эмер?

И вновь его лицо приняло то же выражение. Эмер выжала из себя смешок и согласилась, хотя совсем не была уверена, с чем она соглашается или над чем смеется.

Эмили Д

Пока Корвус не устроил кавардак, вечера у Эмер были, в общем, расписаны. Дважды в неделю она занималась йогой, один вечер в будни и в воскресенье утром посещала велокласс в “Соул Сайкл”¹⁵⁸. В остальные вечера, бывало, проводила на беговой дорожке или на “Версаклаймбере” в “Эквиноксе”¹⁵⁹. В хорошую погоду выбиралась сделать круг у водохранилища. Но предпочитала спортзал. Спортзал – эдакая церковь из какой-то другой жизни. Эмер водила там поверхностные знакомства – ее знали по имени, вроде рады были видеться и не давали ей чувствовать себя в этом городе совсем уж невидимой.

Зачем она столько занимается спортом, Эмер не понимала. Вряд ли чтобы привлечь мужчину и вряд ли из-за какого-то более общего тщеславия. Эти занятия она смутно связывала со здоровьем – не хотелось давать своим старушечьим костям терять кальций, – а также с призрачной верой в медитативную силу йоги и бодрый настрой велотренировок. Такая вот мешанина упражнений ей нравилась и позволяла не ощущать себя – и не казаться извне – слишком одержимой каким-то одним физическим занятием. Она перепархивала, как колибри, от одного поветрия в здоровом образе жизни к другому – от веганства к палеодиете, от полностью обезжиренной еды к избытку жира, от райских статинов к статинам адским. Научная основа под всеми этими поветриями казалась недостоверной, временной, с ней, возможно, мухлевала Большая Фарма, и основа эта колебалась, как маятник. Поэтому Эмер застревала дольше на том, что казалось вкуснее. Сейчас она сидела на мегадозах витамина B12, который предположительно защищает стареющий мозг (в это Эмер бросилась, напугавшись, что внутри нее носятся туда-сюда и беспрестанно размножаются отцовы гены), и на проверенном кофе – жирнейшем ритуальном напитке то ли из Калифорнии, то ли с Гавайев, с добавлением в утренний отвар сливочного и кокосового жира и сливок. На вкус получалось похоже на жидкий тост с маслом. Однажды она дала отцу попробовать, и он буквально сплюнул себе на грудь, будто Эмер собралась отравить его, скривился и выдвинул как последний довод в культурной войне такие слова:

– Ради всего святого, Билл! Путь кофе будет кофе.

После того как Корвус улетел, Эмер быстро восстановила свои необременительные навязчивые привычки и “здоровые пристрастия”, которые присоединяла к более широкому подцарству “навязчивые занятия, которые никому не вредят” – к уборке, воскресному кроссворду и заботе о том, чтобы в вибраторе и карманном фонарике всегда имелись батарейки. В кладовке у Эмер непременно стояло наготове по крайней мере двадцать AA и D, подобно крошечной резервной армии, а Эмер их толком и не расходовала.

Впрочем, в последнюю неделю – с той поездки в подземке с Коном – Эмер, кажется, взялась за свои занятия с пылом больше обычного. По-прежнему не звонила Кону. Не потому что держала марку, а просто не знала, что ему сказать, как это все вписать в свою жизнь и соприять с собственным характером, не понимала, как тут продолжить.

Это напомнило Эмер о существовании, которое она видела в одном своем старом блокноте, называлось оно ганкана – ирландский фольклорный персонаж, поцелуй которого вызывает зависимость, а точнее, зависимость вызывает яд, который этот персонаж выделяет кожей. Можно сказать, он тебя мажет слизью. Опийной смолой. Когда ганкана уходит, его влюбленные жертвы маются ломками и чахнут по обществу ганканы. Некоторые даже дерутся до смерти за его любовь, которой, конечно же, не могут по-настоящему владеть. Эмер задумалась, не чувствует ли Кон чего-то подобного в ее поцелуе, ее ядах, вызывающих зависимость.

¹⁵⁸ “SoulCycle” (осн. 2006) – американско-канадская фитнес-компания со штаб-квартирой в Нью-Йорке.

¹⁵⁹ “Equinox” (осн. 1991) – международная фитнес-компания со штаб-квартирой в Нью-Йорке.

В эту субботу она собиралась пропустить йогу: Сидни назначил те самые меа-кульпавстречи с родителями. Происшествие быстро переросло в школе в небольшую шумиху, и Сид хотел разобраться с ним и скрыть как можно скорее, прежде чем оно, как снежный ком, превратится в легенду.

Эмер, вообще-то, рисковала потерять работу. Подобное поведение было для нее “несвойственно”. Ой ли? Ее работа зависела от такого вот толкования событий. Она приготовилась сидеть покаянно и глотать это горькое снадобье так же, как пришлось по ее воле девчонкам. Первая пара родителей “все поняла” и решила, что Эмер реагирует правильно, а потому встречи не потребовала. На самом деле то была не пара, а одна мама, чей муж-пожарный погиб в катастрофе 9/11. Она вышла замуж повторно и нарожала еще детей, и ее дочка Майя О’Коннор оказалась как раз той вещей сестрицей, у которой физический отклик на месиво был самым сильным. Следовательно, встреч на вечер осталось две – с родителями Эшии Водерз и Шошэнны Шварц-Силбермен, подряд.

Иногда, ища взглядом “Ход мысли”, она говорила себе: “Этот будет зна́ком. Напрямую от богов подземки, мне лично и больше никому, прямо сейчас”. Сегодня ей было немного нервно – и немного хотелось поддержки, однако вот это ее обнадежило:

Годам Разлук не разорвать,
Чтоб не стянулось вмиг...
И чар никак не разогнать,
Пусть Ведьмы рядом нет...

Тысячелетняя зола
Под тою же рукой,
Что угли знала, как Огонь,
Поймет, стряхнув покой...

Эмили Дикинсон

Дикинсон для Эмер была как та Ведьма – жутковатая и сбивающая с толку. Дикинсон сумела угнеститься в сумеречном мире между смыслом и бессмыслицей, исполненном ужаса и суровой правды, но вместе с тем сберечь суть будничного, дух жизни, лишенной событий, жизни сознательного уклониста, скрывавшегося у всех на виду в Массачусетсе, под носом у сливок общества, не готовых ее читать. Не лезьте в ящики ее стола, если кишка у вас тонковата. Дикинсон удавался простой естественный ужас, скорость и красота настоящей молнии. При жизни собственного голоса у нее как у женщины не было, а потому она запрятала свои беззвучные крики – восемьсот с лишним таких криков – в ящик стола и стала ждать, когда их услышит вечность. И вечность услышала. Услышала и Эмер.

Старая дева из Амхёрста была и предупреждением, и образцом для подражания; она тоже некоторое время верила в Бога. Дикинсон однажды сказала: “Никогда не пребывала я в таком безупречном покое и счастье, чем в то краткое время, когда мне казалось, что я обрела Спасителя”¹⁶⁰. Краткое время. В конце концов ее чувство вечного сделалось слишком большим, чтобы ограничивать его Богом с единственным именем.

Краткое время. Не то же ли самое происходит с Эмер? Вероятно, это и есть все время, какое достается нам с Богом. Почему мы хотим – как хотим невозможного от романтического возлюбленного, – чтобы оно длилось вечно? Но как раз память о том единстве со святым и не гаснет с самого детства и создает образец для всех дальнейших влюбленностей. Приди к

¹⁶⁰ Из письма Эмили Дикинсон к Эбии Рут от 31 января 1846 года.

Иисусу. И опять возник Кон и его поцелуй. Эмер увернулась от мыслей о нем, списала их на отвлекающий перестук колес.

Дикинсон, значит, была по-настоящему подпольной женщиной, подлинной Королевой Подземки, и Эмер тянулась к изяществу и истине Дикинсон – как женщина и своего, и не своего времени. “Знакомьтесь, Эмили, уроженка Амхёрста, Массачусетс. Наша майская Мисс Подземка навивает из ужаса смерти и пустоты самоцветы прозрения на прялку своей души. А еще она любит печь, ходить в белом после Дня труда¹⁶¹ и забыть”.

Спасибо тебе, ГТУ. Подземка – оракул для Эмер. Она глубоко вдохнула. Склонится, когда придет нужда, и восстанет, когда надо будет. Продолжит писать в файл “Богизабытые” и спрячет его в ящик для непубликуемого у себя на компьютерном рабочем столе. Кон был ей понуканием, был ей хлыстом – она возьмет вожжи в свои руки и напишет собственную историю, о своих богах, засевших у нее в голове, как она это видела, то ли опухолью своей, то ли призраком опухоли. Эмер вновь увидит Кона, вновь займется любовью с ним. Или нет. Опухоль вновь растет – или нет. Эмер обнаружит свои мысли о богах – или нет, и пусть грядущие поколения ищут питания в ее мертвом теле как в умственной падали – или нет. О, как приятно, думала она, но от Ведьмы при этом знала, что “за болью следует очерченное чувство”¹⁶². Это зарождается чувство формы, слово, движущееся сквозь хаос вод, оно порождает волны. Все должно было стать хорошо.

¹⁶¹ Правило моды “не носить белое после Дня труда” (первый понедельник сентября) было придумано после Гражданской войны в 1880-е годы американскими светскими дамами, чтобы отличать себя (представительниц “старых денег”) от выскочек и нуворишей.

¹⁶² Первая строка стихотворения № 372 Эмили Дикинсон.

Эффект Шварц-Силбермена

Эмер явилась к себе в класс на добрых полчаса раньше – поставить у своего стола пару стульев. Между собой и родителями хотелось сохранить расстояние и тем самым свой авторитет. В этой комнате, кроме ее места, сидений для взрослых не было. Родителям предстояло устраиваться за детскими партами. Какими бы рослыми ни были родители, Эмер окажется выше.

С этими родителями она, конечно, уже встречалась. В начале учебного года и далее на родительско-учительских встречах, спланированных посреди семестров. Но помнила Эмер мам этих детей, а не отцов. Матери были сильные, они направляли беседы о своих детях, отцы же держались в тени. Эшия Водерз – афроамериканка, ее мать, насколько помнила Эмер, была смутно связана с шоу-бизнесом, а мама Шошэнны Шварц-Силбермен работала юристом в конторе окружного прокурора.

Первыми явились Шварц-Силбермены. Как только пара вошла в кабинет, Эмер поняла, что встреча предстоит бурная. Мама Шошэнны Дебби метнула Эмер ироничную улыбочку и отказалась пожать ей руку, папа Рон же с виду едва ли не извинялся за необузданный гнев своей супруги, но вместе с тем ему словно бы полегчало – как человеку, с радостью готовому разделить груз этого гнева хотя бы на вечер. Эмер улыбнулась и сказала:

– Спасибо, что пришли. Уверена, вы оба заняты, и последнее, чего вам хотелось бы...

Дебби прервала ее:

– Последнее, чего мне хотелось бы, – обеспечивать благополучие собственного ребенка?

– Разумеется, нет, – отозвалась Эмер. – Простите, что вам так это слышалось. Я не имела в виду... Просто не сомневаюсь, что вы очень заняты...

– Это чуть ли не Средневековье.

Эмер решила просто кивать весь разговор. Слишком поспешно или слишком обильно извиняться ей тоже не хотелось, пусть Дебби по возможности сама себя утомит.

– Почти с тем же успехом можно было бы шлепнуть или стукнуть ребенка, – продолжила Дебби. – Не понимаю, чего мы вообще сидим здесь, не понимаю, почему вас в итоге не уволили. Мы явились сюда попросту из уважения к Сидни.

– Понимаю ваше беспокойство.

– Мое беспокойство? Вы напали на моего ребенка в безопасном пространстве учебного класса.

– *Нападение* – сильное слово.

– Да, нападение. Шо травмирована. Она одаренный ребенок с сильным воображением и потому своевольная, а поскольку вы не в силах с этим совладать, вы пытаетесь сломать ее?

– Никто не пытается сломать никого и ничто, миссис Шварц-Силбермен. Уверяю вас. Шошэнна интеллектуально развита, со всей сопутствующей этому энергией. Поверьте, я ценю в своих учениках пыл и стараюсь давать ему волю, насколько могу, – пока он не начинает нарушать целостность классной жизни.

– Это все произошло за обедом.

– Верно, за обедом.

– Обед обязан быть целостным?

– Оно уже какое-то время развивалось. У Шо, Эш и Майи, когда они объединяются, мощи бывает столько, что закачаешься. А в тот день они объединились – да весь год так, на самом деле. Это никак меня не извиняет. Мне не хватило ни здравомыслия, ни терпения, о чем я искренне сожалею и приношу глубочайшие извинения, и позвольте вас заверить и пообещать вам, что ни это, ни что-либо подобное никогда более не повторится.

Наконец безучастный папа, учуяв возможность отвести удар от учителя на других детей и далее, на родителей этих детей, встрял, надеясь развлечь всех разом:

– Ага, мы слышали, что Майя у них там заводила, подстрекательница.

– Прошу тебя, Рон, не сейчас.

Но Рона уже несло:

– Что же, бедный ребенок, ее отцу конец пришел при девять-одиннадцать – тот дом-то, наверное, как морг.

Жена закрыла ему рот:

– Не ее концу, не Майиному, Рон, в смысле, не отцу – блядь, – а предыдущему мужу Майиной мамы.

Рон вяло настаивал:

– Мне все равно кажется, что это обоснованное толкование.

Эмер чуть ли не попросила разрешения вставить слово.

– Если позволите – я не пытаюсь переложить груз вины ни на одну из трех девочек.

Глаза у Дебби вновь вспыхнули.

– Согласна. Не считаю, что кого-то из девочек надо винить больше остальных, – вот уж спасибо-то, Рон, – я вообще не считаю, что девочек есть за что винить. Виноваты здесь вы, взрослый человек, учитель.

– Она извинилась, Дебби.

– Если собираешься тут вставать на ее сторону, может, топал бы домой, блин, смотреть Мэддоу¹⁶³.

– Да пошла ты, Дебби.

– Сам иди, – проговорила Дебби, вперяя взгляд в Эмер. – Не пытайтесь только просчитывать у себя в голове, что раз родители Шошэнны так вот разговаривают друг с дружкой, она “выплескивает” это в школе.

Эмер, именно об этом и думая, отозвалась:

– Ничего подобного и в мыслях не имела.

Рон, задетый и униженный, встал:

– Она извинилась, Дебби, и не раз, сказала, что такого больше не повторится. Не понимаю, чего еще мы тут можем добиться. Спасибо, мисс Эмер, за ваше время. Пошли.

– Ты иди, – сказала его жена. – Иди.

Рон удалился.

И вновь Дебби Шварц-Силбермен направила всю свою ярость на Эмер – палач, ни дать ни взять. Эмер начала жалеть Шошэнну. Начала понимать эту девочку. Эта встреча оказалась на деле полезной ей как учителю, подумала Эмер. Ей удалось ощутить подспудную благодарность за все это происшествие.

– Вообразить не могу, – проговорила Дебби, собирая воедино все мыслимое липовое участие, какое возникает в зале суда, – как вы со своими-то детьми обращаетесь.

Эмер остолбенела. От вот такого нападения. Собрала волю в стальной кулак, чтобы не расплакаться, – не пострафит она этой женщине таким манером. Дебби Шварц-Силбермен слезы за сталью разглядела, и хотя этого достаточно не было – ничего тут не было бы достаточно, никаких покаяний, простираций или раскаяний, – пока сгодится вот это небольшое кровопускание, и оно спасло Эмер работу.

– У меня нет детей, – произнесла Эмер, желая отвести взгляд, но не отводя его.

Дебби сердито кивнула:

– Может, оно и к лучшему. – Засим она вышла к мужу, тот слышимо топтался и бессильно вздыхал под дверью.

¹⁶³ Рэчел Энн Мэддоу (р. 1973) – американская телеведущая и политический комментатор либерального толка.

Эмер, оставшись в безопасном одиночестве, позволила себе пролить несколько слез, стараясь не слушать, как Шварц-Силбермены цапаются, уходя вдаль по коридору.

В кабинет сунул голову Сидни. В этой встрече он не участвовал – и даже не слушал ее, но был “рядом, если надо”. Оделил Эмер широкой фальшивой улыбкой и танцевально пошаркал.

– Двоих вычеркиваем, остаются последние. Вы хорошо?

Она кивнула.

– Я здесь и не здесь, как понадобится. – Он вновь исчез.

Эмер схватила “клинекс”, всеприсутствующий и всегда под рукой в любом учебном кабинете первоклашек, высморкалась и глянула на здоровенные часы, по которым учила детей определять время. На то, чтобы собрать себя в кучу перед следующей пыткой, оставалось пять минут.

Водерз

Мать Эшии Водерз по прозвищу “Мама” происходила из Африки, но Эмер не помнила, из какой страны. Мама говорила с певучим акцентом, который казался Эмер, хоть тресни, дружелюбным. Когда Мама Водерз появилась в кабинете, она, в отличие от Дебби Шварц-Силбермен, тут же бросаться в атаку не стала. Пожала Эмер руку и даже поприветствовала ее поцелуем в щеку – и рассмеялась, пытаясь устроиться за детской партой.

– Подождем вашего мужа и тогда начнем?

– Нет.

– Как хотите начать?

– В начале...

Эмер рассмеялась:

– Я из добрых католиков, мне такое начало годится.

Мама Водерз смеяться не стала. Просто кивнула и повторила:

– Из католиков.

Эмер решила, что отчетливо разобрать настроение Мама не удастся и что между тем, как они с Мамой улыбаются и хмурятся, пролегает глубинное культурное различие. Вот как, должно быть, ощущаешь себя, если немного аутист, подумала Эмер, – не получается читать по лицам, улавливать намеки в общении. И она ринулась в разговор.

– Тогда я просто начну, если не возражаете. Эш – замечательный ребенок, умный, энергичный, как вы сами прекрасно знаете. – Если Мама Водерз и знала об этом, виду она не подала. Ее безмолвие тревожило Эмер: это гнев или вежливость? Эмер предпочла бы прямую стычку с родителями Шошэнны с Верхнего Ист-Сайда и их враждебность.

Правда же состояла в том, что крошка Эшия Водерз была у вещей сестер заводилой. Это она обычно придумывала игры для всей троицы, и ведьмовское варево в тот день в столовой предложила месить она. Девчонка ой непростая – проказница и неисправимая врунья, но при этом яркая и потешная, когда ей того хотелось. Эмер казалось, что у Эшии подходящие масштабы эго и самооценки, чтобы стать хирургом, – или, по другому сценарию будущего, актрисой в роли хирурга. Эшия была у Эмер любимицей в этой тройке, хотя хлопот с девочкой было больше всего. Две другие – как овцы. Но Эмер решила, посоветовавшись с Иззи, что обо всех троих следует говорить на этих встречах как об одной: пусть будут равно виноватыми, равно пострадавшими, и извинений им полагается поровну.

– Итак, я от души прошу меня извинить за то, как я поступила в тех обстоятельствах. Это мне не свойственно, и ваша дочь заслуживает лучшего отношения и в будущем его получит. Она вам что-нибудь обо всем этом рассказывала?

– Да. В тот день рассказала. Но дальше – нет.

– Ее это травмировало?

– Дурацкое слово. “Травма” эта. Нет, она посмеялась.

От слова “дурацкое” Эмер поморщилась. В школе XXI века оно было *verboden*¹⁶⁴. “Ебать” и “пизда” минувших эпох. Хуже не придумать оскорбления, чем “дурак”. Эмер списала это на Мамино чужедальнее происхождение – дальше Манхэттена или Бруклина.

– Это хорошо. – Хорошо ли? Эмер тут же пожалела о своих словах.

– Та дурацкая затея была Эшина? (Опять это слово.)

– Нет-нет, – соврала Эмер, – мне это неизвестно, по крайней мере.

– Слушайте, мисс Эмер, когда я была маленькой – мусульманкой в Нигерии, – меня за опоздания в школу били палкой, до рубцов на зад. Получала оплеухи за жвачку, до крови

¹⁶⁴ Запрещено (нем.).

на губах, и понимаю, что у нас разные обычаи, мы меняемся, приспосабливаемся к дому, к обстоятельствам. Например, моя фамилия Води, а не Водерз, но мне надоело проговаривать свою фамилию по буквам, надоело, что все лебезят передо мной, такой экзотичной...

Эмер задавила порыв полебезить перед ней, такой экзотичной, и порасспрашивать о ее имени и происхождении.

– Думается, мне тут сегодня вот что интересно, – продолжила миссис Води/Водерз. – Чего ж вы так долго мешкали? На каком основании вы можете утверждать, что воспитываете моего ребенка, если не всыпаете ей, когда она бедокурит?

Ух. Такой точки зрения – “ума ребенку через задние ворота вкладывают” – Эмер не ожидала. У нее было смутное чувство, что вода-то вокруг глубока – или что ее заманивают в ловушку. Решила робко сдать назад.

– Это просто не мой подход, миссис Водерз. И не политика этой школы.

– Можете звать меня Мамой.

– Хорошо, Мама. – Употреблять этот титул показалось Эмер странным, особенно к черной женщине; получалось так, будто Эмер завела припев блюзовой песни – “ну хорошо, мама”. – Может, нам все же подождать мистера Водерза?

– Он ей не отец. Ее отец в Африке. Я больше не с ее отцом. Я тут со своим парнем.

– Он с вами живет?

– Почему вы спрашиваете?

– О боже, не знаю. Простите. Меня это не касается. – Задав этот вопрос, Эмер почувствовала себя идиоткой и осознала, что пропасть между нею и Мамой ширится с каждым мигом. Нужна была третья сторона в разговоре, пусть рассудит – или переведет с языка на язык.

– Подождем его? – спросила Эмер почти умоляюще. И тут услышала шаги по коридору, стук в дверь. Это спасительный Сидни. – Открыто, – выкрикнула Эмер.

И в дверь вошел Кон.

Сперва Эмер просто решила, что это оплошность или нахальство – являться так беспардонно к ней в школу, в самое неподходящее время, не говоря уже о том, что вот так выяснять, где она работает, – почти преследование. Но вместе с тем ее взбудоражило, что он из кожи вон лезет, лишь бы найти Эмер. И она осознала, что счастлива его видеть. Все эти мысли проскочили за миллисекунду, когда пересеклись их взгляды, и Кон сказал:

– Простите, я опоздал. – И присел к Маме за парту.

Если Кона встреча и потрясла, он очень умело это скрыл. Эмер не удалось сообразить, что именно ей необходимо, чтобы преодолеть этот миг. Ставка – ее карьера, репутация учителя и женщины, сама ее натура. Всем вопросам к Кону – знал ли он? о чем вообще думал? ебанулся совсем, просто дурак или гад? – придется подождать до другого раза, если он вообще выпадет. Не это ли мешало ей позвонить ему? Они прежде уже встречались? Эмер нужно было добраться примерно до следующей минуты и не стошнить, а опасность была нешуточная. Ничего лучшего не придумалось – только представиться:

– Добрый день, мистер Водерз... Мы знакомы? Может, уже виделись ранее?

Ранее? Что она имела в виду под “ранее”? Уж не “ранее-когда-трахались”? Такое вот “ранее”? Эмер быстро глянула на Маму – проверить, не засекала ли она это “ранее”. Подумала, не позвать ли Сидни или не отпроситься ли в туалет.

Кон произнес:

– Нет. Я прежде на такие встречи не ходил. Пропустил – сколько их было? – первые две.

– Три, – поправила его Мама.

– Я не была уверена, – произнесла Эмер. – Подумала, ну вдруг. Их столько, и... – Эмер попросту не знала, как эту мысль завершить.

– И мы все выглядим одинаково? – спросила Мама. А следом, добавляя, к обалдению Эмер: – Мы все, родители.

Кон рассмеялся. Мама рассмеялась. Эмер рассмеялась. Впервые за долгое время вдохнула.

– Как к вам обращаться? – спросил Кон. Развеселившись, Эмер понятия не имела, что это означает, и заметила, что Мама от ее оторопи растерялась.

– Эмер, – ответила она, – но дети называют меня мисс Эмер.

Остаток встречи Эмер старалась не дышать заполошно и продолжала обращаться к Маме, хотя, осознав, что исключение Кона из беседы может выглядеть подозрительно, глянула на него – и сразу же опять вперила взгляд в Маму, подумав, что смотреть на Кона делается чревато. Казалось, внимание она способна удерживать не дольше мухи, которую гоняют по спальне. Выхода нет, безопасного места для посадки тоже. Эмер искала раскрытое окно.

Думать не удавалось. Время летело слишком быстро – и не двигалось вообще. Встреча тянулась вечно. Эмер поглядывала на часы и не могла определить, сколько на них. Боялась, что ее подловят на том, что она смотрит на часы на стене или у себя на руке, на телефон. Они уже наверняка сидят так часы напролет, если не целые дни. Где, бля, Сидни? Когда Эмер уже не могла придумать, что бы еще такого сказать, она просто повторяла с вариациями:

– Простите, такого больше никогда не повторится.

Наконец Мама милосердно встала и сказала:

– Спасибо, что уделили время, мисс Эмер. Больше не стоит извиняться – да и вообще, может, не стоит.

– Спасибо, – повторила Эмер, протягивая Маме руку, Мама вновь притянула ее для поцелуя в щеку, от чего Эмер стало только хуже.

Мама обратилась к Кону:

– Есть еще что-нибудь у тебя на уме?

Все было перегружено избытком смыслов. Эмер показалось, что она теряет понимание, что вообще означают слова. Что на самом деле означает “еще”? Что означает “на уме”? Чем это отличается от “на душе”, или “на сердце”, или “на совести”? Эмер ощутила, как у нее подгибаются колени. Хотелось лишь убраться домой и проспять день напролет.

– Нет. Я хорошо, – отозвался Кон. Что значит “хорошо”? Кон продолжил: – По мне, так буря в стакане воды, как ни крути.

Эмер протянула Кону руку, ощущая у самого финала, что она мгновенно поняла, как все это, надо полагать, выглядит. Жест его удивил, но затем Кон принял его, как в подземке, когда они впервые заговорили. Эмер уловила в его прикосновении трепет.

– Рада познакомиться, – соврала она.

– И я рад, мисс Эмер, – соврал он в ответ.

Жуткое дальное действие

То испытание вымотало Эмер до самых костей, но ей хотелось повидать отца и тогда уже отправляться домой. Что-то есть в невыраженной отцовской любви к ней, – любви, которая терпит и преодолевает действия чада в любом возрасте. Эмер не нужно было ни убеждать в этом, ни это показывать, а лишь посидеть с этим рядом, побыть в присутствии. Когда она добралась к отцу, тот спал. Джинь-джинь смотрела “Танцы со звездами”.

Эмер села рядом и посмотрела, как пара четвертьфиналистов выплясывает румбу. Джинь сказала:

– Нравится танец.

Эмер согласилась: было нечто обнадеживающее в повальной посредственности и ура-оптимистичности того мира. Эмер уловила, как нечто темное и сомнительное тянет ее внутрь и вниз, поджидает на другой стороне танца.

– Мы сегодня гулять долго. Ему нравится играть в “Покемон Гоу”¹⁶⁵, – сказала Джинь.

Эмер поглядела на старика – его тело вздымалось и опадало, исполняя свой танец перед смертью, попроще тех, что в телевизоре.

– Это славно, Джинь. Он молодец. Скажи ему, что я заходила, скоро загляну еще. Скажи, что я его люблю.

– Он знает, – отозвалась Джинь.

– Все равно скажи.

– Ладно, мисс.

– Скажи, что я напортачила и он меня больше любить не будет.

– Это я ему не скажу, мисс.

– Почему?

– Невозможно, – произнесла Джинь-джинь и повернулась к теням, плясавшим на экране.

Эмер решила остаться и посмотреть еще немного “Танцев со звездами”. Джинь-джинь придвинулась ближе и взяла Эмер за руку.

¹⁶⁵ “Pokémon Go” (с 2016) – бесплатная многопользовательская ролевая мобильная игра из серии “Pokémon”, разработанная и изданная компанией “Ниантик” для устройств iOS и Android. Игроки используют мобильные устройства с GPS с возможностью находить, захватывать, сражаться и тренировать виртуальных существ-покемонов, которые появляются на экране, как если бы они находились в том же реальном месте, что и игрок.

Вомбат

Наутро Сид ждал Эмер у школы, на лице – широкая непроницаемая улыбка.

– Как наша пацанская инквизиция прошла?

Эмер отхлебнула кофе из “Хлеба насущного” и ответила:

– Хорошо, кажется. Могло быть хуже, могло быть куда хуже.

– То же и я слышал.

– Хорошо. Спасибо, Сид.

– Думаю, можно отправить эту тему на покой. Заскочите ко мне в кабинет после трех, сверим записи, расставим запятые над “ё” и двоеточия над “й”.

Сид ей иногда действительно нравился, такой он бывал кайфовый. Уверенная рука. В свое время, когда Эмер была еще молодой учительницей, он чуть ли не первым делом сказал: “Когда сомневаетесь – бездействуйте. Все никогда ни так плохо, ни так хорошо, как кажется”. На афоризмы он был горазд. В среднем три из десяти его максим имело смысл запомнить.

Днем Эмер усердно ловила сигналы – любые сигналы – от вещей сестриц. Приходилось следить за собой, чтобы не перегнуть с услужливостью, пусть Эмер и порадовала детей укулеле-версией “Страхни это” Тейлор Свифт¹⁶⁶, пока вынюхивала, не осталось ли следов враждебности, обвинений или обид, особенно у взбалмошной Эшии Водерз. Как теперь обращаться с этим ребенком невозмутимо – после того, как Эмер переспала с ее отцом? Ладно, не отцом – с актером, который играл роль ее отца.

Иисусе блядь Христе, что я наделала? Ребенок в курсе? Они же всегда всё знают, ну? Нет, не знают. Это все миф о безупречном ребенке, чьи “рецепторы не испорчены”, или какая-нибудь похожая нью-эйджевская чушь, возносящая ребенка до бога. Ребенок – не бог. Сколько там до конца учебного года, когда бог перейдет в следующий класс? Месяц? Терпимо. Месяц – это терпимо. И тогда та кошмарная ошибка умрет и будет навеки похоронена в прошлом.

Нет, Эшия ни о чем не знала и сегодня от души развлекалась словом “вомбат”. Решила, что “вомбат” – это сегодня ответ на любой вопрос. Дважды три? Вомбат. Бенджамин Франклин открыл? Вомбатов. Камень, ножницы, бумага, вомбат. Нисколько не раздражаясь этому бунту на последнем издыхании, Эмер радовалась, что задора у Эшии по-прежнему хватает. И конечно, вскоре другие две девочки тоже отвечали “вомбат” на любой вопрос. Да блин, Эмер пришлось признать, что слово и впрямь забавное.

Лесной пожар разгорелся, и к концу дня весь класс охватила вомбатная лихорадка. Ответ на любой вопрос, чье угодно имя, ключ к любой мифологии – вомбат. Оливковая ветвь перемирия: Эмер в конце уроков, втихаря погуглив “вомбат”, объявила:

– Последняя загадка дня: как называется коротколапое, мускулистое четвероногое сумчатое родом из Австралии? – К ее восторгу, класс растерялся. Слишком уж очевидно. – Вот вам еще подсказка. Нужно догадаться, пока не прозвенел звонок. Они какают кубиками! – Взрыв хохота, веселое отвращение к чуду кубических какашек. Эмер уперлась взглядом прямо в Эшию Водерз: – Эш, есть соображения, о каком звере я говорю? – Эшия покачала головой – впервые за весь день помалкивала. Вот же засранка маленькая. – Ну же, звонок сейчас прозвонит.

Эшия сдалась без улыбки, поверженная, подчиненная, не радостная:

¹⁶⁶ Тейлор Элисон Свифт (р. 1989) – американская кантри-поп-исполнительница, автор песен, актриса. “Shake It Off” (2014) – композиция из ее пятого альбома “1989”.

– Вомбат. – Вздохнула, а затем объявила, давая Эмер понять, что не прогнется она, Эшия, ни под кого: – Фу-у-у, у них квадратные дырки в попе! – Это произвело фурор. Эмер срежиссировала мгновение единства. Воссоединилась со своим врагом и добилась мига преображения.

Эмер собрала вещи и отправилась в кабинет к Сиду. Стоял прекрасный весенний день, и Эмер надеялась, что встреча будет краткой и удастся вернуться в город, прогуляться по парку и подумать. Может, позвонить Иззи.

Когда она вошла, Сид был за столом. Поднявшись со стула, он остался той же высоты.

– Ну, на Западном фронте без перемен, – произнес он, жестом приглашая Эмер сесть. – Приятно поболтал с Мамой Водерз и кошмарными Шварц-Силберменами. Вы в курсе, что эти священные стены наблюдают уже третьего Шварц-Силбермена – как наблюдают они многие-многие неусвоенные трапезы? На количество детей в этой стране нужно наложить ограничения. Как в Китае. Ему приходится ее трахать, лишь бы заткнулась.

– Иисусе, Сидни.

– Что?

– Я вас люблю.

– Как бы то ни было. Думаю, нам вновь удалось уклониться от говнопули.

– Слава богу.

– Если угодно. Но тут скорее моя заслуга, а не божья.

– Слава вам, Сидни.

Сидни захлопнул дверь в кабинет.

– Как оно сегодня?

– Гладко. Хорошо. Как ни в чем не бывало.

– Ну так ни в чем и не бывало.

– Не совсем. Я напортачила, Сид. Не следовало бы.

– Может, и так, а может, и нет.

– Мне виднее.

– Нам всем виднее, Эмер, но мы же люди – большинство, по крайней мере, – и мы порем херню, выходим из берегов, творим всякое. Как нам понять, каков наш характер, если не выходить за его пределы и не оглядывать его со стороны время от времени?

– Это, в общем, мило.

– А может, даже и правда. Желаете, приведу примеры, как я вел себя “нехарактерно”? Преимущественно в 1970-е, имейте в виду.

– Нет, спасибо.

– Хороший ответ. Давайте соблюдать границы, верно? Приберегу для мемуаров. Предварительно названных “Больше путан, чем сутан”¹⁶⁷.

– И как это вы не в тюрьме?

Сидни частенько бывал пошлым, но не настолько же. Будто пытался зачистить психическое пространство в этом кабинете. Эмер ощутила в этом условие безопасности. Сидни продолжил:

– Ну, нет вреда – нет кары. Думаю, все обошлось. Уверенным быть не могу. Эти дела, они как зомби, лежат себе дремлют, мертвые, а в один прекрасный день Джордж Ромеро опять в городе.

– “Ночь живых мертвецов”?

– Точно. – Сидни направился к двери, собираясь завершить встречу, но Эмер, воодушевленная “исповедью” Сидни, почувствовала, что тоже имеет право исповедаться.

– Есть еще кое-что, – проговорила она.

– М?.. – откликнулся Сидни и вернулся за стол.

¹⁶⁷ Отсылка к роману Сэмюэла Беккета “Больше лает, чем кусает” (1934), пер. А. Панасьева.

- Это ужасно.
- Что-то с вашим отцом?
- Нет-нет-нет... кое-что неожиданное, немыслимое... У меня в голове не уместится, как я в этом положении оказалась.
- Меня это касается, Эмер? Мне можно не сообщать, если не хочется.
- Это вас касается, к сожалению, да.
- Тогда, значит, лучше все выложить.
- Вы вне школы меня не знаете, но я скучная. У меня постоянного парня не было много лет. Моя жизнь – здесь, в школе, и еще с отцом, и все.
- Так.
- Последние пару месяцев в поезде на работу я стала замечать мужчину, и у меня к нему возникло эдакое сильное притяжение – связь.
- Ничего, если я себе выпить налью?
- Пожалуйста.
- А вам?
- Может, через минутку. Дайте мне рассказать только.
- Вперед. – Он налил себе стаканчик “Бушмилз”.
- Так вот, однажды поздно вечером я была в Чайна-тауне.
- Что вы делали в Чайна-тауне?
- Неважно. В общем, появился он. И мы болтали, и целовались, и больше того.
- Вроде приятная история.
- Нет, не приятная.
- Нет?
- Можно мне теперь выпить? – попросила она. Сидни вручил ей стакан. – Так вот, вчера вечером посреди встречи – второй встречи...
 - С Водерзами.
 - Да, отец опоздал – и вот он входит...
- Эмер подвесила эту реплику. Поначалу Сидни ждал окончания фразы с видом довольно невыразительного предвкушения. А затем до него вдруг дошло, и рот его медленно открылся.
- Нет.
- Да.
- Нет.
- Это был он.
- Ебать-колотить.
- Ага.
- Эмер!
- Этого больше не повторится.
- Вы не знали?
- Нет!
- Вы раньше не встречались?
- Я почти уверена, что нет.
- Почти уверены?
- Если встречались, я этого не помнила. В этом уверена.
- Бля.
- Ага.
- Он знал?
- Не знаю. Вряд ли.
- Она знает?
- Вряд ли. Нет.

- Бля, бля, бля. Никто не знает?
- Нет – насколько мне известно.
- Бля, бля, бля.

Сидни потер рот ладонью, будто пытаюсь вылепить остальные слова – как скульптор из бесформенной глины. Покачал головой. Несколько раз вскинул брови, вроде собираясь заговорить, но не мог. Наконец вымолвил:

- Это. Ситуация.
- Да. Что мне надо делать?
- А что вам надо делать?
- Прошу вас, помогите мне.
- Вам нельзя больше видеться.
- Нет? В смысле – нет!

– Нет! Теперь это как жить при вулкане. Неизвестно, когда он рванет, – если рванет вообще. Или как при бомбе – при вулкане или бомбе.

- А разница в чем?
- Вулкан в руке Божьей. Бомба же создана и заложена человеком.
- Думаете, это было подстроено?
- Понятия не имею.
- С какой целью?
- Без понятия. Возможно, с целью, о которой мы пока не знаем.
- Как мне ужасно.

– Понимаю вас в этом, Эмер, и то, как вы мне рассказываете эту историю, – если вы невинны, какой себя изображаете и во что я верю, – тогда это все божественное совпадение. И я вам верю. Верю и благодарю вас, что пришли ко мне.

- Спасибо.
- Хотите совет?
- Прошу вас.

Сидни миг-другой выбирал выражения.

– Думаю, не стоит будить лихо. Уверен, этот парень не станет спешить к жене с признаниями в своих интрижках.

- Не к жене, судя по всему.
- Да неважно. Семантика это все. С признаниями в интрижках с училкой ребенка.
- Она ему не биологическая дочь.
- Эмер.
- Простите.
- Может, пронесет.
- Меня?

– Если же говно все-таки попадет на вентилятор, Эмер, мне придется умыть руки. Я буду отрицать сам факт этого разговора. Буду врать – и назову лгуньей вас, в лицо. Вы меня не узнаете... и люди поверят мне, а не вам.

- Понимаю.
- Еще кто-нибудь знает? Иззи?
- Иззи знает. Конечно. Она знает, что у меня было с парнем, но не знает, кто этот парень.
- Ну, рекомендую вам больше ничего Иззи не говорить – не говорить ей, что вы об этом шмуке узнали. И Иззи нельзя знать, что я в курсе. О чем бы то ни было. С этим все ясно? Я вас обеих уволю, но сам не уйду.

- Понятно.
- Не звоните этому человеку. Не устраивайте встреч с ним, даже чтобы сказать, что все кончено.

– А если он сам попытается выйти со мной на связь?

– Вы взрослая девочка. Никаких связей. Катайтесь на такси. На “Убере”. Полный разрыв. Никаких, блядь, связей. Не бывать такому наследию у меня. Я не за этим вложил почти полвека крови, пота и слез в эту школу, чтобы какой-то дурацкий перепихон стал моим наследием.

Это уело. Этим оно и было – перепихоном? Эмер не нравилось так думать, не нравилось представлять себя таким манером, но она решила не препираться. Посидели молча.

Эмер заплакала. Громадными, тяжелыми, горячими слезами. Сидни предложил ей носовой платок. Эмер ощутила такую благодарность за это – за утраченное искусство носового платка, – что расплакалась еще сильнее. Началось все с плача по сложившемуся положению, но вскоре переросло в плач по всему на свете. По всему, что было и чего не было. Сидни осознал это и не пытался ее утешить. Плач был слишком всеохватным, вкратце не исповедуешь. Сидни устроился в кресле и ждал, когда буря уляжется. Через несколько минут дыхание Эмер начало успокаиваться.

– Порядок теперь? – спросил Сид.

Эмер глубоко вздохнула и закусила нижнюю губу, как ее ученицы.

– Порядок – уж насколько пока получается.

– Да? Давайте тогда план “Б”.

– Что? Какой план “Б”? – переспросила она сквозь слезы.

– План “Б” обеспечит жизнь плану “А”.

– И что же это?

Сидни поразмыслил, возведя очи горе.

– Плана “Б” нет. План “Б” – пытаться выдержать план “А” и надеяться, что ближайший месяц с чем-то пройдет без всяких событий, как постмодернистский роман.

– Не очень-то утешает.

– В том-то и дело. Ну ладненько – а ну булыгу двигать? – Сидни произнес это так, будто сперва ей залудил, а теперь бодрил.

– А ну булыгу двигать, – отозвалась она и кивнула, но не двинулась с места. – Так все же теперь-то что?

– Теперь, – ответил Сидни со вздохом, – ждем.

– Чего? – спросила Эмер, возвращая Сидни мокрый платок.

– Будем надеяться, ничего.

Ослики, живем дальше

Образ катастрофы, который Сидни посеял у Эмер в мыслях, образ вулкана или взрывчатки, отчего-то пустил корни и расцвел. С тех пор каждый школьный день Эмер бдела сверх всякой меры, словно пес в аэропорту, натасканный на бомбы, настроенный на запахи и звуки, людям не слышные: тиканье часов, рокот подземки неподалеку, топот целого класса маленьких ножек по лестнице – все они вестники природной или рукотворной катастрофы, какая того и гляди обрушится Эмер на голову. Сидни попросил, пока не “заполыхало”, больше эту тему в разговоре не поднимать. Через несколько дней Эмер отправила Сидни СМС с вопросом, как у него дела, он в ответном СМС сказал, что Эмер не следует писать ему СМС, что он слишком стар, “как Хиллари”¹⁶⁸, и не знает, как выбрасывать в мусор всякое электронное.

Эмер разделяла его беспомощную паранойю перед “облаком” и подумала, что Сидни рассуждает разумно, а потому написала: “Если окей, живем дальше” – и отправила, лишь потом углядев, что автокорректор заменил формулировку на более красочную, хоть и менее внятную: “Ослики, живем дальше”. Сидни не ответил. Очевидно, он не возражал, чтобы ослики жили дальше, и на том их с Эмер переписка замерла.

Сидни запретил ей делиться происшедшим с кем бы то ни было, особенно с Иззи, ближайшей подружкой на всей планете. Это еще больше обособило Эмер в ее мире паранойяльного восприятия и обострило чуткость к намекам и интригам, и всамделишным, и вымышленным. Она чувствовала, как мыслительные процессы у нее в мозгу мотают из стороны в сторону, от рационального к интуитивному, от логики к суеверию, – ум собирал закономерности и подтексты, как человек, напрочь заблудившийся на вечерней прогулке по незнакомому лесу, стал бы, пока садится солнце и холодает воздух, сберечь воду. На всякий случай. Коварство и заговоры мерещились Эмер повсюду.

Конечно, Иззи заметила, что с Эмер что-то “не то”, и пристала с расспросами. Но Эмер удалось эмоционально отстраниться и в целом избегать Иззи в школе, прятаться почти от всех ее звонков и СМС. Когда Иззи наконец приперла ее к стенке и Эмер была на грани того, чтобы разболтать лучшей подруге правду, Иззи бросила ей фальшивый спасательный круг – предположила, что, может, Эмер встречается с тем загадочным мужчиной. Эмер благодарно вцепилась в эту подсказку и признала, что отношения продолжились, но мужчина оказался женатым, и как раз по этой причине Эмер последнее время таится, явно презирает себя больше обычного и держится неестественно.

Добрая Иззи пофыркала от мысли, что Эмер взяла на себя ответственность за адюльтер, и сказала ей, что это пусть муж с женой разбираются, а Эмер тут сама себе хозяйка. Пожурила подружку за то, что та вредит “сестре”, но больше радовалась, что Эмер наконец, после стольких лет, влюбилась в парня. Эмер полегчало, но все равно тяготило, что приходится выдумывать для Иззи новости о своих отношениях. От этого чувство обособленности и раздвоенности только усилилось. Эмер решила, что в конце концов – через месяц с чем-то – она скажет Иззи, что они с тем мужчиной расстались, и на том все. Чувствовала себя актрисой в спектакле, забывшей свои реплики и импровизировавшей “в образе” – с надеждой, что аудитория не подловит ее, а там уж и текст вспомнится.

Через несколько недель на “Убере”, “Лифте” и прочих такси Эмер начала сокрушаться о потраченных суммах, а потому одним поздневесенним утром подалась обратно в подземку.

¹⁶⁸ Отсылка к высказываниям губернатора штата Мэриленд Мартина О’Мэлли, выдвигавшего свою кандидатуру от Демократической партии на президентских выборах 2016 года; в своих выступлениях недвусмысленно намекал на возраст Хиллари Клинтон и на необходимость омоложения политических сил в США.

И впрямь соскучилась по этим поездкам на работу, по людной укромности, громкой тишине – и “Ходу мысли”.

И действительно: неделя поездок в метро в школу и из школы слегка расслабила Эмер. Вроде как все будет тип-топ, бомба не рванет, вулкан не извергнется – тут не Помпеи, Кон не возникнет. Один раз она заметила в метро мужчину, похожего на Кона по очертаниям, и ее удивил собственный отклик. Вслед за первой волной перепуганного адреналина Эмер ощутила вторую волну – надежды, игривого, головокружительного предвкушения, благодаря которому она осознала, что по-настоящему желает от этого мужчины большего. Может, объяснения? А потому продолжила кататься в подземке, внушая себе, что все кончено, и надеялась, едва признаваясь в этом, что, возможно, нет.

В те недели она проводила много времени с отцом, который, по сообщениям Джинь, глубоко увлекся “Покемон Гоу”. Когда Эмер задалась вслух вопросом, не опасно ли это для отца, Джинь-джинь заметила, что так он “хотя бы из дома выходит. В этом здании покемонов нет”. Эмер ходила с ним и с Джинь на охоту, отец – в инвалидном кресле, в руке телефон, словно счетчик Гейгера.

В молодости и на пенсии Джим любил удить и даже уезжал в глубинку штата время от времени – снимал с приятелями хижину в Кэтскиллах. Эмер усматривала в “Покемоне” эволюцию этой рыбалки или даже ловли крупной рыбы, по-хемингуэевски, и мачизма предыдущего века: эти неведомые новые боги и создания с их особыми именами, наклонностями и грозными силами очень походили на неведомый мир под поверхностью воды. А потому Эмер подписалась на все подряд из мира “Покемон Гоу”, решив изучить в нем все ходы, чтобы со знанием дела и увлеченно общаться со своим стариком, на остаток дня отпустила Джинь с работы и выкатила отца в Центральный парк на большую охоту.

Оказавшись в парке, отец произнес: “Алиса”, и Эмер покатила его к скульптуре. Он попросил дочь возить его кругами, словно искал что-то – расселину, отверстие. Показал на землю, и Эмер увидела что-то похожее на визитную карточку. Подобрала. На карточке значилось: “Компания Иди Спроси Алису / Центральный парк Западвосток, 23”. Такого адреса в городской сетке не было – чепуха, а не адрес, в самом-то деле, такие бывают только в “Алисе в Стране чудес”. Эмер догадалась, что это наверняка из какой-нибудь игры или общественного движения, о котором она не знала, и уже собралась выбросить карточку, но тут отец произнес:

– Оставь себе. – А затем добавил: – Водохранилище.

Эмер покатила коляску на север по Верховой тропе и остановилась там, где открывался вид на струю фонтана. Отец попробовал выбраться из кресла, двинуться к фонтану, однако сил не хватило. Он как верующий в Лурде, подумала Эмер, вспоминая омоложение той ночи – как в “Коконе”¹⁶⁹ или в ее сне, она толком не понимала. Просил ли он о помощи или показывал ей свою грёзу?

– Думаешь, тут рыба водится, папуль? – спросила она. Джим кивнул: ага, еще как. Эмер от этой его счастливой уверенности рассмеялась. – Акулы? – Джим покачал головой – нет, так же без сомнений. – Акул не боишься, значит, а, папуль?

– Нет.

– Нет, кто угодно, только не мой папуля. Мой папуля ничего не боится.

Он покачал головой в знак сумрачного подтверждения, а затем, невозмутимо:

– Твою мать.

И оба расхохотались – и немножко поплакали.

– Хочешь поплавать, папуль? – спросила она. Он вскинул взгляд, в глазах слезы, и кивнул. Она поразмыслила, что тут можно предпринять. Забросить отца через забор – так он там утонет, а она остаток дней своих проживет непонятой, как отцеубийца и пария. Он смотрел

¹⁶⁹ “Cocoon” (1985) – американский фантастический фильм, реж. Рон Хауард.

за забор, на сверкавший жидкий овал, словно на хранилище своих утраченных надежд и жизненной силы. Эмер задумалась, мучительно ли это – быть так близко от средства против утрат. Да наверняка.

Крутанула коляску, чтобы отец не смотрел на воду, и направилась к дому.

– В другой день, – сказала она.

Он вывернул шею так, чтобы встретиться с ней взглядом.

– Дашь слово? – спросил он по-детски.

– Даю, – отозвалась она, уже и не понимая, что теперь значат ее обещания.

Любовь – дурман¹⁷⁰

Пару раз той весной Эмер видела, как Кон забирает дочку Мама из школы. Разок встретила с ним взглядами как можно скрытнее, хотя ощущалось это по-мультяшному заметно, покачала головой и одними губами выговорила “нет”. Кон так же скрытно и смиренно кивнул, словно бы себе самому, опустил взгляд, и на том – всё. Эмер это призрачное общение ободрило, и, вновь увидев в главном вестибюле школы Кона, ждавшего Эшию, она взяла девочку за руку и двинулась к нему. Сейчас она выведет все это на другой уровень – перешагнет все произошедшее, сотрет, нормализует это гадкое положение. Ей показалось, что стати в ней достаточно, чтобы держать сейчас голову высоко. Эмер с девочкой приближались, Кон оторопело раскинул руки, и вид у него был такой, будто его сейчас арестуют за преступление, которого он, похоже, не совершал.

- Познакомь нас с твоим отцом, Эш.
- Он мне не отец. Мой отец в Африке. Это Кон.
- Приятно познакомиться, Кон.
- Вы уже знакомы вообще-то.

Вот оно и пошло наперекосяк. Зачем она попросила познакомить ее с человеком, которого уже видела? И с которым трахалась. Кон вновь взял ее руку, пожал. У него это хорошо получалось.

- На встречах учителей с родителями. Да, ты права. Рад вас видеть, мисс Эмер.

Его прикосновение действовало на Эмер по-прежнему сильно, как прикосновение той отразимой сущности – ганканы. Что за чертовщина? Эмер чувствовала себя так, будто ей вливают морфий. В горле стояла сахарная сладость, в дверь черного хода сознания стучали грёзы. Что это за человек? Что этот человек ей? Эмер выдернула руку слишком быстро, слишком резко.

– Странные вы какие-то, – справедливо заметила Эшия. – Пошли. Я есть хочу. – И девочка направила на улицу.

– Приятно было повидаться, – промямлил Кон и шагнул в сторону, словно отступая, но все еще давая возможность пригласить его остаться. Слов Эмер не нашла. Рядом с этим человеком ей одновременно кружило голову и было похмельно – он был и напитком, и завтрашним утром. Она смотрела на свою руку, будто это место некоего проникновения, где только что была игла.

Он произнес:

- Давай поговорим, пожалуйста, где-нибудь не здесь. Мне надо объяснить.
- Нет.
- Ладно.

А затем она почему-то сказала:

- Ты легко сдаешься.

Не успел Кон ответить на эти неожиданные и непрощенные чары Эмер, из-за кого-то из гораздо более высоких взрослых возник Сидни – как горизонтальный черт из табакерки. Эмер буквально подскочила.

- Сидни!
- Здравсьте. Здравсьте.
- Вы знакомы с отцом Эшии Водерз – Коном? У вас фамилия не Водерз, верно? – Слишком многословно.
- Нет, Удал. Кон Удал.

¹⁷⁰ “Love Is the Drug” (1975) – песня из пятого альбома британской рок-группы “Roxy Music”.

– Вы знакомы с нашим директором Сидни Кротти?

– Да, конечно-конечно, – сказал Сидни, но руки почему-то не подал. Миг они постояли в треугольном молчании, пока Кон не произнес:

– Мне пора. – И сделал еще один шаг назад. Безобидно и невыразительно помахал рукой, а затем, поскольку никто его не остановил, ушел.

Понаблюдав, как Кон исчезает из виду, Сидни, словно бездарный чревовещатель, зашипел уголком рта:

– Что за черт вот это все?

– Ничего. Ничего. Ничего такого.

– Из ничего не выйдет ничего, дорогуша. Так объяснись¹⁷¹.

– Что?

– Это Бард. Позже разберетесь. Вы открываете пресловутую банку с пауками. Едрить вас, Эмер, не будьте душой.

Третьеклассник подслушал конец этого разговора и возопил:

– Мистер Кротти только что сказал “дура”!

Напоследок одарив Эмер еще одним адским взглядом, Сидни в притворном гневе схватил мальчишку за шкуру и быстро свел к пустяку инцидент употребления самого неоднозначного слова XXI века. Пока Сидни чехвостила мальчишку, Эмер отвернулась, на секунду закрыла глаза и беззвучно сказала про себя: “Вот это, должно быть, и есть судьба”.

¹⁷¹ Парафраз реплики из трагедии Уильяма Шекспира “Король Лир”, акт I, сцена 1, пер. Б. Пастернака.

Поезд души¹⁷²

Прошло несколько тихих дней, но Эмер теперь наполовину ждала, а наполовину страшилась встречи с Коном в подземке. Знала, что зря она расчесывает эту болячку, трет лампу, открывает ящик. Держала для Кона место своим вариантом мужской растопырки – женской нараспашкой. Эмер оказалась в авангарде этого пока еще широко не признанного явления. А потому почти совсем не удивилась, когда на Пятидесятой улице возник Кон и встал над ней. Сомкнула колени, он сел рядом. Эмер обнародовала вердикт:

– У тебя три остановки, говори.

– погоди, дай я включу себе телесуфлера, чтобы с текста не сбиваться.

– Смешно. Трата времени, но смешно. – Она почувствовала себя в некоей роли – что-то вроде лихого лучшего друга. И в этой роли она себе нравилась.

– Ладно. Мы никогда не встречались. Никогда. Я не знал, кто ты.

– Верю. От этого не легче.

– Чуток легче все же.

– Это делает нашу ошибку нравственно оправданной, чего о текущем моменте я сказать не могу совсем.

– Мы с Мамой не женаты. Когда-то встречались. Вместе не были года три.

– Херня.

– Не херня.

Поезд остановился на Шестьдесят шестой улице, люди выбрались вон, стало тише.

– Но вы с ней живете?

– Да, мы с ней живем. Но как отдельные... сущности. Она спит в одной комнате, я в другой.

Эмер хотелось в это верить. Но проще было бы, если бы Кон нес херню. Эмер пока не понимала.

– Чего вы тогда вместе?

– Это долгая история.

– Какая жалость, впереди всего две остановки.

– Слишком это сложно, чтобы сейчас рассказывать.

– А ты попробуй.

– Она очень состоятельная, деньги – из ее семьи, это семья очень старомодных африканцев. Но я им, в общем, нравлюсь. Я им нравлюсь с ней. Она боится, что деньги уйдут, если уйду я.

– Эти деньги ты тоже тратишь?

– Да, как-то так.

– Очаровательно.

– Эмер, я просил меня отпустить. Я привел все доводы, но она не позволяет.

– “Не позволяет”?

– Она из очень влиятельного клана. Клянусь, это не бред. Оно так ощущается.

– Как бы то ни было. Ты утверждаешь, у вас “уговор”.

– Что-то в этом роде.

– “Что-то в этом роде” означает, что есть один уговор для тебя и другой – для нее?

– Нет. Мы в режиме “кто во что горазд”.

– Тебе такой режим нравится?

¹⁷² “Soul Train” (1971–2006) – американская музыкальная телепередача, в основном посвященная ритм-н-блюзу, соулу и хип-хопу.

- Это режим, в котором я нахожусь.
- Ты, значит, пассивный, жертва непильных обстоятельств?
- Мне нравится считать себя не пассивным, мне нравится считать это все запутанным.
- Есть разница между “нравится считать” и просто “считать”?
- Мне нравится так считать. – Он улыбнулся, довольный собой.

Станция “Семьдесят девятая улица” возникла, и ее проехали. Они сидели молча, двери открылись и закрылись на “Восемьдесят шестой улице”, а это означало, что сегодня вечером Эмер своего отца не навестит. Каждый предпринятый шаг, каждый миг отсрочки она понимала, куда катится, но сказала себе, что способна остановиться в любую минуту, что у нее всегда будет возможность сорвать аварийный тормоз. Ничего дурного она не сделала. Они ничего дурного не сделали. Он милый парень. Она милая девушка. Эмер потянулась к его руке.

– Господи, – произнесла она.

– Что?

– Когда я к тебе прикасаюсь. Оно вот так. Как наркотик.

– Ты прямо как моя ирландская бабушка.

– Гадость какая.

– Не в этом смысле – она мне когда-то говорила, что я красавчик, сама знаешь этих бабушек, она говорила, что я из ганкан.

– Я вообще-то знаю, кто это.

– Да? И кто?

– Поцелуй меня.

Он поцеловал. Она ощутила, как дурман втекает в нее через их общую с Коном слюну. На следующей станции ей выходить.

– Почему я? – спросила она его напрямик. – Из всех женщин Нью-Йорка, из всех женщин в подземке ты выбираешь тридцативосьмилетнюю учительницу начальных классов. Это скверный телесценарий.

– Ну, я снимался в “Больнице”. В арке на три эпизода.

– Чтоб я больше этого не слышала.

– Может, ты себя не видишь так, как тебя вижу я.

– Да?

– Может, ты – моя ганкана.

– Мы – ганканы друг для дружки?

– Конечно. Очень похоже на то, что в народе называется химией. Химия в квадрате.

Просто.

– Оно не так устроено. Не бывает женщин ганкан.

– Почему? А как же суккубы или Лилит? Я слышал о таких. Мы разве сами не можем правила выдумывать?

– Нет, – ответила она. – Слишком много есть причин, почему это ужасная мысль, и надземная херня под названием “приличное общество” – лишь начало списка этих причин. Моя жизнь... видала я такие грёзы и в сделки вступала... и к тому же я в опасности.

– Мы все заключали паршивые сделки. Жизнь трудна.

– Ты не понимаешь. На некотором глубинном уровне нравственности, воли Божьей – или воли богов, – мне нельзя с тобой видеться. Конкретно с тобой.

– По-моему, ты драматизируешь. Самую малость. – Он улыбнулся.

– Пощупай мне голову. – Эмер взяла его руку и провела пальцами по шраму, где когда-то ей удалили опухоль. – У меня была опухоль.

– Бедная.

– Нет, тсс. Не надо. Давным-давно у меня была опухоль, от нее случались видения, теперь все в порядке, но я по-прежнему ведьма, у меня все еще случаются грёзы от этой призрачной опухоли – призрачные грёзы. И я не чокнутая.

– Я так и не думаю.

– Ты не просто так это говоришь? Может, тебе хочется сойти с этого поезда, прежде чем мы докатимся до Психтауна?

– Нет, вряд ли.

– Так, значит, мои видения – видения ли они, или действительность, или грёзы – для тебя не значимы?

– Может, и значимы.

– Может, и значимы, тут ты прав, ладно. Но эти видения показывают мир, – мир, в котором есть правила, и эти правила гласят, что свои правила так вот запросто придумывать нельзя. Иначе тут-то общество и рушится, разверзается ад и воцаряется хаос.

– Коты и псы живут бок о бок?¹⁷³

– Что?

– Билл Мюррей? “Тутси”?¹⁷⁴ Теряюсь.

Она почувствовала, что должна выдать ему тайну. Он заслужил – или же она заслужила произнести это вслух, сказать ему.

– Кажется, ты поэт и только начинаешь это понимать, – произнес он.

– Спасибо.

– Может, нам удастся посотрудничать.

Эмер уже пресытилась этим трепом, но ей вместе с тем казалось, что она даже не пригубила сладость этого знакомого чужака. Расправила плечи.

– Ага, а давай-ка пойдём домой да посотрудничаем, – произнесла она, – сейчас же.

Она все еще могла сорвать аварийный тормоз. Конечно же, могла.

¹⁷³ Отсылка к реплике Питера Венкмана, персонажа американской фантастической комедии “Охотники за привидениями” (1984), сыгранного Биллом Мюрреем.

¹⁷⁴ “Tootsie” (1982) – американская кинокомедия с Дастином Хоффманом и Биллом Мюрреем в главных ролях.

Знакомьтесь – ганкана

Чудное дело с этими консержами в доме, они в некотором смысле становятся тебе суррогатными родителями, но без соответствующей власти. Сплошное порицание и никакой силы. Как греческий хор без слов. Об их суждениях и мнении оставалось только догадываться, как Эмер способна была догадаться, что Папа осуждает ее напропалую, когда они с Коном прошли мимо навстречу своим вечерним уладам. Пытаясь показать Папе, что стыдиться ей нечего и незачем проскакивать, вжав голову в плечи, Эмер остановилась, чтобы, как обычно, стукнуться с консержем кулаками. Он послушно и уныло потрафил Эмер, но, опять-таки, у него работа такая.

В лифте Кон поцеловал ее. Хотя Эмер знала, что в лифтовой кабине установлена видеокамера и транслирует она консержу на вахту и еще бог знает куда. На середине поцелуя Эмер открыла глаза и посмотрела в объектив: чхать она хотела на любые власти, настоящие и вымышленные, на любого, кто попробовал бы забрать у нее то, чего она в кои-то веки отчетливо хотела. Отвалите, глаза любопытного мира.

Они остановились поцеловаться в коридоре, еще не добравшись до двери Эмер. Хер вам, соседи, если вы собрались вынести мусор. Никто не собрался. Эмер и Кон целовались, пока Эмер совала ключ в дверь, до того, как она его повернула. Нахер, кхм, вас, все остальные. Оказавшись внутри, Кон развернул ее спиной к входной двери и прижался к Эмер. Она чувствовала, до чего сильно у Кона встал. Хотела его в себе как можно скорее, потому что не желала застрять в том, дурно это все или нет. Она вообще не желала думать, хотела просто делать, быть. Позже поразмышляет. Остановила поцелуй, прижала палец к его губам, чтобы их угомонить, схватила Кона за руку и повела в спальню.

Лосось мудрости

Эмер проснулась в одиночестве. Приподнялась на локте, прислушалась, в квартире ли все еще Кон. Тишина. Видимо, вернулся домой к Маме. Такова действительность. Уже действительность – на ходу подметки срезает с грёзы. Подумалось, что вот так выглядит монтаж в старых фильмах той эпохи, когда не все можно было показать на экране. Пара целуется, закрывается дверь, поезд влетает в тоннель, затемнение, встает солнце, девушка просыпается, мужчины уже нет, ее добродетель навеки поругана. Лучшие фрагменты происходят за кулисами, зато свежи на экране сознания Эмер.

Она отправилась к холодильнику – добыть себе мороженое *apre`s*¹⁷⁵ секса. О да, она теперь “один сплошной декаданс”. В холодильнике нашелся кусок лососины, и Эмер – вот же ответственная девочка – закинулась белком перед десертом. Открыла на компьютере “Боги-забытые” и принялась писать о случившемся. Ну или собиралась. Пальцы зажали своей жизнью, и Эмер лишь наблюдала, как они печатают, из некоей точки у себя над головой, позволяя вольным ассоциациям порхать; сумасбродные слова появлялись на экране, словно это речевая гелиевая лампа. И так – до глубокой ночи, пока Эмер не вывел из транса вороный грай.

Эмер развернулась к подоконнику и увидела Корвуса; он что-то держал в клюве. Черная птица выронила это что-то и улетела. Эмер подошла к окну и в лунном свете разглядела то ли мышонка (крысенка?!), то ли бельчонка, окровавленного, крошечного, жутко израненного, – он возился, безнадежно искалеченный: голова свернута, шея надломана. Эмер подобрала несчастное создание, малюсенькое сердце колотилось о хрупкие ребра в чуть ли не прозрачной груди. Бельчонок, теперь уж Эмер разглядела. Чудесное творение в миниатюре.

Не выживет. Мучается. Эмер знала, что это благодарственный привет от Корвуса, но привет мерзкий и печальный, к тому же Эмер волей-неволей сочла его дурным знаком. Припомнила свои изыскания о значении белок и воронов, но от полнокровного сострадания к умирающему “шушшеству” (так ее отец называл бы этого зверька – на ирландский манер) у нее заперло и ассоциативную, и всякую прочую память.

Собралась было взять зверюшку в ладони, сгонять в туалет и смыть ее там в унитаз, но медлила добавлять к краткому пребыванию этого бедолаги на планете еще и утопление. Может, просто выбросить в окно? А если не погибнет и продолжит страдать еще пуще? Эмер извинилась перед новорожденным – его черты были одновременно и необычайно просты, и утонченны, если приглядеться. Ну и лапка, ну и глазок. Розоватые глазки едва открыты, а вскоре закроются навсегда. Эмер поцеловала эту крошечную окровавленную мордочку, уложила разбитое тельце на пол, надела на правую ногу кед и раздавила череп зверька подошвой, кровь из мозга брызнула по дереву зловещей каллиграфией, и Эмер воскликнула сквозь стиснутые зубы:

– Прости-прости-прости!

Подобрала тушку, уверилась, что зверек мертв, и лишь затем смыла его в унитаз. Вытерла оставшееся на полу пятно. Отправилась обратно в столовый уголок, села и истерически зарыдала.

Как долго проплакала, она не знала, но тут в дверь постучали. 2:45 пополуночи. Она машинально выкрикнула: “Кон?” – и пошла открывать, да только, как уже случилось однажды то ли во сне у нее, то ли в другой жизни, за дверью обнаружился крошка консьерж.

¹⁷⁵ После (*фр.*).

Опять на кону

Эмер померещилось, что это Сидни в хэллоуинском костюме консьержа, а День всех святых был не один месяц назад. Она рассмеялась.

– Вы что тут делаете, Сидни?

Сидни удовольствия не выказал. А затем Эмер вспомнила их с Коном вечер и понадеялась от всей души, что Сидни ничего не известно.

– Не Сидни, – произнес Сидни.

– Не Сидни – что?

– В квартиру пригласишь?

– Заходите.

– Таковские правила, – сказал он.

Эмер последовала за ним в гостиную, нервно проверяя взглядом, не осталось ли каких следов Кона.

– Чего это вы нарядились?

– Уговор был другой.

– Вы о чем?

Он повернулся и сурово глянул на Эмер. Этот взгляд ее глубоко встревожил.

– Хватит называть меня Сидни, – сказал он. – Я Сид.

– Не понимаю.

– Прекрасно ты все понимаешь. Просто сейчас слишком нервничаешь и не сознаешь.

– Нет, я действительно не понимаю.

– Вспомни условия сделки – и вспомни, кто я такой.

– Сидни, это уже не смешно.

– Я Сид.

Он возвысил голос – для такого маленького человека угрожающей силы в нем было с избытком. Эмер привиделся некий супермячик из сверхтугой резины, способный опасно, невозможно высоко подпрыгивать. Как этот коротышка. Эмер ужаснулась.

“Условия сделки”, – повторила она про себя растерянно, вцепившись в эту фразу. Как бы ни было все смутно у нее в уме, как бы ни метались размытые силуэты воспоминаний и грёз, соперничая в выразительности за внимание Эмер, ясно было одно: Сидни как-то узнал, что она виделась с Коном.

А почему бы и нет? Это город миллионов. С чего они взяли вообще, что можно вот так расслаживаться за болтовней в людной подземке? Всего-то и нужна одна маленькая незадача: родственник, родитель, друг, приятель приятеля опознает ее или его – и через три минуты, спасибо смартфонам, любой пользователь твиттера и инстаграма в Афганистане, Австралии, Закопинсберге, штат Айдахо, и даже на Стейтен-Айленде знает о падшей школьной учительнице и родителе младшекласницы.

Вместе с тем она подумала и другое: может, следует держать лицо, пока я не узнаю наверняка, что ему известно. Держать лицо Эмер умела никудашно, однако решила, что терять ей нечего, а так можно выиграть время. Она небрежно тряхнула волосами.

– Чего это вы нарядились консьержем?

– Потому что я консьерж. В некотором роде.

– В некотором роде? – Повторять за ним, нащупывать почву – может, он не знает.

– Да, я не даю всякому-разному перебраться с одной стороны на другую и наоборот.

– Похоже на консьержа. – Эмер выдала паршивенький липовый смешок.

– Иисусе Христе! – взорвался он. – Он был здесь. Я его чую, смесь ваших химий. Твоего ганкану. Вам с ним нельзя вступать в связь, таков был уговор.

Застукали. Лучше каяться.

– Сидни... Я не знаю, что сказать. Увидела Кона в подземке, мы разговорились, и он пришел ко мне. Кон ее не любит – кем бы она ему ни приходилась, – у них это все без любви.

– Избавь меня от людских подробностей. Как ты думаешь, не древнепохуй ли мне твой анализ “отношений” в стиле “Космополитен”? – Слово “отношения” он произнес, как дезинсектор произносит слово “паразиты”.

– Не понимаю, чего вы орете.

– Ты мне херню втюхиваешь!

– Можете уволить меня – или я сама уйду. Лучше сама. Вообще-то лучше остаться, но если вам кажется, что для собственной безопасности меня надо уволить, – валяйте. Это не что-то из ряда вон выходящее. Бывает. Случается херня. Люди влюбляются в сложных обстоятельствах. Большинство песен – об этом.

Такую вот систему доводов она не готовила, однако с удовольствием наблюдала, как эти доводы возникают прямо у нее на устах. За вычетом “большинства песен об этом” – вот это, конечно, жалко. И Сидни за это слабое звено схватился.

– “Большинство песен – об этом”? Иисусе, как же пить хочется.

– Я вам принесу воды.

Он презрительно рассмеялся.

– Я про другую жажду.

– О. Виски? – Ей вспомнились образы из сна, и она услышала свои же слова: “Ирландский виски?”

Сидни в знак согласия приложил палец к носу.

Наливая Сидни, Эмер тоже крепко приложилась к бутылке. Сидни вдохнул налитое и протянул стакан повторно. Эмер наполнила его.

– Между первой и второй, – сказал он и закинулся вторым стаканом.

Теперь все начало вспоминаться Эмер – но неполно и путано. Она ощущала себя одновременно и собой, и не собой – в точности так же, как Сид, утверждавший, что он не Сидни.

– Ладно, – проговорил коротышка, – теперь можно дышать. И думать. Ну что, деваха, тебе карточку на днях не вручали?

– Карточку?

– Да, типа визитной.

– Нет. Не знаю. Кажется, нет.

– Можно я гляну тебе в сумочку?

– Разумеется. Мне нечего скрывать.

– Прошу тебя, не произноси такого – это скучно.

Эмер подтолкнула к нему по столу сумочку. Сидни порылся в ней. Угостился жвачкой. Изучил губную помаду, вроде бы не одобрил цвет, а затем, как и говорил, извлек визитную карточку. Ту самую, которую Эмер подобрала в Центральном парке у скульптуры Алисы, гуляя с отцом. Совершенно о ней забыла. Карточка с невозможным адресом.

– Вот она, – сказал Сидни.

– Как вы узнали?

– Давай наложим мораторий на вопросы типа “Как вы узнали?”. Скажем, ответ таков: потому что я Бан Ши, вот как. Ладно?

– Допустим.

– Хватит допускать, начинай знать наверняка, – сказал Сид. – Идем. Давай за мной.

Центральный парк Западвосток, 23

– Не так прытко, Великанша, – проговорил Сид, спеша по коридору ее дома, пытаясь не отставать от размашистых шагов Эмер. У выхода из подъезда Сид выкрикнул: – А вот и Папа Легба! – Завидев Сида, Папа просиял. Эмер впервые на своей памяти видела, как этот человек улыбается. – Единственный и неповторимый гаитянский король. – Сид поклонился.

– Ирландский королевич, – отозвался Папа и ответил на поклон – консьерж консьержу. “Что за чепуха вообще?” – подумала Эмер.

Пока они шли к парку, Сид вытащил телефон.

– Позволь ввести тебя в курс дел, – сказал он. – Некоторое время назад мы с тобой заключили пакт, условия которого таковы: этот король, этот ганкана, Кухулин, выживет, но не сможет узнать тебя, а тебе следует держаться от него подальше. Знаки попадались тебе на каждом шагу, но ты их упускала или списывала на грёзы. Это не грёза, Женщина-Каланча, а если бы таковой была, ты сейчас в нее просыпаешься.

Они вошли в парк и направились на юго-восток. Сид продолжал:

– Всё. Птица, твой отец, оргия стариков в водохранилище – вот это было немножко неопратно, прости, – сновидения... Какой же бестолочью надо быть?

Он все это время следил за ней? Взломал ее компьютер?

– Какой же нерушимой должна быть вера в то, что ты считаешь настоящим, прежде чем увидишь, как оно есть в самом деле: всего лишь возможный вариант – и вариант блеклый к тому же. – Он протянул ей телефон. – Жми на “плей”. Глянь-ка. Может, вспомнится побольше.

Эмер нажала на “плей” и посмотрела, как Кон и Мама Водерз идут рука об руку и целуются где-то под дождем – вроде бы на какой-то улице в Сохо.

– Когда это было?

– Ошибочный вопрос.

– Хочется знать.

– Сегодня.

Эмер не удалось поверить, что Кон ей сегодня врал. Не хотелось верить.

– Невозможно. Мы были с ним сегодня вместе.

– Ага!

– Черт.

– Он ее любит. Врал тебе.

– Не верю. Эти снимки когда были сделаны?

– Вчера.

– Нет. Это херня.

– Завтра.

– Что?

– Вчера, сегодня, завтра, сейчас. Все разом. Говорил же – это ошибочный вопрос. Смотри дальше.

Эмер уставилась на экран, и то, что там происходило, разыгрывалось, как в кино, и даже обустроено было как кино – живенькое фортепиано, старомодная музыка романтических комедий, переходящая в более сумрачный синт-хоррор: любовники идут по улице, и тут на них налетает автомобиль, сбивает Кона и швыряет его в замедленном движении, как каскадера, по дуге пятнадцать футов над землей.

– Иисусе! Что это было? Что произошло?

– Это произойдет, если вы продолжите видеться и нарушать сделку.

– Вы больной, Сид.

Они стояли рядом с Алисой. Сид достал визитную карточку.

– Значит, то, что вы мне показали, – спросила Эмер, – может произойти?

– Уже произошло. – Эмер попыталась уяснить это и разобраться, как математическое доказательство, но ей не удалось. – Происходило. Произойдет.

– Белиберда какая-то.

– Оно произошло и не-произошло, произойдет и не-произойдет снова. Это происходит и не-происходит прямо сейчас. Пока ты не положишь этому конец. Пока не прервешь вечное возвращение.

– Как? Как это сделать?

В парке действительно слышались сверчки, и они вдруг разом прекратили чирикать, словно им велел умолкнуть некий вселенский дирижер. До чего же чудесно и печально это – оказаться выброшенным на зеленый пятачок, окруженный асфальтовым рвом.

– Просвещайся. Просвещайся заново. Знай богов, что возникли прежде твоего ума.

– Чего вы попросту не скажете, вместо того чтобы загадками сыпать?

– Я тебе говорю, Гаргантюана, ты просто не слушаешь сновидческими ушами. Не слишком ли это просто – выдать тебе ответ напрямиком? Да и выйдет он нелепым. Детская фантазия о взрослой жизни. Ебанные люди, вы – племя прикованных ко времени дураков, все-то вам выложи словами. Немудрено, что ты – как ваш старшой, душитель профсоюзов Иегова.

Болтовня Сида и вновь запевшие сверчки слились воедино и окатили Эмер словно ревом океана. Не собирала она сейчас рационально все в одну кучу – скорее, казалось, что одна действительность налагается на другую, словно одна часть ее мозга свернулась в другой или мир грёз лег слоем поверх так называемого действительного и получился некий цельный гибрид. И, как это бывает, когда левое и правое полушария мозга свертываются вместе, у Эмер пошла кругом голова.

– Не уверен, что ты относишься серьезно к тому, что я говорю, – сказал Сид.

– Отношусь. Стараюсь.

– Правда? Одно то, что я забавен, не означает, что я не смертоносен.

Он вытянул руку, как сокольник, подзывающий птицу. Эмер ощутила, как у нее за головой что-то мощно содрогнулось, волосы ей сдуло на сторону. Крупная черная птица изящно опустилась Сиду на плечо.

– О боже! Корвус?

Птица прошла по руке Сида до кисти и устроилась там, как ручной попугай. Сид протянул ей Корвуса, приговаривая:

– Птица в руке, как в том крылатом выражении. Ибо мы с тобой теперь в краю крылатых выражений.

Корвус осторожно перековылял с руки Сида к Эмер. Она ощутила мгновенную глубинную связь с этим существом, а через него – со всеми живыми тварями. Ощутила, как сдавливает ей грудь. Корвус потянулся холодным крепким клювом к ее губам.

– Я скучала по тебе, – произнесла Эмер. Сид предоставил их друг другу ненадолго, а затем протянул руку и принял птицу обратно. Корвус, словно дрессированный зверек, ступил с руки Эмер на руку Сиду.

– Прекрасное дело ты сделала. Спасла это шушество.

Эмер прослезилась.

– Но против природы, против общего уговора. Он был слаб и должен был умереть.

Птица глянула на Сида и с любопытством склонила голову набок, будто говоря: “Ой ли, братец?” Сид кивнул. Корвус надул грудь и встал в полный рост, повернув голову к Эмер, а затем продолжил ее поворачивать, пока голова не обвела полный круг – как у Линды Блэр¹⁷⁶ –

¹⁷⁶ Линда Дениз Блэр (р. 1959) – американская актриса кино и телевидения; речь идет о ее наиболее известной роли одержимой девочки Риган Макнил в фильме ужасов “Изгоняющий дьявола” (1973).

и не сломала собственную шею. От этого звука Эмер чуть не вырвало. Птица пала с руки Сиды на землю – неподвижная, как черный камень, мертвая.

– Корвус! – Эмер опустилась на колени, подобрала птицу. Но дух ее уже отлетел. – Что вы наделали? Что вы наделали?

Но Сид уже отступил. Теперь он стоял на четвереньках возле скульптуры и сверялся с карточкой в руке.

– Ладно, ладно, верю, – закричала Эмер. – Уважаю вас. Что бы вы там ни хотели. Просто перестаньте убивать. – Она двинулась к Сиде на ватных ногах.

– Вот и пришли, – сказал он и с усилием потянул за что-то в земле – за дверную ручку.

Крышка поддалась. Из-под земли рванулся яркий свет, невероятно, выстрелил вверх столпом, как в дни памяти 9/11 в центре города. Эмер тоже опустилась на землю. Попробовала взглянуть, но свет жег глаза, и она отвела взгляд – и увидела в ночном небе десятки замерших лун.

– Иди сюда, ко мне, – сказал Сид.

– Сюда – куда?

– В горнило творения.

– В горнило творения чего?

– Именно.

– Очередная загадка.

– Очередная оговорка. Ты должна перевести то, что видишь, и поделиться этим с миром – из своих, человеческих рук, из ума, прикованного ко времени, прикованного к земле Смертянина.

– Я не мастер таких процессов, я не создатель систем. Я просто учительница.

– Станешь в некотором роде рекламным агентом. Визионером. Или покойницей.

– А если откажусь?

– Ты уже в игре, Смертянка. Выбора у тебя нет – только подыгрывать.

– Хочу выйти из игры.

– Твоими хочухами мы тут и оказались.

– Мне страшно.

– И, черт бы драл, так и надо. Ты тут с богами и чудищами бодаешься.

– Вы не Сидни, да?

– И да и нет. Нет и да. Говорил же, я консьерж, бываю на этой стороне, а бываю и на той.

Устал я от твоей нерешительной болтовни. Прошу входить.

Сид толкнул ее вперед и вниз, в свет. Она увидела тени, какие, должно быть, видел в своей пещере Платон пару тысяч лет назад, но в полном цвете – то, что видел Джон Леннон, когда умерла его мать, что Леонардо узрел, когда познакомился с Лизой Герардини.

Силуэты то оказывались в фокусе, то выпадали из него, словно мир, вращающийся на своей дневной оси, сам был поворотом линзы у нее в глазу, ее душа – кинокамера. Эмер медленно падала лицом вниз сквозь тяжелое жидкое пространство и чувствовала, как движутся ее пальцы, словно пытаясь схватиться за ускользающую кромку – или выписывая что-то в воздухе.

Мир Пуп-лички

Эмер проснулась, лежа головой на клавиатуре компьютера. Был день; судя по углу падения света – утро позади. Сколько времени писала или сколько проспала, она не помнила, но клавиши оставили квадратные вмятинки на ее горячем, блестящем лбу. Ее лихорадило. Эмер глянула в нижний угол компьютерного экрана и увидела, что слов в файле под названием “Богизабытые” больше 55 тысяч. Невозможно, подумала она, бредятина какая-то, небось, но файл все же сохранила.

Завтра выпускной, поэтому сегодня Эмер в школу ехать не надо, что и к лучшему. Ей нужно было поговорить с Коном, увидаться с ним, прежде чем они столкнутся на церемонии. Эмер набрала его номер – впервые с тех пор, как позвонила ему и бросила трубку. Они договорились встретиться в главной публичной библиотеке на Сорок второй улице. Эмер не вполне понимала, почему именно там, но это место казалось по сути своей нейтральным, публичным и вместе с тем сокровенным, тихим, утонченным и безопасным.

Эмер все детство ходила в Нью-Йоркскую публичную библиотеку и даже научилась любить это нелепое слово – Публичка, Пуп-личка. Получалось уместно, поскольку все мы питались от пуповины этого знания. И Эмер обожала главное здание с каменными львами на страже и книги – их обилие. Это дворец, выстроенный для книг, когда тех считали знатью, подобный развалинам религии, которая давно умерла, – религии письменного слова. Эмер там отчего-то было так же защищенно, как в церкви. “Святылище, – как шепелявил Чарлз Лоутон, Горбун из Нотр-Дам¹⁷⁷, – святылище”.

Эмер вошла в главный вестибюль и отправилась искать давно не переиздававшуюся книгу, которую помнила по своим детским годам бунта против Бога, не позволявшего ей любить его так, как ей нравится. “Книга фей и демонов Старого Света” – так она называлась, и выносить ее из библиотеки не разрешали. Эмер полистала ее в уголке и увидела там много такого, от чего она замирала, изумляясь и внезапно узнавая. Они все были тут – Бан Ши, ганкана, Папа Легба, Царь драконов и пройдоха Ананси, богиня-паучиха, и много кто еще. Страницу за страницей Эмер фотографировала книгу на телефон.

Кон появился через несколько минут. Они приветственно расцеловались. Эмер ощутила кончик его языка у себя на губе, потянулась к этому вкусу и аромату. Ганкана. Он повернул старую книгу обложкой вверх, разглядеть.

– Это что за херня чокнутая?

– Это чокнутая херня, именно так. Должна рассказать тебе кое-что, и покажется оно, возможно, чокнутой метафорой, но уверяю тебя, я не чокнутая и не говорю метафорами. Я в своем уме и выражаюсь буквально.

– Понятия не имею, о чем ты, но ладно, выкладывай.

Она рассказала ему, что смогла вспомнить о первом сне – о Сидни и Сиде, об Ананси, о видеозаписи гибели Кона, о сделке и о том, соблюдена она или нет, о Ницше и вечном возвращении, о своих точках соприкосновения с иммигрантской историей этой страны, выписанной здесь, в Нью-Йорке, в миниатюре, о доставщиках и о мадам, что отводит любовниц, о параллельных вселенных и новой физике, подтверждающей сущностное единство материи, – об этом она толком не знала ничего, но улавливала чутьем из своего дробного личного опыта. Кон сидел и слушал – лицо каменное, как показалось Эмер. Ее искренность отменяла любые шутки. Наконец она умолкла, выдохнувшись минут за двадцать.

¹⁷⁷ Чарлз Лоутон (1899–1962) – английский и американский актер и режиссер; сыграл Квазимодо в американской экранизации романа “Собор Парижской богоматери” (“Горбун из Нотр-Дам”, 1939).

Кон, по-актерски умело отмерив время, выждал положенное количество ударов пульса, после чего произнес:

– Что ж... у нас еще будет секс или как?

Эмер не ответила.

Кон слышимо выдохнул.

– Ты серьезно?

– Ага.

– Ну, я запутался.

– Это путано.

– Нет, не в этом всем, – сказал он, небрежно махнув рукой на исполинский том сказок и фольклорных божеств.

– А в чем тогда?

– В этой... Слово не подберу... фантазии?

– Это не фантазия.

– Тогда это, бля, я не знаю. В смысле, если ты больше не хочешь меня видеть, я понимаю, но вот это все очень странно.

– Думаешь, я не хочу тебя видеть?

– Эмер, ты только что рассказала мне несуразную байку о феях и пауках, суть которой сводится к тому, что моя жизнь окажется в опасности, если я продолжу с тобой видеться.

– Я это не выдумала.

– О, раз тут лежит этот комикс, ты это не выдумала. – Он сердито отпихнул книгу.

Эмер помолчала – попробовала поставить себя на место Кона. Реагировал он разумно – возможно, куда разумнее того, что она ему рассказала. Ей, само собой, стало сиротливо, опять одиноко.

– Как еще можно объяснить наши чувства? – спросила она. – Этот пыл, ощущение, что все это с нами не впервые?

– Не знаю, но есть тысяча объяснений, к которым я бы прибег прежде этого.

– Например?

– Например, любовь, например, судьба, например, мы подходим друг другу, например, ты – шоколад на моем арахисовом масле¹⁷⁸. Не знаю. Я не поэт. Но вот это не буквально. Любовь велика, а мы малы. Любовь больше нас, и чтобы как-то ее объять, мы выдумываем сказки. Не начинай верить в придуманные сказки, чтобы объяснить то, чему объяснения нет. Есть такая штука – таинство.

Эмер понимала, что делиться своим безумием было глупо. Надо было просто выложить отцу – его ум способен принять эту красивую чепуху. В точности так же, как Кон подходил ей, она Кону не подходила. Теперь-то она это видела. И все же не сдалась. Чуть ли не извне услышала, как продолжает настаивать:

– Но, может...

– Что?

– Ты слышал о планетах-призраках?

– Еще и планеты-призраки? Иисусе, во тебя мотает.

– Какова нравственная причина любых поступков? Мое удовольствие? Или же просто неточный расчет того, каково величайшее благо для большинства людей?¹⁷⁹ Или же есть нечто незыблемое под названием “правильно”?

– Черт бы драг, я не догоняю. Вечно я беру на себя в библиотеках слишком много.

¹⁷⁸ Отсылка к рекламному ролику американского десерта “Арахисовые корзиночки Риз” (с 1928; арахисовое масло в шоколаде, отлитое в формочку, похожую на кекс).

¹⁷⁹ Отсылка к принципу полезности у английского философа, юриста, социолога, основателя политического либерализма Иеремии (Джереми) Бентама (1748–1832).

Но Эмер вновь набирала обороты.

– По-моему, нравственность – она как Земля, одинокая планета в холодном космосе. А на нас влияет то, что мы видим и считаем, что знаем, – планеты на нашей орбите, действующие на нас этической силой тяжести, и так далее.

Кон возразил, пытаясь вернуть разговор обратно на землю.

– Попробуй быть чуточку односложнее – я актер. – Эмер грустно улыбнулась этому привычному самоуничижению, тому, как он вечно себя недооценивает, Кон же продолжил: – Ты, кажется, расстроена из-за какого-то, что ли, религиозного понятия о себе как о, в кавычках, прелюбодейке.

– Нет. Не совсем. Но меня тревожит неизвестное и незримое.

– Планеты-призраки ума? – предположил он осторожно, как участник викторины, не уверенный в ответе.

– Именно. Что, если мы используем Бога – или богов, или прошлые жизни, или жизни будущие, или рай с адом – как духовную темную материю, всякое такое, чего не увидишь и не докажешь, всякие нравственные планеты-призраки, чье существование мы допускаем или выдумываем и которые придают форму нашей нравственности, влияют на нее? И выбираем поступать так, словно это все не всамделишное, на свой духовный риск?

– Давай я попробую разобраться. Итак, значит, мы лепим себе нравственную жизнь в этой жизни из чего придется, а эта жизнь – единственное, что мы способны увидеть и потрогать, о чем можем знать наверняка? – спросил он, словно утратил веру в то, что произносит, посреди фразы.

– Что-то в этом духе.

Он примолк. Эмер видела, что он натужно дышит.

– Если ты просто больше не хочешь со мной видеться, так и скажи. Найди порох на это.

– Если б я знала, что хочу сказать, думаешь, я не сказала бы напрямик?

– Я уже не знаю.

– Зато я знаю – просто слов не могу найти. Но что-то мне подсказывает, ни ты ни я – не те, кем могли бы быть.

– В смысле?

– В смысле – ты актер.

– Вот не надо теперь.

– Нет, а что, если ты в этой жизни не шагнул за рамки, потому что тебе сделали уютно, твой ум убаюкали? А что, если ты на самом деле переодетый король, забывший свою истинную природу?

– Прямо Дисней какой-то, – небрежно бросил он.

– Мне, скорее, видятся лотофаги.

– Эй, это, бля, планета-призрак из программы по литературе для старших классов.

– Да ты злишься! Но да. И это знание ты помнишь откуда-то, но, может, ты – спящий Улисс, а может, и я тоже, и может, проснуться нам удастся, только отвергнув эту любовь, выбрав работу без изъяна. Ты полагаешься на свою красоту и обаяние – и на доброту женщин, сначала Мамину, а теперь хочешь положиться на мою.

Эмер заметила, что его это уязвило.

– То есть ты это делаешь ради меня? Твое нежелание видеть меня больше – ради моего же блага, глупого ебаного актеришки? То есть ты уходишь, я ухожу от Мамы, и тогда – и только тогда – я научусь писать стоя и быть мужчиной без помощи и любви женщин?

– Может, и так. Я на самом деле не знаю, все слишком смутно.

Возник ощутимый сдвиг. Кон встал, отряхивая с груди нечто незримое.

– Слушай, Эмер, нам повезло.

– В каком смысле?

– Мы поразвлекались, как, возможно, не стоило бы, и нас не поймали, пронесло.

– Нас поймали.

– Нас не поймали, и теперь ты, наверное, права. Надо просто выйти отсюда, захоронить трупы как можно глубже и понадеяться на лучшее.

– Ты этого хочешь?

– Этого хочешь ты, господи боже мой!

Он произнес это слишком громко для библиотеки. Публика обратила на них злые взгляды.

– Не надо мне рассказывать, чего я хочу, – проговорила Эмер, – и не надо вкладывать слова мне в рот. Мне кажется, я пытаюсь помочь нам обоим.

– По-моему, мне твоя помощь не нужна. По-моему, я в своих взрослых штанишках. Давай забудем, что все это вообще случилось.

– Не получится.

– Поглядим.

Не поцеловав ее на прощанье, Кон ушел.

Увидел – скажи¹⁸⁰

Эмер посидела некоторое время, не в силах сдвинуться с места. Осталась одна. Но среди книг ей было не так одиноко. Можно было бы остаться в библиотеке насовсем, вполне счастливо погребенной. Эмер решила, к своему удивлению, стащить эту старую книгу – ну нахер, короче, далеко ли завела ее игра по правилам? Она была вне себя от бешенства и желала выместить возмущение, пусть хоть в воздух, – украдет она эту книгу. В предвкушении библиотечного воровства сердце у Эмер забилося.

Она поискала взглядом свой рюкзак, чтобы спрятать туда добычу. Рюкзака не было. Лежал же прямо у ее ног. Эмер оглядела зал, вспомнила весь путь от входа в здание. Ничего. Там был ее кошелек, водительские права, удостоверение личности, проездной, всё. Даже телефон. Вот так незадача. Эмер сунула древнюю книгу под рубашку и заправила рубашку за пояс. Вид у нее сделался как у беременной.

Едва ли не паникуя, она вышла из Публички, не вызвав никаких подозрений, и приготовилась одиноко идти домой, но тут заметила на крышке мусорного бака знакомую сумку. Пospешила к ней – вот он, легендарный и устрашающий рюкзак, оставленный без присмотра, посреди Манхэттена. Выглядел он очень похожим на рюкзак Эмер – да нет, точно таким же, но вдруг кто-то подложил туда бомбу? Или споры сибирской язвы? Или плутоний? Или какой там нынче зарин-дю-жур у террористов? Рюкзак пробыл вне ее поля зрения больше часа. Сколько нужно времени, чтобы подложить бомбу? Насколько она тяжелая? Какого цвета плутоний? Как выглядит сибирская язва? Эмер понятия не имела. Нам кажется, будто мы готовы к современности, а на самом деле нет. Эмер почти безвылазно торчала в школе – совершеннейший ребенок в громадном, злом, настоящем мире.

Подобрала рюкзак. Тяжелый, подумала она, вдруг тяжелее, чем был, когда она его собирала утром. Медленно расстегнула молнию, заглянула внутрь. Испугалась. Однозначно ее рюкзак. Кошелек и проездной, телефон – все по-прежнему на месте. Эмер огляделась, не смотрит ли кто, и переложила книгу из-под рубашки в рюкзак, закинула его на плечи и, чтобы стравить адреналин и разочарование, припустила прочь из центра города, надеясь не взорваться по дороге.

Оказавшись дома, она положила беглый рюкзак на кровать и осторожно покопалась в нем тщательнее, пытаясь понять, с чего это он стал тяжелее. Рюкзак у нее из тех, что для серьезных пеших туристов, из клуба “Лесбиянки-походницы”, Иззи подарила несколько лет назад; на рюкзаке тысяча молний и чуть ли не десятки потайных отсеков и карманов. Эмер заглянула во все и ничего не нашла – кроме одной вроде бы странновато пухлой стенки.

Принесла нож из кухни и взрезала рюкзак, подкладку. Показалась фотокарточка, сделанная на “полароид”, затем еще одна. Три стопки примерно по сорок старомодных “полароидов”, каждая тщательно упакована, словно пачка наличных или наркотики, спрятаны под подкладкой ее рюкзака. Это уже странно, однако еще страннее оказались отношения, запечатленные на этих снимках. В одной стопке были фотографии Эмер и Кона, но ни единого такого эпизода Эмер припомнить не могла. Вроде бы отсняты в каком-то давнишнем отпуске, некоторые – даже в квартире у Эмер, но у нее при этом никаких воспоминаний. Все эпизоды на карточках чудесны. Такое вот попури из лучших песен группы, которой никогда не существовало.

Одна стопка была целиком отснята на ярмарке, где суешь голову в картонную диораму и кто-то из балаганщиков за пару баксов снимает тебя как Неистового Билла Хикока и Энни Оукли¹⁸¹ или как Антония и Клеопатру. Эмер перебрала эти потешные фотокарточки: Кон

¹⁸⁰ Отсылка к девизу антитеррористической кампании Министерства внутренней безопасности США 2010 года.

¹⁸¹ Джеймс Батлер Хикок (1837–1876) – американский герой Дикого Запада, стрелок и разведчик. Энни Оукли (Фибби

– Мохаммед Али, Эмер – Джо Фрейзер, Эббот и Костелло¹⁸², Бонни и Клайд, Дракула и его жертва, Джонни Карсон и Эд Макмаон¹⁸³, Бивис и Батхед; Кон и Эмер – чуть ли не любой дуэт в истории, трагический, комический, фарсовый.

Третья стопка оказалась еще более загадочной. В нее попали фотокарточки, сделанные в будущем. Эмер и Кон на них становились все старше. Эта подборка завершалась трогательным снимком пожилых мужчины и женщины, спиной к объективу, они шли в закат по безлюдному тропическому пляжу. И в свой личный закат. Эмер не могла не заметить, что задница у нее в старости осталась довольно крепкой. От этой мысли рассмеялась, а затем замерла, не в силах совладать с собой. Что-то или кто-то пытается ее чему-то научить – или прикоснуться к ней. Или поднасрать ей.

Эмер вдруг почувствовала странную бодрость – и лютый голод. Вновь выбираться наружу ей показалось небезопасным, и она заказала еду в “Царе драконов”.

Энн Моузи, 1860–1926) – американская женщина-стрелок, участница представлений Баффало Билла.

¹⁸² Джозеф Уильям (Джо) Фрейзер (1944–2011) – американский боксер-профессионал в тяжелом весе. Бад Эбботт (1895–1974), Лу Костелло (1906–1959) – американский комический дуэт.

¹⁸³ Джон Уильям “Джонни” Карсон (1925–2005) – американский журналист, телеведущий, режиссер. Эдвард Лео Питер “Эд” Макмаон-мл. (1923–2009) – американский телеведущий, комик, актер, певец. Макмаон и Карсон вели телевикторину “Кому доверяешь?” (1957–1962).

Женоотворотница

Хан добрался к ней быстро. С его слов Эмер поняла, как ей показалось, что дела у дочки Хана идут хорошо, она выдержала проверку как липовая христианка; ей дали убежище, и она даже пыталась наняться в какую-то местную церковь. Эмер не знала, пошутил тут Хан или нет. Ни плату за еду, ни чаевые он не принял, а перед уходом спросил, свесив сигарету с губы, как Бельмондо при пельменях:

– У вас окей, Учитель?

– Нет, Хан, не окей.

– Очень хорошо.

– Не-а.

– Очень, очень хорошо.

– Рада, что мы поболтали, Хан. Слушайте, если вы и ваши ребята понадобится мне завтра, ну, проехаться со мной, как защита, – можно вам позвонить?

– За мной долг, – ответил он и удалился.

Эмер налила себе стакан красного вина и немного поела. В домофон позвонил консьерж Новак.

– К вам пришла Мэй Ванг.

– Вонг?

– Как вы сказали.

– Впустите ее, спасибо.

Эмер не могла вспомнить, обменивалась ли она с Мэй адресами. Отперла дверь, и через минуту Мэй Вонг, отворотница, театрально вплыла в квартиру, словно за ней следовала свита болтливых придворных.

– У меня для вас великолепное предложение, – объявила она, пресекая любые разговоры о том, как она здесь очутилась, и сразу перешла к вопросу зачем.

– Какое предложение?

– Хорошее. Вы знаете, чем я занимаюсь.

– Да. И?

– Деточка, вы у нас кто? Вы у нас любовница.

– Ой, бля. Я любовница. Нет, я не она, я нет, но ладно, ладно.

– Кое-кто заявляется ко мне и просит от вас избавиться на этой же неделе.

– Мама Водерз.

– Кое-кто, я сказала. Я как священник или психолог. Я имен не называю.

– Женщина?

– Женщина. Или мужчина. Какая разница?

– Черная женщина? Мама Водерз?

– Мама кто-кто? Я – могила. Но если бы на моей могиле было надгробие, на нем, может, и значилась бы какая-то Мама. – Мэй рассмеялась от собственного остроумия и огляделась. – Приятное место. Маленькое. Чистое.

Эмер заглотила вино – недостаточно крепкое. Конечно, Мама знает, думала Эмер. Вот же сучка, думала она. Эмер ощутила, как поднимается в ней ревность, чего не случилось много лет, и, как солнце сквозь тучи, пробивается воля к соперничеству.

– И как же она предложила от меня избавиться?

– Это вы говорите “она”, не я. Я нашла для вас вакансию в Лос-Анджелесе, учить в частной школе “Перекресток” детей знаменитостей, Тома Ханка, Генри Винкеля, Фонза...¹⁸⁴ у-у-у-

¹⁸⁴ Речь об американских актерах Томе Хэнксе (р. 1956) и Хенри Уинклере (р. 1945), а также о киноперсонаже по прозвищу

ух... квартира с контролируемой арендной платой в Санта-Монике, “тесла”... у него-нее-них очень много денег.

– И все это мне? Чтоб я оставила Кона в покое?

– Да. Все берем? Руки жмем.

– Соблазнительно. Мне поднадоел Нью-Йорк.

– Я с вами. Леонардо Ди Каприо – любовь моя.

– “Тесла”, а?

– Или “порш”. Я бы вот что предпочла – “карьеру”, и лучше Brentwood, а не Санта-Моника, по-моему... хотите играть в бейсбол – берите все и пакет чипсов в придачу.

– Желаете бокал вина?

Эмер налила Мэй бокал – и себе тоже. От вина щеки у Мэй покраснели, а у Эмер успокоился буйный ум, все стало чуть медленнее. До чего мал мир, в котором мы живем, размышляла она. Нью-Йорк – по-прежнему городок, все еще маленький в некоем глубинном смысле, все еще человеческих размеров. Какими большими ни вырастали б мы, думала она, мы все равно человеческих размеров, такова наша природа. И, опять-таки, сколько их, отворотниц, есть в Нью-Йорке? Пять? Двадцать пять? Одна? Еще пара глотков помогли ей перейти от паранойи к надежде: Эмер усмотрела совпадение в этих красных ногтях напротив.

– Мэй, мне вот интересно, а вы когда-нибудь ставили все это дело с ног на голову?

– В каком смысле?

– Работали в обратную сторону?

– Это в какую же?

– Ну, избавляться от жены – избавляться от жены по заказу любовницы.

– Я избавляю от мужчины-любовницы, когда у мужчины любовница, которая мужчина.

– Не сомневаюсь. Но я не об этом.

– Ну нет, от жены никогда.

– Женоотворотница.

– Женоотворотница – нет.

– Не знаю. Просто рассуждаю вслух. Никогда не знаешь, может, она не любит больше, ищет, как бы попроще выйти из игры.

Мэй Вонг пожала плечами. Эмер пожала плечами в ответ и сказала:

– Люди иногда делают что-то лишь потому, что думают, будто должны это сделать.

– Это американская психология. Говорю: вы делаете выбор, а затем выбор делает вас, а не наоборот.

– Не улавливаю.

– Убейте ее.

– Что?

– Закажите жену.

– Вы можете устроить ее убийство?

– Все рано или поздно умирают.

– Нет!

– Я не сказала, что сделаю, но людей знаю. Не самый любимый способ вести бизнес, но это бизнес. Деньги есть?

– Не особо.

– Нет денег.

– Зарплата школьной учительницы.

– Тогда я – не женоотворотница. – И вновь рассмеялась. Пришлось смеяться вместе с Мэй. У этой женщины имелась неоспоримая сила, и Эмер почувала, что следует сделать официальное заявление.

– Давайте начистоту, ладно? Я никого не хочу убивать, хорошо?

– Да пожалуйста.

Эмер уставилась на Мэй, но не смогла разобрать, какой тут действует нравственный кодекс.

– Или вредить кому бы то ни было.

– Ага, ага. Скукотища. – Мэй вздохнула, а затем продолжила сыпать идеями: – А что, если бы у жены был другой мужчина?

– Вы о чем? Жена тоже изменяет? – Эмер, едва управившись отвести удар от невинной женщины, теперь желала кристальной ясности на любом туманном повороте.

– Нет, – ответила Мэй, – но, может, вы б добыли ей другого мужчину, и ей с ним стало б лучше, чем с этим, который изменяет.

– Ха.

– Но это, в общем, не моя работа. Вам для этого нужна профессиональная ента. Это по еврейской части. Я не полезу – может, если только возьму комиссию за посредничество.

Эмер эта менее кровавая затея понравилась.

– Но тут есть кое-что – другой выход. Слушайте... – Эмер зачитала из толстой сворованной книги про фей: – “Женщина-сида, как и другие волшебные существа со всего света, в том числе африканская Ананси или бразильский Саласето и монгольский Йицанг, ищет любви смертных. Если смертный отказывает, женщине-сиде придется стать его рабыней. Если смертный соглашается, он принадлежит ей и сбежать может, лишь найдя другого смертного на замену”.

– Ну и чудная же хрень. Если смертный отказывается, бог становится рабом.

– Но тут говорится, что возможна замена.

– Кому-то ж надо служить. Для китайцев счастливое число – три, а для отворотницы – два и четыре. Вот какая мне нравится нумерология.

– Единица – самое одинокое число.

– Три собаки на ночь¹⁸⁵. (Эмер от неожиданности рассмеялась вслух.) Эй, – проговорила Мэй, – не надо меня недооценивать из-за выговора, сучка. – И добавила: – Хорошее вино какое. Ну что, уговор? Бронировать вам вылет в Калифорнию? Я еще и турагент. Первый класс.

– Пока нет. Выпейте со мной еще вина.

¹⁸⁵ Мэй коверкает название американской рок-, фанк- соул-группы (осн. 1968) “Трехсобачья ночь” (Three Dog Night); по официальной версии, название группы ее участники взяли из журнальной статьи об австралийских аборигенах, в которой утверждалось, что аборигены в холодные ночи брали с собой спать собак динго; “трехсобачья ночь” – особенно холодная.

Алгебра любви

День выпуска в школе Св. Маргариты был традиционно радостным событием, пусть его и переименовали в День продвижения по соображениям какой-то терминологической нейтральности, которых Эмер вспомнить не могла. Она так и не поспала. Всю ночь пила вино и строила козни с Мэй Вонг, а потом все утро пила кофе – для запаха изо рта чарующее сочетание. Смотрелась и смердела Эмер, как мокрое белье. В душ идти не хотелось, но она себя заставила.

Запрыгнула в подземку с еще не досохшими волосами и увидела, что последнее голосование в возобновленном конкурсе “Мисс Подземка” в конце недели. Задумалась о показателях опросов. Вспомнила разговор родителей – скорее, даже спор – во время каких-то президентских выборов, когда она была маленькой. Может, Буш/Дукакис? Она слышала, как мама все повторяла: “Но опросы говорят другое”. А отец отвечал: “Нахер опросы, нельзя доверять опросам!” Юную Эмер тревожило, что ее родители до странного предубеждены против проса и того, что о просе говорят.

Хан со стайкой других доставщиков-велосипедистов из “Царя драконов” сопровождал Эмер от ее остановки подземки до школы. Они остались болтаться, не привлекая к себе внимания, на задах школьного двора, закурили и смотрелись при этом и нелепо, и круто. Эмер прошла внутрь.

Пока Эмер прибирала свой кабинет перед летними каникулами – наносы, скопившиеся за год, огрызки карандашей, выброшенные распечатки заданий, – зашла повидаться Иззи. Эмер посвятила подругу в ключевые подробности, обойдя почти все, сообщила, что с Коном они больше встречаться не будут (по легенде, его звали Кен), и добавила вымышленные нюансы, чтобы вся байка получилась безупречной. Эмер удивилась, до чего легко она освоила полномасштабное вранье, – она даже предпочла считать это “сказительским даром”.

Иззи заявила, что общее правило таково: время, необходимое, чтобы пережить расставание, равно половине времени, проведенному вместе. Кон с Эмер пробыли вместе, может, дня два – или несколько недель, если брать в расчет время, которое Эмер провела, фантазируя о том, как они с Коном будут вместе, – а следовательно, постановила Иззи, почти наверняка, если применять ее незарегистрированную, непрофессиональную и не строгую математически “алгебру любви”, на то, чтобы Эмер выбросила Кона из головы, потребуется от пяти минут до десяти дней максимум.

Ко всей этой истории Иззи отнеслась оптимистически. Просто радовалась, что Эмер “прервала шнайд”¹⁸⁶ и опять в полном боевом, – и все такое прочее, что люди говорят, когда удается переспать после непухи. Иззи хотелось, чтобы Эмер считала Кона страховочным колесиком, а настоящий мужчина – он же велосипед – того и гляди вывернет из-за угла.

Иззи сводила Кона к обыденности, а Эмер от этого делалось все более одиноко. Надо как-то пережить этот день до конца, а потом – свобода на все лето. Через три месяца, соврала она Иззи, это все, как ей кажется, прояснится – вдали от школы, от Сидни, вдали даже от Нью-Йорка. Может, она уйдет. Может, поедит по Европе, пока еще не состарилась, напишет книгу. Отец будет скучать, но Эмер подумала, что он, вероятно, хочет ее отъезда, – будь отец помоложе, точно хотел бы. Эмер колебалась, какую версию отца следует прощупывать чутьем.

Когда Иззи ушла, Эмер села за стол и оглядела пустые стулья. Сказала последнее “прощай” своему учебному кабинету. Жила в ней эта сентиментальность – присваивать вещам чувства, и ей не хотелось, чтобы ее кабинету становилось одиноко. Она пообещала вернуться. Почувствовав, что кабинет как следует утешен, – это удалось довольно быстро, комнаты вполне привычны к тому, что их покидают, – Эмер откинулась на спинку стула и мысленно нашла

¹⁸⁶ Период вынужденного воздержания (*жарг., идиш*).

лицам этого выпуска места за партами. То же ей удалось бы и для предыдущего выпуска, и для предпредыдущего – лет на пять назад, слой за слоем, лица детей нынешних и прежних, как в комбинированной фотографии, лица превращаются друг в друга, будто в старом видеоклипе Майкла Джексона “Черный или белый”¹⁸⁷, так? Где удивительно было не то, до чего разные там лица, как могло бы подуматься, а до чего похожие, какими бы яркими ни были перемены в цвете кожи и чертах. Словно бы и не надо менять слишком многое, чтобы лицо преобразалось в другое лицо. Мы все выглядим похоже – мы похожи.

Эта похожесть, из года в год, изо дня в день, вдруг повисла на Эмер грузом и не освобождала, а, наоборот, заточала. Черное или белое, сегодня или пятнадцать лет назад, сейчас или тогда – разница состояла в уловке, в оптической иллюзии, истина – в одинаковости. Время, казалось, движется, но лишь вширь.

Эмер закрыла глаза и стала слушать тиканье часов; чары развеяла песенка Сидни, приближавшегося по коридору:

– Словами бессмертного Бэрри Манилоу, “кажется, все получилось”¹⁸⁸.

Глядя на Сидни, Эмер теперь видела Сиду, а думая о Сиде, видела Сидни; это раздражало и тревожило.

– И на том спасибо, – отозвалась она.

– Вы с ним не виделись?

– Нет, – соврала Эмер.

– Он не пытался с вами связаться? – Сидни уселся.

– Нет, все кончено.

– Знаете, Эмер, я в раздумьях. – Именно это происходило и с ней, да. Кукольник ли она, а мир – у нее на лесках? Или же сама она марионетка, из-за лески в руке убежденная, что на деле это не так?

– Да, знаю. – Она расплывчато согласилась, чтобы не светить свои карты.

– Я и то, что я делаю, и что я есть. Я – директор этой школы, но я же и человек. Ваш начальник и ваш друг – по крайней мере, надеюсь, что так.

– Спасибо, Сидни, думаю, я понимаю.

– Предпочел бы, чтобы вы звали меня Сидом, почти двадцать лет уже знаем. – Он рассмеялся. – Можно я вам доверюсь, Эмер, как вы доверяетесь мне?

– Вы не обязаны.

– Но мне кажется, что я владею вашей страшной тайной, и это дает мне власть над вами, которой я не хочу и которая меня не радует, и если бы я мог воздать вам той же мерой – своей тайной, мы бы могли выровнять положение.

– Это действительно разумно.

– Я тоже погряз в любви. – Батюшки-светы, вот на это Эмер не напрашивалась. – Более того – в любви, что о себе молчит¹⁸⁹. И я размышлял о любви – обо всех ее разновидностях, о любви, какую питаем мы к возлюбленному, и о любви ко Христу, и сейчас, говоря с вами как с другом, я раздумываю – похоже, мыслю вслух, – не все ли это часть одной и той же любви? Не вся ли любовь чиста? Не любовь ли разве связывает нас воедино? Не того, кого мы любим, а сам свирепый факт, что любим мы?

– Да, Сид, думаю, так оно и есть.

¹⁸⁷ “Black or White” (1991) – песня Майкла Джексона из восьмого студийного альбома “Dangeous”; в тот же год режиссер Джон Лэндис снял 11-минутный видеоклип-минифильм.

¹⁸⁸ “Looks Like We Made It” – песня из альбома 1976 года американского поп-певца, продюсера, композитора Бэрри Манилоу (р. 1943).

¹⁸⁹ Парафраз строки из стихотворения “Две любви” лорда Алфреда Брюса “Боузи” Дагласа (1870–1945), английского поэта и переводчика, близкого друга и любовника Оскара Уайлда. Пер. А. Лукьянова.

– Я провел свою жизнь – и не одну, такое ощущение, – отрицая то, что я есть. Этого ли желает Бог?

– Вряд ли, Сид.

– Не одну жизнь, дорогая моя. Вы понимаете, что я вам говорю – как друг, как мужчина?

– Не полностью, но достаточно.

– Мы все – двойники себя самих. Мы все населяем свое прозаическое пространство и пространство магическое – как проблесковый свет. Редко-редко эти пространства выстраиваются в ряд, и мы становимся единым существом. Вот как сейчас. Вы знаете, кто и что я такое?

Эмер предоставила этому вопросу упокоиться, как гальке, погрузившейся в воду. Она обратила лицо к Сидни – взгляд не отводила и не отступала.

– Вы – Сид.

– Тогда говорите со мной как с Сидом.

– Боязно.

– Как-нибудь сообразите.

– Кажется, сделка провалилась.

– Хотите передоговориться?

– Почему выбрали именно меня?

– Выбрали?

– Я не сделала ничего, чтобы это на себя навлечь.

– Конечно, сделали. Да и вообще, бездействие есть разновидность действия, и потому дерзну сказать, что куда ни кинь – всюду клин. Причинность – путь из никуда куда-то, и оно именуется “никуда”. Слыхали что-нибудь о покровительнице нашей школы святой Маргарите Антиохийской?

– Нет.

– Она приняла обет безбрачия, но ее вынудили выйти замуж за язычника. Ее обет ему пришелся не по вкусу, и он упек Маргариту в темницу. Сатана посетил ее там в обличье дракона и проглотил. С помощью нательного креста она продралась сквозь брюхо зверя наружу. Такая вот святая Маргарита. Черт, скучаю я по тем дням.

– Это был совет только что?

– Сам не уверен. Наши хозяева ограничивают нас. Вам не бывать священником, а мне – любовником. Слушайте, Эмер, если хотите о чем-то передоговориться, ради новых условий нужно что-то предложить взамен.

– Я как раз об этом и толкую.

– Что у нас есть?

– Может, я просто уволюсь. Может, предпочту жизнь без изъяна работе без изъяна.

– Не уверен, что увольнение – это вариант.

– А я, в свою очередь, не уверена, что без изъяна – вариант.

– Кажется, я не тяготее к нему, как и говорил, но, вероятно, могущества у вас больше, чем вы думаете, и, возможно, другая женщина не наделена могуществом, о котором заявляет. Кто знает, может, это у нее одна болтовня.

– Кто знает, может, и у вас.

Сидни улыбнулся и встал.

– Что ж, это ставка, которую вам предстоит поневоле принять, судя по всему.

Они уставились друг на друга. Эмер хотелось завопить. Хотелось, чтобы кто-нибудь поговорил с ней начистоту – или хотя бы сказал, с какой нечистью она имеет дело. Наконец она заговорила:

– Неужели нет такого, что я могла бы вам дать, и вы бы за это оставили меня в покое?

Сидни этот вопрос, кажется, расстроил, если не ранил.

– Может, и есть, хотя, по-моему, я выразился ясно. У школ есть правила. Подчинение этим правилам – оплата нашего долга перед будущим. К слову сказать, поздравляю с очередным годом, прожитым по всем статьям, – грудь колесом, зубы в ряд, Эмер, – все как оно есть. Еще одна ложь, которую мы скармливаем детям: разум поможет им в жизни.

И Сидни разразился смехом до того жутким, пренебрежительным, печальным и попросту странным, что Эмер слегка отшатнулась. Едва ли не минуту ему не удавалось взять себя в руки.

– Ладно, пошли выпустим этих спиногрызов и никакого ада, что их ждет, им не покажем. Грудь колесом, зубы в ряд.

Эмер выпрямила спину.

– Грудь колесом, зубы в ряд, – прошипела она в ответ начальнику сквозь стиснутые зубы. – Разумеется, но, Сидни, сначала я хочу познакомить вас кое с кем, кто понимает двойственную природу и срал с высокой горки на все это. – Эмер крикнула в безмолвный коридор: – Мэй?

Стук шпилек запрыгал отголосками по линолеуму, как царственные фанфары, и в дверях возникла Мэй Вонг.

– Давайте-ка вы потолкуете вдвоем, – сказала Эмер.

Поезд мира

“Грудь колесом, зубы в ряд” – еще один сиднизм. Эмер думала, что он стибрил его из танцевального мира, где хореографы наставляют своих подопечных, чтоб не показывали пот и слезы, а только гордость – выдвинутую вперед грудь и белозубую улыбку. Такой вот извод “крепко сжатых губ”, но Эмер он нравился гораздо больше. О том, как коротышка священник оказался в мире танцев, она поразмышляет в другой раз.

И вот уж Эмер, вставая, садясь, вставая, садясь вместе со всем рядом ее девятнадцатого выпускного класса, распевая с ними положенные гимны и слушая речи, которые эти дети никогда ни поймут, ни запомнят, ревела горячими слезищами. Именно этот случай, как ей казалось, позволял рыдать о чем угодно под прикрытием выпускного – слезы под прикрытием, так сказать. Дети, сидевшие рядом с ней, слегка беспокоились за свою разнунившуюся учительницу, но даже это Эмер сочла “педагогической ситуацией”: пусть дети видят, что плакать можно, можно предаваться глубокой счастливой грусти на людях.

Когда ей это казалось безопасным, она поглядывала на задние ряды церкви, где сидели Кон, Мама и Эшия. Эмер не видела Кона, но в последний школьный день родители Эшии совершенно точно присутствовали; Эмер ощущала вперенный ей в спину взгляд – словно ее ждали в засаде. Видела, как разговаривают Сидни с Мэй. Видела Шошэнну Шварц-Силбермен и ее родителей. Даже поцеловала Дебби Шварц-Силбермен в щечку. Малышка Эшия обняла ее сзади и смачно поцеловала, и вот тут-то Эмер увидела родителей Эшии, учтиво ожидавших поодаль. Все пока складывалось на славу.

Лето почти наступило. Ах, лето. Есть вот это в учительстве: блаженное облегчение лета остается при тебе, лето по-прежнему есть свобода от трудов – и все то, что оно значит для малышей. В некоторые дни Эмер радовалась, что удалось сбересть этот детский восторг в начале июня, а иногда ей было стыдно, что она все никак из этого не вырастет.

Когда церемония подошла к концу, Эмер встала во главе шеренги поздравлявших – расцеловать детей, пожать им руки. Такое вот последнее прощание. Держалась Эмер безупречно, с непринужденной щедростью главы государства, приветствующей гостей, по пять секунд на брата, на торжественном приеме. Как королевич, она не смотрела, кто там приближается к ней дальше, а вперяла взгляд в того, кто сейчас был прямо перед ней. Однажды она лично видела, как это делает Билл Клинтон: сосредоточил взгляд в двух футах перед своим носом, люди входили в его пространство, в его фокус, и прочь из него, а царственная сосредоточенность никуда не смещалась. Получалось так, будто нет ни прошлого, ни будущего, только настоящее с Клинтоном – а затем оно завершалось.

Эмер изо всех сил изображала Билла Клинтона. Дальше. Почти все остальные родители и дети врывались в поле ее зрения и выплывали из него, как мысли Эмер забредали в подземку и выбирались оттуда. И все прошло без сучка и задоринки. Все же цивилизованные люди XXI века. Вроде как.

Подземная женщина

У школы все же пришлось пробиваться сквозь толпу детей всех возрастов и их родителей, и хотя Эмер предпочла бы избежать любых встреч, ее остановила и закатила в лузу стайка старшеклассников – бывших учеников, желавших выпендриваться своей наступившей зрелостью. Пусть и вышло странно, когда пятнадцатилетние мальчишки взялись безобидно заигрывать со своей довольно-таки аппетитной бывшей учительницей начальных классов, обращаясь к ней “мисс Эмер” с лукавой неопределенной иронией, Эмер понимала, что они попросту жаждут признания в себе мужчин, в которых превратились или превращались. Эмер понимала, что ее долг – зеркалить им их мужественность, но никак не смущать их действительным намерением, не выходить ни за какие рамки и никаких границ не размывать. Эмер это умела – вести себя слегка смущенно и при этом показывать, как ее впечатляют их, буквально, недозрелые намеки, даже если ее способность осознавать рамки и выход за них сейчас была в никудышной форме.

Эмер сдавала назад, кивала, улыбалась и потихоньку пробиралась к краю толпы. Вышла на улицу, развернулась и направилась к подземке. Три квартала до свободы. Тут Эмер окружил ее конвой, и она ощутила себя почти неуязвимой.

Ощущала она и другое: за ней следят, причем непонятно кто. Может, Кон, а может, Мама – или Сид. Полгода назад никто не пошел бы за ней до поезда подземки, а теперь аж трое на выбор. Жизнь налаживается. У входа в метро она заметила Хана, вид у него был встревоженный.

– В подземку нельзя, – сказал он. – Берите билет. Мото. – Он показал на моторчик у себя на велосипеде.

Опять правила мешают. Эмер помахала на прощанье своей двухколесной армаде и спустилась в подземку. У нее сегодня тоже выпускной, и его предстояло прожить в одиночестве.

Прошла по проезду, стала ждать поезда. Квартет а капелла исполнял “Мне остаться или смыться” “Клэш”¹⁹⁰, пассажиры в наушниках не обращали внимания. Эмер понимала, что эта фразочка поселится у нее в голове на час – или на неделю: “И смываться мне не стоит, и останусь – хуже вдвое”. Порылась в рюкзаке, выгребла горсть мелочи и жвачку. Положила монеты в шляпу музыкантам, а жвачку – в рот. Поезд прибыл, двери открылись.

Входя в вагон, Эмер огляделась по сторонам и заметила, что в нескольких вагонах от нее, кажется, Мама. Эмер подобралась к окошку между вагонами и всмотрелась. Так и есть. Мама, в нескольких вагонах от нее, приближается. Эмер развернулась и двинулась в другую сторону. Проскочила два вагона. Когда поезд остановился на следующей станции, она высунула голову наружу и осмотрелась. Чувствовала, что Мама ничего прилюдно отмачивать не станет. Или все же станет? Эмер понимала, что убежать нет нужды, но убежала все равно. Шла и шла по вагонам.

На следующей остановке повторила обзор. Глянула влево-вправо – и опять увидела Маму, на сей раз они встретились взглядами. Эмер ступила на платформу, Мама в двадцати ярдах от нее сделала то же самое. Двери начали закрываться, Эмер ринулась внутрь. Она видела, как это проворачивают в кино. И в кино не срабатывало, и сегодня не вышло. Эмер заметила, что Мама, успешно вернувшись в вагон, движется к ней.

Эмер прошла весь поезд до самой головы состава, неспешно перемещаясь от освещенной платформы во тьму. Это ловушка. Эмер дотянулась рукой до аварийного тормоза. Никогда в жизни такого не делала. В Нью-Йорке надо быть до хера уверенным, что происходит какая-то апокалиптическая мутотень, прежде чем дергать за эту штуку. Велоцираптор вырвался на

¹⁹⁰ “Clash” (1976–1986) – британская панк-рок-группа; “Should I Stay or Should I Go” (1981) – композиция из пятого студийного альбома “Combat Rock”.

волю – это уж самый-пресамый минимум. Эмер даже сомневалась, подключен ли этот тормоз вообще. Но дернула изо всех сил – и он сработал. То, что он сработал в точности так, как ему полагается, и удивило Эмер, и насмешило.

И хотя поезд шел не на полной скорости, от внезапной остановки кое-кто из пассажиров потерял равновесие, и Эмер воспользовалась неразберихой, чтобы добраться до дверей между вагонами. Вылезла наружу и спрыгнула на пути. Она осознавала, что, возможно, перегибает палку. Словно слышала голос у себя в голове и к этому голосу решила прислушаться: он скажет ей, как поступать.

Поезд загадок

На путях подземки Эмер не оказывалась никогда. Здесь было темно и жарко, грязь вроде бы осевшая, но какая-то рыхлая. Даже у развалин бывают развалины. Пришлось протискиваться вдоль стены, пока не кончился головной вагон, прежде чем стало видно открытые рельсы.

Тоннель показался просторнее, когда она там очутилась, он больше походил на пещеру, чем на что-то рукотворное. Эти тоннели вырыли в 1904 году, и здешняя сокрытая, век с лишним гниющая мерзость грозила перегрузить и без того лихорадочное воображение Эмер. Грязные лампочки вдоль путей сеяли какой-никакой свет. Эмер боялась оказаться раздавленной, но понимала, что фары поезда, движущегося по темным путям, она увидит и сможет вовремя убраться прочь. Какая там ближайшая станция, она не знала. Мысли у нее так далеко вперед не забегали – да вообще Эмер не думала о дальнейшем. Просто шла на свет, что слабо пробивался из-за изгиба тоннеля в сотне ярдов впереди.

Старалась не смотреть под ноги и не позволяла поглотить себя страху, какой порождали шорохи вокруг: кто-то прыскал во все стороны, мелькали тени – наверняка крысы. Крысы – самое обыденное объяснение шумам и движениям, другие варианты гораздо гаже и жутче. Здесь было навалом признаков жизни – даже чересчур. Эмер никогда бы не подумала, что мысли об исполинских крысах под ногами способны ее успокаивать, а вот поди ж ты. Ну почти.

Она двигалась по дуге к свету и увидела, что впереди – станция-призрак “Восемнадцатая улица”. Но не успела Эмер вылезти на платформу, как неуклюжее, угловатое движение – словно пробуждались ото сна крупные животные, не крысы, – привлекло ее взгляд, и у Эмер перехватило дух. Она обернулась и увидела фигуру, вроде мужскую или медвежью; та медленно приближалась. Глаза все больше привыкали к темноте тоннеля, и все больше силуэтов Эмер замечала, то были люди, мужчины, женщины, а еще – небольшие палатки. Что-то вроде лагеря. Должно быть, одна из общин бомжей, о которых она читала, они как-то переживают зимы, лета и попытки изгнания из тоннелей. Наверное, лучше дома для забытых призраков среди нас, чем станция-призрак, и не придумать.

Громоздкий мужчина приблизился. И нету больше под рукой аварийного тормоза. Мужчина ярко осветил лицо Эмер, ослепил ее – у него был с собой мобильный телефон с фонариком, ну разумеется, конечно же, у бездомного есть смартфон. Бездомный сгреб Эмер в охапку, легко, как рюкзак, закинул на плечо, зажал ручищей размером со сковородку ей рот, нос и глаза. Сверхъестественно силен оказался и перемещался с невероятной, дерганой прытью хищника из какого-нибудь ужастика. Понес Эмер вглубь тоннеля, прочь от света на путях.

Эмер, стиснутая в его подвижных объятиях, ощущала настоящий, сосредоточенный, заостренный страх; от мужчины несло мочой, дерьмом и прелью давно не мытого *хомо сапиенс*. К горлу поднялась желчь.

– Прошу вас, не обижайте меня, – проговорила Эмер.

Наконец он поставил ее на землю. Она не понимала, где находится, но разглядела, что вокруг этот вот лагерь, что ли. В заброшенном тоннеле жило двадцать то ли тридцать человек и сколько-то собак... нет, погодите – Эмер попыталась себя успокоить, – то, что казалось собаками... аллигаторы? Беловато-желтые аллигаторы, мифические аллигаторы-альбиносы, штук пять-шесть в самодельном загончике. Она слыхала все эти байки с самого детства – о шумихе 1950-х вокруг детенышей ручных аллигаторов, о том, как люди смывали в унитаз растущих зверей, когда те переставали быть миленькими, и, как гласила легенда, амфибии выжили в канализации.

Вплоть до последних нескольких месяцев Эмер считала все это мифом. Ее ум немедленно принялся вписывать эту возможность в новую картину мира. Все сходится по смыслу:

аллигаторы стали альбиносами, они же никогда света дневного не видели – что и славно. Тут она поймала себя на том, что у нее сходится по смыслу там, где полная бессмыслица. Поразительно, как приспособливается жизнь, во всем этом есть научная логика, трали-вали, – но белые ящеры на вид были ужасны. Мельче и не такие мускулистые, как их собратья из наземных болот, зато жуткие, отвратительные, цвета дохлой рыбы.

Все вокруг освещалось свечами и мобильными телефонами. На стенах росписи, вроде наскальных, эдакий гибрид рисунков из Альтамыры с граффити Кита Хэринга¹⁹¹. Многие изображения были грубыми потешными приветами поп-культуре, пантеон-мешанина – много Майкла Джексона, Принса, что-то из “Игр престолов”, Курта Кобейна, – но попадалось и похожее на египетских богов: тела людей с головами этих вот аллигаторов-альбиносов. Будто аллигатор был у этих людей тотемом.

– Я тебя знаю, – произнес ее похититель.

– Вряд ли.

– Меня кличут Големом, – сказал он, накрываясь какой-то темной тряпкой мифического еврейско-франкенштейновского мстителя. – Вся европейскую историю прожили мы. Евреи создали наш народ здесь, в подземке, в конце тридцатых и в сороковых, но мы им, похоже, больше не нужны. Однако мы ждем, ждем. Никогда не знаешь, когда вновь придет твое время.

Эмер попыталась определить его черты почти в полной темноте, при мерцающем свете они расплывались, преображались – вылепленные наполовину, рубленые, впопыхах недоделанные творцом, будто бы и впрямь пробужденные в глине обездоленности и человеческого отчаяния.

– Я тебя знаю, – яростно повторил Голем.

Эмер отступила, с облегчением отстраняясь от настоящего силового поля Големова смрада.

– Ну... вы живете тут, под землей, я езжу подземкой, смотрю в окна, может, вы меня видели в поездах?

– Да, да, точно!

Хорошо, что все так просто.

Голем с машинальной почтительностью отшагнул назад, опустил взгляд и пал на одно колено.

– Ты – Мисс Подземка!

Эмер не понимала, принять ей это преклонение или отвергнуть.

– Нет-нет, это не я, не так. Голосование еще не завершилось.

Когда Голем поднял на нее взгляд, она увидела у него в глазах слезы, они прочерчивали темные дорожки по грязи у него на лице, по глиняным щекам. Он вынул из кармана моток ниток, и какой-то подвес блеснул на свету.

– Как же долго я тебя искал. Ты мелькала у меня в уме, думал я. Вечность поисков. Чтобы отдать тебе вот это. – Громадными грязными трепетными руками он распутал нитку и поднял кулон у нее над головой. Эмер теперь отчетливо разглядела: серебряный жетон, награда, которой удостаивали всех победительниц конкурса “Мисс Подземка”. – Да не падет на тебя никакая беда. – Он позвал всех в лагере: – Эй, идите все сюда. Мисс Подземка! – Повернулся к Эмер и прошептал: – Меня создали для таких, как ты. Много нас было создано для тебя. Мы – отпрыски бесправных и слабых. Мы – их ожившие страхи, почти во плоти, наделенные всей силой их надежд и жажды отмщения. Ты знаешь, кто такие големы.

– Слышала, читала. Но это же восточноевропейский миф. В смысле, простите, если это оскорбительно. Называть вас мифом. Я просто очень запуталась.

Голем потянулся к рельсу у себя под ногами, прохрипел:

¹⁹¹ Кит Хэринг (1958–1990) – американский художник, скульптор, активист.

– Это миф? – И одной рукой выгнул третий рельс под прямым углом.

– Мощное доказательство, – сказала Эмер.

– А ты, – продолжил Голем, – ты – Мисс Подземка. Хватит отрицать свое могущество.

Один за другим бомжи приближались к ней, шаркая ногами и постанывая в судорожном движении, словно в кино, составленном из случайно смонтированных кадров.

– Пора побыть со своим обожающим тебя народом, – проговорил Голем. – Знакомься с девяносто девятью процентами.

Эмер понятия не имела, что с ней сейчас сделают. Несколько мужчин и женщин принялись повторять за Големом: склонили колени и забормотали – Мисс Подземка то, Мисс Подземка сё.

– Они тебя не обидят, – сказал Голем. – Ты – их талисман, королева, их дух места. Пока ты под землей, мы жизнью, уж какая есть, заплатим, тебя защищая.

– Ничья я не королева.

– Любой из нас – чья-то королева.

– Вы меня тут держать будете?

– Этот медальон – не фуфло, – отозвался он, прикасаясь к жетону у нее на шее, качнул его к свету. – Ты – Мисс Подземка, тебе везде бесплатный проезд.

Женщина с жетоном

– Смертянка!

Крик донесся отголосками из тьмы тоннеля.

– Смертянка! – прозвучало вновь.

Бомжи – безработные големы – повернулись на голос, обратили свечи и мобильные телефоны навстречу ему, создав пятно света для надвигавшегося злодея. Эмер распознала голос Мамы Водерз, но големы вдруг встревожились, зашептали имя – и почтительно, и испуганно: Ананси. Эмер знала это имя из снов и полузабытого чтения, но теперь что-то шелкнуло, как это бывает, когда однажды доучиваешь язык до свободного владения.

Големы слегка сдали назад. Их теплые тела отдалились от нее, и Эмер ощутила кожей холод. Голем осуждающе зыркнул на своих братьев и сестер и отважно встал рядом со своей Королевой Подземки. Придал ей устойчивости своей бескровной, холодной глиняной рукой. Эмер обратила взгляд на противницу – Маму, нет, Ананси. Ананси заговорила первой. Ее длинные дреды превратились в шипящих красных, желтых, зеленых и черных змей, от Маминой любезности не осталось и следа – ее заменило высокомерное величие богини.

– Вот ты где, смертянка. От меня не спрячешься, даже среди твоих крепких евреев.

– Я не прячусь.

– Вижу твой талисман. Ты прячешься под землей. Пытаешься увести у меня мужчину.

– Но я не знала.

– Мы тут не в суде. Вскоре убедишься.

– Нужен ли он тебе вообще?

– Не тебе задавать вопросы богам, смертянка. Ты уязвила мою гордость. В своем расовом и культурном невежестве ты, может, не слышана обо мне, но греческие мифы ты знаешь, знаешь западные прихваты, вспомни-ка те поучительные истории, как боги наказывали людей, посягавших на их мужчин или женщин, – превращали их в деревья и оленей, топили в их же водянистых отражениях.

– Но я не знала.

– Именно это и есть человеческое преступление.

Эмер глянула на Голема – его рубленое глиняное лицо было невозмутимо. Он пожал плечами. Эмер это как-то помогло набраться отваги.

– А твое преступление как же? – крикнула Эмер. – Ты увела у меня Кона, пообещав ему талант и славу, но ничего не дала.

– Я его хорошо содержу.

– Ты его содержишь, да, – содержишь безмолвным, не состоявшимся, недоделанным.

– Тебе о нашей сделке или о том, как я эти сделки заключаю, ничего не известно. Условия моих сделок меняются с ветром.

Эмер показала сама себе ребенком, спорящим со взрослым, у которого все карты в руках.

– Разве нельзя нам посудить вместе? Передоговориться?

– Ты предлагаешь богине поторговаться?

– Почему нет? Мы обе женщины. Разумные женщины.

– Я зажарю твои глаза на спицах и выпью твою кровь.

– Ладно, допустим, это... стартовое предложение.

– Заткнись, бля.

– Это несправедливо.

– Несправедливо? А кто тебе обещал справедливость, смертянка? Ты теперь в мире богов. Скоро почувешь, как справедливость выдирают из твоего жалкого, скулящего сердца.

Крики начали раздражать аллигаторов-альбиносов, они защелкали своими жуткими челюстями, от неразберихи принялись кусать друг дружку, пытаясь дать выход беспокойству. Но вроде бы угомонились, когда Эмер подошла поближе, и даже замахали хвостами, как псы-динозавры. Эмер заметила сомнение в глазах Ананси, и это ее взбодрило. Она положила руку на дверцу загона, таившего угрозу. Продолжила говорить:

– И каковы же твои остаточные силы в этом новом мире – и здесь, под землей?

– Мои силы?

– Ты из далекой Африки. Прошли сотни лет. Ты утратила свою паству. Может, ты и не при делах уже. Может, ты устарела.

– Давай-давай, смертянка. Скоро почувешь, что там осталось от моих сил.

Эмер ощутила, как поднимается в ней детская праведность – волна необоснованной уверенности в том, что выбора нет, остается только идти напролом. Она опиралась на свое знание, что надземные божества под землей теряют могущество, и взяла быка за рога:

– Твоей волшебке, сделкам твоим и ставкам, твоим гордости и красоте здесь, под землей, не место, здесь я – королева.

Эмер открыла загон. Призрачные аллигаторы поперли наружу и окружили ее, словно дерганные пластиковые телохранители. Дреды-змеи на голове у Ананси отшатнулись, богиня нервно шагнула назад.

– Я – Мисс Подземка, – объявила Эмер, – у меня свое могущество.

Остальные големы несколько приосанились.

– Ты не понимаешь, перед кем или чем выделяешься. – Слова Ананси прозвучали неуверенно.

Эмер не сдавалась.

– Откуда тебе знать, что такое любовь? Ты не можешь умереть. Ничего, кроме гордости, у тебя нет, а это не любовь. Чтобы любить, нужно знать, что такое смерть.

– Поучать меня вздумала. Чепуху говоришь.

– Для живых это не чепуха. Ты спустилась сюда, чтобы проучить меня, а поучиться-то предстоит тебе у меня.

Бомжи, вдохновленные речью Эмер, раззадоренные своей королевой, их личной Мисс Подземка, полностью вернули себе самообладание. Вместе с аллигаторами они сжимали кольцо вокруг Ананси.

– Ты глянь на своих скованных временем клеветов, уродливых неудачников и рептилий!

– Да ты вроде как испугалась.

– Бессмертным страх неведом.

– Может, вот в чем неувязка-то. Как можно любить без страха?

Эмер понимала: Ананси умереть не могла, но ее бессмертие – ключ к ее же непониманию. На миг Ананси склонила голову набок, взгляд у нее расплылся – как у собаки, слышавшей новое слово, новый приказ, который она неспособна постичь. Всего миг, впрочем, – а затем в ее взгляде опять возникло знакомое высокомерие.

– Это все ладно, – сказала Ананси, отшатываясь, – то аллигатор клецнул челюстями у ее ноги. – Но что будет, когда ты выберешься наверх, Мисс Подземка? Ты уверена, что твое новообретенное могущество распространяется на мир сверху?

Вот это Эмер как раз не обдумала. О принципе “бейся или беги” она знала. Понимала, что скорее бежит навстречу чему-то, а не убегает от чего-то. Надеялась, что эта хрупкая разница спасет ее, но, конечно, уверена не была. Пока Ананси задерживало кольцо из кусачих аллигаторов и мощных големов, пока Медузины змеи у нее на голове злились и цапали друг дружку, Эмер попятилась и рванула по темному тоннелю. Неслась к ближайшей станции, а куда оттуда, она не знала.

Месть смертян

Эмер, двигаясь прочь из центра, как ей казалось, добрела до ближайшей действующей станции и выбралась на платформу, встала и подождала света поезда. Подниматься на поверхность не хотелось: сейчас она была в своей стихии. Ощущала себя уполномоченной Големом и, во всяком случае хотя бы отчасти, – богиней. Она слышала, как Ананси орет, подобно банши, в глубине тоннеля, откуда выбежала Эмер. Но вдруг там стало противоестественно тихо.

Поезд в сторону центра подкатил к платформе напротив, уехал. Когда он исчез, на перроне остались двое мужчин и женщина. Кон и Сидни – или, вернее, Сид, поскольку на нем вновь была ливрея консьержа. Сид стоял на шаг позади Кона, как в классических старых фильмах, где один человек тайком тычет пистолетом в копчик другому. Но Сиду пистолет был не нужен – в его крошечных руках таилась сила эпох. Рядом с этими двоими стояла Мэй Вонг.

– У нас сделки, – квохтала Мэй Вонг, гримасничая, пока отлепляла комок жвачки от каблука-шпильки.

– Эмер! – крикнул Кон сдавленно.

Не успела Эмер отозваться, как увидела, что Кон смотрит в тоннель, уходящий из центра города. Эмер проследила за его взглядом, но смогла разобрать только крупную тень, нечеловечески надвигавшуюся на них, словно плывшую или катившуюся без помощи ног, у самой земли. С поразительной скоростью, словно неподвластная силам тяготения, тень добралась до платформы, к свету, – то был паук размером с человека. Эмер ощутила, как в горле поднимается тошнота.

Исполинский паук в сопровождении омерзительной свиты из отборнейших нью-йоркских сытых и гадких серых крыс оказался в нескольких футах от Кона и Сиды. Когда паук замер – хотя замер не вполне, поскольку всякие отростки и косматые выпуклости на его теле продолжили трепетать и шевелиться, – Эмер разглядела, что с его похожих на сабли, толстых, как у млекопитающих, клыков капает кровь, между ними застряли клочья плоти аллигаторов-албиносов. Крысы, как рыбы-прилипалы под брюхом у акулы, дрались за объедки кровавой плоти и глины.

Эмер глянула на север и юг, в центр и от центра города, но поездов ниоткуда не видно. И какое-то время не будет, осознала она. Сорвав аварийный тормоз, она заморозила на время всю систему. Десятки тысяч ньюйоркцев ниже, выше и со всех сторон от нее в этот самый миг, пусть и не догадываясь, кто она такая, творчески проклинали ее.

Великанская паучиха неспешно приблизилась к Кону, испуская из живота какую-то липкую паутинную субстанцию. Голос Ананси из-за нового устройства лица изменился – все еще остался вполне человеческим и потому внятным, но вместе с тем стал смутным и подводным, словно голосовые связки находились у нее в сыром кровавом нутре.

– Конни, – произнесла она, – ты не можешь меня бросить. Ты же знаешь, что тогда случится.

– Да, угрозы я знаю.

– Ты зовешь это угрозой, смертянин?!

Паучиха встала вертикально на две задние ноги из колючих восьми, песочные часы паучьего силуэта нависали теперь над Коном, иззубренные задние зубы оголились и заскрежетали. Внезапно развернувшись к Мэй Вонг, паучиха выпустила из брюха струю, покрывшую отводницу с головы до пят паутинным коконом, и принялась завертывать Мэй подвижными ногами, как мясник – мясо в бумагу. Ананси воткнула клык в белый сверток; проступила кровь. Эмер услышала приглушенный крик ужаса, проклятье, вырвавшееся из-под паутины.

Кону достало отваги встать между Мэй и паучихой. Крысы бросились грызть извивавшийся, вопивший кокон, всего мгновения назад бывший Мэй, Эмер смотрела, как паучиха

поворотилась к Кону и выпустила из красной отметины у себя на животе еще одну струю того, что Эмер показалось сахарной ватой. Даже через пути до Эмер долетело землистое зловоние этого выброса. Паучиха небрежно оплела парой прядей талию Кона.

Сид попятился и встал в стороне вроде бы невозмутимо. Он восторженно взирал на Ананси-паучиху – едва ли не так же, как один бог восхищается особыми умениями другого: так Зевс осмысляет ловкость Нептуна в воде.

Эмер позвала Кона через пути:

– Если отвергнешь ее любовь, ей придется тебе подчиниться.

Кон, очевидно напуганный чуть ли не до паралича, осознал сказанное и крикнул в ответ:

– Ты уверена?

– Нисколько!

– Что?

– Попробуй!

Кон повернулся к Ананси и взмолился:

– Мама, прошу тебя, прекрати.

– Нет! – завопила Эмер. – Отвергни ее любовь, черт бы драл! Соберись!

Паучиха продолжала опутывать ноги Кона липкими прядями. Паутина добралась Кону до колен; он повернулся к великанскому членистоногому, занятому погребением его заживо – для дальнейшего питания.

– Я отвергаю тебя! – выговорил он, давясь страхом. Паучиха замерла на миг, а затем продолжила его обматывать.

– Громче! – проорала Эмер. – Скажи еще раз! Отвергни ее любовь! Будь королем!

Кон возвысил голос:

– Я отвергаю твою любовь!

Паучиха прервала движение, кошмарное отверстие в брюхе встревоженно разверзлось и смыкалось, словно ноздря загнанного зверя. Эмер видела, что Кон нащупал древний запас силы, удвоил усилия.

– Снимай паутину! – велел он. – Сейчас же!

Послушно, как собака, паучиха принялась разматывать Кона, вдыхая волокно обратно.

Кону пришлось скрыть и изумление и радость. Взбодренный, он вновь обратился к Эмер через пути:

– То, что ты сделала для меня, твои жертвы. Я теперь понял. Сид мне все рассказал. Рассказал, что ты сделала когда-то, в другие времена.

Паучиха, кажется, обнаружила новый повод для злости: она переключила внимание с Кона на Сиду и приближалась к нему, блистая клыками, расфыркивая ошметки крокодильей плоти.

– Ты! Ах ты ирландская затычка в каждой бочке! Ты с самого начала путаешься у меня под ногами, века напролет. Кухулина я, может, и не убью, а вот мелкому лакомству порадуюсь – блядской закуске вроде тебя. – Она выпалила по Сиду паутинной жижей, но тот ловко увернулся – его почти не задело, – легкий в шаге, как ирландский плясун.

– Эй-эй, полегче – смертяне дело говорят. Ты слово не сдержала – нарушила сделку с ним.

– Тут никто слово не держит! Карлик! Если она с ним соприкасается, не положено ли тебе забрать ее жизнь? Истоцились твои силенки, что ли?

– Может, я уж не тот демон, каким был, но помяни мое слово, паучиха, я все еще могу задать тебе адского жару на пятнадцать секунд.

– Да уж конечно, – продолжила Ананси, показывая одной из восьми ног на Эмер, – вот если бы она была мертва, Кухулин бы вновь меня полюбил.

– А, это верно, паучиха. Это верно. Эмер... – Сид позвал ее. – Это верно. Однако нас с тобой... – Тут он вновь обратился к Ананси: – Нас с тобой определяет то, откуда мы взялись,

наши древние любви и ненависти, да, но не определяет ли нас и способность приспособляться, наш сверхъестественный навык выживания?

Сид собрал с себя горсть паутины и сунул ее в рот, как сахарную вату, на которую она походила. Если пауки умеют краснеть, Ананси, вероятно, вспыхнула – или так показалось Эмер с того места, где она стояла.

– Ах ты ирлашка, ирландский коротышка, думаешь, можешь пару мне составить?

– Чего ж нет? – отозвался Сид, все еще с набитым паутиной ртом. – Понимаю, тебе это кажется отвратительным, и, вероятно, пара из нас выйдет смехотворная, пройдишь мы по улице, но я вот что скажу тебе, деваха: ты красотка, и, может, пришло время, после всех этих лет в Новом Мире, выпустить оружие из рук – в твоем случае из всех восьми – и обняться. Ты для меня – как я для тебя: твой выход и твой же вход.

Паучиха застыла, шесть из восьми ног замерли, глянула на Эмер, затем на Кона. Сид продолжил:

– Кажется, речь тут о гордости, а не о любви. Поверь мне, я знаю, что такое уязвленная гордость. Мне свою пришлось проглотить и принять иезуитские обеты – на сто последних лет! Я, гордый урожденный сын языческой Ирландии, – долбаный священник! – Боль и унижение Сида были неподдельными, и паучиха это заметила. – Разве не важно тебе лишь одно: чтобы тебя кто-то боготворил? Какая разница, красавец ли это ганкана, король или демон вроде меня? Разве не масштабнее покорить волшебное создание – такое, как я?

Сиду, пьяному от собственных чар, удалось подмигнуть Эмер. Ананси кивнула.

– Желаете приблизиться? – угрожающе спросила паучиха.

– О, весьма. Кажется.

Эмер это все не понравилось – она боялась, что сейчас опять прольется кровь. Предупредила:

– Осторожно, Сид.

Сид все же двинулся к паучихе. Потянулся к ее красному пупу.

– Ты отвратителен, – сказала паучиха демону.

– Я отвратителен? – Сид рассмеялся. – Ты когда последний раз в зеркале себя видела?

А, ладно, даже сквозь эту косматую шкуру я тебя вижу. Ты красавица.

Коротышка поцеловал паучиху в омерзительный клыкастый рот. Отстранился, глянул на Эмер и театрально прошептал:

– Не превосходно. Врать не буду, превосходно не было, но и не ужасно при этом. Первые поцелуи у меня случались и похуже. Как-то раз в графстве Голуэй, после долгой пьяной ночи... ну, это история на другой раз. – Он встал на цыпочки и вновь поцеловал слюнявую пасть.

И мгновенно, как по волшебству, Ананси опять стала собою ослепительной – с безупречной кожей и пронзительными желто-зелеными глазами, как у попугая.

– Я красавица, недоросток.

– Ты была красавицей много веков.

– Веков?

– С того первого раза, когда я на тебя глаз положил, ты-настоящая была скрыта под той Хэррихаузенной¹⁹² личиной – когда прибыла в эту страну четыреста лет назад.

– Прибыла? Ты хотел сказать, когда меня похитили. Поработили. Не по любви, а из жадности.

Сид продолжал говорить, словно заклинатель змей, – заклинатель пауков то есть. Пусть Ананси и стала красивой женщиной вновь, он по-прежнему доходил ей лишь до талии. Однако Сид пер на нее, топил ее в волнах слов – так вода точит камень.

¹⁹² Рэй Хэррихаузен (1920–2013) – американский художник, дизайнер, кинопродюсер, сценарист, постановщик спецэффектов.

– Нас обоих бросили люди. Мы оба одиноки. Я перехожу эту древнюю улицу, моя дорогая, моя паучиха... этот ирландский демон знает тебя как женщину, богиню, паучиху, плутовку, знает все твои имена, все, что ты есть, и любит тебя такой, какая ты есть, какой ты всегда была.

Сид, стоя на цыпочках, нежно, однако уверенно сцепил пальцы на заливке у Ананси, приблизился к ее лицу и поцеловал в третий раз. Теперь он обрел полное ее согласие. На середине этого долгого объятия он вытянулся, словно в зеркале из комнаты смеха, и стал красивее с нее ростом.

Сид улыбнулся, отступил назад, чтобы им обоим удалось в полной мере оценить его, и сказал:

– Любовь растит мужчину.

Ананси игриво склонила голову набок, зеленые глаза замерцали.

– Вся эта игра со смертями была ради меня? Чтобы до меня добраться?

– Хочешь, чтобы я сказал “да”?

– Да, подменьш. Это меня порадует.

– Тогда да. Все для тебя. Все было ради тебя. Нам положено быть подменьшами, богиня.

Приспосабливайся или умирай. А любовь – двигатель перемен, любовь – подменьш. Признай: Сид и Ананси – есть в этом что-то. У нас будут красивые могучие дети с неведомыми силами, – хвастливо добавил Сид.

Ананси улыбнулась.

– Не забегай вперед, парниша.

Эмер теперь верила всему, как дитя. Улыбалась, как дитя. Свободна. И Кон свободен.

Пока шла перепалка между Сидом и Ананси, Эмер почти напрочь забыла о Конне. Он убрался с платформы, где общалась сверхъестественная парочка, и теперь заорал Эмер:

– Нам тоже надо заново, Эмер!

– В каком смысле? – Опять это тяжелое чувство.

– Переизбыток истории – есть такая вещь, как переизбыток истории. Мы все испоганили. Я все испоганил. Я. Нам нужно с чистого листа. Я никогда не смогу воздать тебе за смелость и жертвенность. Я всегда буду в долгу перед тобой – как был перед Ананси. Это нас сгубило. Ничего не выйдет. Я хочу быть с тобой, но не так – не таким человеком, какой я есть. Ты была права на мой счет, Эмер, я ленился и спал.

Эмер почувствовала, как дрожит земля, дрожь нарастала. Должно быть, подземка заработала опять. Приближался поезд маршрута L¹⁹³.

– Ты доказала свою любовь ко мне, а я тебе – ничего и никогда.

– Это неправда! – возразила Эмер. – Ты доказал – только что!

Поезд надвигался. Эмер вытянула шею глянуть на противоположные пути и увидела свет фар.

– Уговор есть уговор, – сказал Кон.

– погоди. – Эмер крикнула Сиду: – Ты по-прежнему настаиваешь, что мне нельзя его видеть?

Сидни эхом повторил за Коном:

– Уговор есть уговор, а величайшее достояние человека – его слово, но, может, что-нибудь придумаем. Ананси, дорогая моя, как тебе кажется, может, распеленаем эту китаянку? Она будь здоров как сделки проворачивает.

Ананси глянула на окровавленный кокон, словно видела его впервые.

– О господи, какая жалость. У меня крышу сносит, когда я обличия меняю.

– Незачем извиняться, моя арахнида, – сказал Сид.

¹⁹³ L (Четырнадцатая улица – Кэнэрс) – маршрут нью-йоркского метрополитена, проходящий в Манхэттене и Бруклине.

Ананси с Сидом принялись разворачивать все еще дышавшую Мэй Вонг. Когда расчистили ей рот, Мэй одарила Ананси заслуженным проклятьем:

– Вот же сука ты, сука.

– Слыхал, Кон? – обнадеженно выкрикнула Эмер. – Может, что-нибудь придумаем. Все вместе.

– Нет, – мрачно отозвался Кон. – Никаких больше сделок. Никаких коротких путей, никаких полумер, никакого вранья.

Сид застонал:

– О Иисусе Христе, романтик. – А затем извлек телефон, чтобы записать происходящее.

– Эмер! – выкрикнул Кон и вперил взгляд в нее. Взгляды их встретились. Кон объявил: – Я иду за тобой.

Поезд пер вперед, и Эмер смотрела, как Кон делает еще один шаг к ней – спокойно, как человек, входящий в парк. Ступни у него оказались на бугристой желтой полосе предупреждения вдоль края платформы.

– Кон! – заорала Эмер. – Нет!

– До скорого! – пообещал Кон, делая еще один шаг к путям и приближавшемуся поезду; не сводя глаз с Эмер, на миг повис в воздухе, словно человек в полете, словно человек свободный.

А затем с мерзким стуком исчез.

И мир почернел.

Часть третья

*Что ж, опасности на скалах позади,
Но от мачты мне пока не отойти.
Может, смог я наконец-то дом найти,
Дом найти...*

“Стили Дэн”. “Наконец-то дом”¹⁹⁴

“Богизабытые”

Эмер закрыла глаза и изо всех сил попыталась отключиться от нервных шумов. Позволила случайным звукам свиться в неопределенную океаническую волну – слуховой прием, подобный тому, как можно расфокусировать взгляд. Чернота и пустота успокаивали. Темнота – ничто, а ничто означает, что бояться нечего, как говорил ее отец. Ничто перед чем-то. Ничто перед чем-то и после чего-то. Ничто было до того, как возникло что-то, и будет ждать, когда что-то кончится. Из ничто в ничто приходим мы и уходим. Эмер вдохнула это.

Ничто казалось ей утешительным. Утешительным настолько, что Эмер открыла глаза.

Добрый вечер. Меня зовут Эмер Ганвейл, и сегодня вечером я хочу прочитать вам свою новую работу под названием “Богизабытые”. Не желая быть пристрастной, я, как историк, ставший романистом, склонна предложить вам контекст, поделиться картиной мира, какой располагала, когда бралась писать эту книгу. Все случилось в тот кошмарный год выборов, со всеми разговорами о мужчинах и их страхах перед женщинами, о смене караула и с настоящей желчностью относительно иммиграции, терроризма и строительства той дурацкой стены. Я глубоко размышляла об иммиграции бога или богов тех людей, из каких бы стран они ни приехали – из Мексики, Сирии, Нигера, неважно. И о том, что наш ксенофобный отклик на них оказался двойственным – на них как физических существ, которые теперь станут расходовать наши драгоценные ресурсы, и как на духовных-религиозных существ, которые истощат наш монотеистический иудео-христианский ресурс, – и я задумалась о волнах духовной иммиграции, которые мы пережили как нация иммигрантов, и не зажатие ли по какой-то невротической нужде в чистоте и порядке этот наш теперешний отклик – а не размах и приятие.

Моя мама любила собак. Но сильнее всего она обожала дворняг. Говорила, что они внутренне благодарнее всех, а благодарность – “королева всех чувств”. Главное же, говорила мама, что у псов смешанных кровей есть “дворняжья живость” – в смысле безудержного стремления расширять собачий генофонд. И я задумалась: в пору первой инкарнации “Ориндж Джулиуса”¹⁹⁵ не лучшие ли идеям, богам и духовному здоровью придерживаться того же закона дворняжеской живости? В смысле, пусть победит лучшая женщина. Пусть лучшие идеи борются, трахаются и побеждают. Пусть выживают сильнейшие боги, и под сильнейшими я понимаю не самых могучих, а тех, которые помогают нам жить лучше всего и достигать полного и неоднозначного человеческого потенциала. Эта борьба – нравственное благо. Как писал Джон Милтон не один век назад в “Ареопагитике”: “Я не могу воздавать хвалу той трусливой монашеской добродетели, которая бежит от испытаний и воодушевления, никогда не идет

¹⁹⁴ “Steely Dan” (1971–1981) – американская джаз-рок-, фанк-, ритм-н-блюз-группа. “Home At Last” (1977) – песня из шестого студийного альбома “Aja”.

¹⁹⁵ “Orange Julius” (с 1926) – американская сеть торговых точек, продающих фруктовые соки.

*открыто навстречу врагу*¹⁹⁶. Идеям полагается вступать в ту же дарвиновскую борьбу, что и всему остальному живому. Всем плескаться!

Но получается какая-то лекция, а я собиралась создать для всех вас нечто радостное – повесть. Отчасти летопись, отчасти “косматую собаку”¹⁹⁷ или рыбацкую байку – рыбопись, если угодно. Вне всякого морализаторства, понимаете ли, хотела я написать нью-йоркский документар, какой переливается из черного в белый, а следом в полноцветный, стоит вам только сморгнуть.

Эмер глубоко вздохнула, открыла книгу, лежавшую перед ней. Начала читать из своего блистательного труда.

¹⁹⁶ Пер. под ред. П. Когана.

¹⁹⁷ Так называются длинные многословные истории, подаваемые слушателям/читателям как юмористические, но развязки у них, в отличие от традиционных анекдотов, обескураживающи либо абсурдны.

Наконец-то дом

Шла вечеринка по случаю ее чтений, в руке у Эмер – бокал вина, Иззи – под боком.

– Это пока твоя лучшая работа, – сказала Иззи, уже очень тепленькая. – Раньше было хорошее, но я чуяла, потому как я тебя знаю, что ты пишешь процентов на двадцать тупее себя, а вот теперь ты как-то ухитряешься писать на пятьдесят процентов умнее себя, а это на целых пятьдесят процентов умнее меня, а потому я понятия не имею, что за херню я тут несу, потому что какая-то старая дама, русская еврейка, плеснула мне “манишевица”¹⁹⁸ из фляжки “Гуччи”, без всякого бля говорю, я в хлам, как еда на Песах, как бат-мицва Яэль Хоровиц, о-о-о, хочу тебя познакомить кое с кем, кто хотел с тобой познакомиться. Я осмысленное что-то сказала? Пойду найду его еще раз. – И Иззи умелась посреди своего монолога – искать жертву.

Эмер пошла проверить, как там отец, – его разместили посреди зала в инвалидном кресле; Джинь-джинь, как всегда, при отце. Эмер приблизилась и спросила:

– Как тебе тут, папуль?

Джим Ганвейл подначил дочь:

– Все понравилось, Билл, но Джинь это все показалось херней полной.

– Неправда, – запротестовала Джинь, осторожно, однако радостно смеясь, привычная к суровому остроумию старика.

– Ну, – произнес отец, – я жду, когда ты мне прочтешь все целиком, Билл. И я не понимаю, почему люди считают это романом, – по-моему, это, черт бы драл, попросту история Нью-Йорка.

Она поцеловала его в макушку, а когда выпрямилась, заметила, как ей из угла улыбается какая-то пара. Высокая черная женщина в дредах и ее очень красивый, очень ирландский с виду спутник. Рядом со своим отцом стоял юноша смешанных кровей – наверняка их сын. Какой-то проходивший мимо господин потрепал мальчика по голове. Эмер заметила, как глаза у него сделались красные, а буйная шевелюра-афро словно бы превратилась в змеиное гнездо. Отец мальчика склонился к нему и прошептал что-то успокаивающе. Глаза у того опять стали зелеными, змеи сделались волосами. Отец глянул на Эмер, пожал плечами и произнес одними губами:

– Сиквел.

Тут вмешалась Иззи – она тащила за руку какого-то мужчину. Мужчина, казалось, и смущен, и очарован напором Иззи. Красивый, какими бывают воспитанники Лиги Плюща, держался эдак взъерошенно и твидово – умненькие девочки в колледжах к таким липнут. Протянул Эмер ладонь, и она почувствовала, как от его руки к ее пробегает ток, и так это показалось ей поразительно, что захотелось проверить, не прячет ли он в руке какой-нибудь дешевенький шокер. Пришла в себя, заговорила первой:

– Здравсьте, я Эмер Ганвейл.

– Я знаю, кто вы. Только что провел полтора часа в тенетах вашего воображения. Фу, какой ужасный подкат.

– Сойдет.

Иззи подсказала:

– У тебя имя есть?

– Ой блин, что у меня за манеры. Мое имя Кухулин Констанс Удал.

– Иисусе, поди выговори.

¹⁹⁸ “Manischewitz” (с 1888) – ведущий американский производитель кошерных продуктов, в том числе и вина.

– Это она так сказала, – подсуетилась Иззи с потасканной шуточкой¹⁹⁹, а затем продолжила – в ответ на взгляд Эмер: – Поспешила? Поспешила.

Новый знакомый продолжил:

– Я профессор сравнительного религиоведения – вообще-то нет, не так, ассистент... профессора сравнительного религиоведения в Новой школе²⁰⁰, ну, опять-таки, в... филиале Новой школы.

Эмер улыбнулась.

– Вы честный человек, Кухулин Констанс Удал.

– Некоторые зовут меня КК, или Кен, или Кахулиган, но Кон вполне сойдет. Знаете, у меня такое чувство, что мы уже встречались. Иисусе, еще один подкат. Мне стоит просто убрать, пока я еще не все достоинство растерял.

Иззи удержала его за руку.

– Не уйти тебе. Мы тебя поймали.

Он улыбнулся.

– Я своим второкурсникам каждый год даю “Читай с оглядкой, богиня”.

Эмер ответила улыбкой.

– Глядишь, продолжат допечатывать, раз так, спасибо.

– Скажу больше: вы приходили с лекцией к моим студентам лет пять-шесть назад. Значит, мы все же встречались. Кратко.

– Простите, не помню.

– Я довольно забываемый, это, пожалуй, моя самая памятная черта.

Иззи, в общем и целом, пускала слюни в сторонку.

– Видишь, да? Есть в нем вот это забавное, самоуничижительное что-то, девчонки будь здоров как врубаются в это дело. И забавное, и пижонисто-умное в одной тарелке. И смазливый к тому же, ешь он в постели крекеры – я бы его не вытурила. Давай, ну, скажи ей, что она гений. Эмер, предъяви попец – пусть от этого жара прикурит.

– Иззи.

– Это все из-за вина! *Ин вино веритас*²⁰¹, королева.

Кон глянул на Иззи с нежностью, а затем вновь обратился к Эмер, заметив, что она своей буйной подруги не стесняется, и ему это понравилось.

– Я с радостью гляну. Считаю, у вас крепкие *кохонес*²⁰², могучие крепкие *кохонес*.

Эмер кивнула.

– Ладно. Спасибо? Продолжайте.

– Я думаю, что полиция политкорректности осадит вас по всем флангам за стереотипизацию и небрежное обращение с культурными реалиями, но, думаю, вам плевать; думаю, что это все красные тряпки для быков, которые бычат; думаю, вы играете вдлинную.

– Не могу не согласиться. В смысле, мои могучие крепкие *кохонес* не могут не согласиться, – сказала Эмер.

– И я не могу, – встряла Иззи, – потому что понятия не имею, о чем вы тут вообще.

Кон шагнул навстречу Эмер. Она впервые заметила, какой он высокий, пришлось вскидывать взгляд, чтобы смотреть ему в глаза. Ей это понравилось.

– Можно задать вам вопрос?

Эмер кивнула.

– Вы действительно верите в прошлые жизни? Или это просто троп такой?

¹⁹⁹ Отсылка к реплике персонажа Уэйна, сыгранного канадским комиком Майком Майерзом, из комедии “Мир Уэйна” (1992).

²⁰⁰ Новая школа (с 1919) – частный исследовательский университет на Манхэттене.

²⁰¹ Истина в вине (*лат.*).

²⁰² Яйца (*исп.*).

– Нет, не очень. Троп, думаю. Ну, я считаю, что вера – отговорка от жизни или попытка найти с виду логическое толкование неопишному позору или необъяснимой удаче – первоначальному греху или кальвинистской предопределенности – на основании бывших поступков неисповедимого исполнителя.

– Или же попросту не брать на себя полной ответственности за собственную жизнь? – добавил Кон. – Думаю, замысел будущего, надежда на него в виде плана или даже пожелания – возможно, способ не отдавать должного настоящему, жить отрицая. В смысле, надежда и страх – они же на самом деле...

– Внебрачные братья? – договорила за него Эмер.

Они встретились взглядами – словно происходило сразу два разговора одновременно, один слышимый, а второй бессловесный. Эмер вспомнились строки из Китса. Что-то вроде “рожденные мелодии волшебны, волшебней те, что не коснулись слуха”²⁰³ Задумалась, не произнести ли это в голос.

Иzzi сказала:

– Неисповедимый исполнитель? Это какой-то такой? Типа как Мэтью Макконахи?²⁰⁴ Эта беседа явно требует больше вина, нежели я в данный момент располагаю.

– Я считаю, – развила мысль Эмер, – скорее вот как: наши жизни происходят одновременно на разных планах, это очень, очень глубокое настоящее. И пусть это не так с научной точки зрения, здесь есть философская истина в прагматическом смысле.

Кон кивнул:

– Не откладывая на завтра то, что можно сделать сейчас же.

– Придуриваетесь?

– А-бля-солютно нет, – отозвался он.

– Ой блин, – проговорила Иззи с каменным лицом, – он на полном серьезе.

– Умеете вы обращаться с наречиями, Кон, – сказала Эмер.

Все улыбнулись, примолкнув, и некоторое время переглядывались.

– Хотите еще о чем-нибудь спросить? – обратилась Эмер к Кону. – Что-то мне подсказывает – хотите.

Выпучив глаза, Иззи сценически зашептала так громко, что могла бы прервать разговор и в десяти футах от них:

– Она не замужем!

– Все так и есть, – согласилась Эмер.

– И я нет, – сказал Кон.

Иzzi выпалила:

– Дело в шляпе. Она то, что надо.

Иzzi дала задний ход и пошла искать еще шардонне.

Кон задал свой вопрос:

– Видится ли вам эта история – эта история любви – как развивающаяся в неисчерпаемых вариациях? Или вы хотите сказать, что вот эта, которая завершается тем, что мужчина приносит предельную романтическую жертву ради женщины в вечной борьбе между жизнью и работой без изъяна, есть воплощение лучшего из всех возможных миров?

– Я писатель, я не “хочу сказать” что-то – я пишу вокруг этой мысли.

– *Туше.*

– Но, наверное, я “хочу сказать”, что, да, существуют неисчерпаемые вариации любовной истории, но лучший исход, лучший из возможных миров – тот, в котором мы с вами сейчас.

²⁰³ Из “Оды греческой вазе” Джона Китса, пер. Я. Пробиштейна.

²⁰⁴ Мэтью Дэвид Макконахи (р. 1969) – американский актер, кинорежиссер, сценарист, продюсер

В это приходится верить ради сохранения собственного рассудка, и этот финал, финал, начертанный Судьбой, о котором договорились моя книга и эта публика, – лучший финал.

– Иначе говоря, вы не знаете, чем все закончится. – Он улыбнулся.

– Понятия не имею.

– Я надеялся, что вы так скажете.

– Думаю, тут разговор более долгий.

– Вероятно, вы правы. Я бы хотел в нем участвовать.

– Может, и получится. Но не сегодня. Потому что мне надо еще потолковать вон с теми ребятами из Голливуда, с голливудцами, – о продаже моей души Мишургороду.

– Ой, такой финал мне не нравится, – сказал Кон.

– Тогда оставайтесь на нашей волне, – отозвалась Эмер. – Была рада с вами познакомиться, Кухулин, КК, Кон, в смысле, хочу я сказать, рада была вновь с вами познакомиться. До встречи.

– И я рад был вновь увидеться.

Они пожали друг другу руки, и Эмер ощутила электрический заряд новизны, прошедший по руке, – и порыв не прекращать рукопожатие.

Эмер отправилась в другой угол зала поговорить с какими-то агентами, пожелавшими превратить ее видение в серию фильмов о богах, попарно рождающих отпрысков Нового Мира с гибридными волшебными способностями. Кон, которому внезапно стало одиноко и неловко, пошел забрать пальто, но Иззи, возникнув из ниоткуда, как хмельное привидение, сцапала его руку и сказала:

– Никуда не уходи, идиот.

– Что?

– Паря, она вернется.

И словно по команде, Эмер отошла от голливудских ребят и направилась к Иззи и Кону, Иззи при этом сценически пробормотала:

– Ух ты, быстрее, чем я думала.

– Кон? – проговорила Эмер.

– Да, Эмер.

– У меня день рождения.

– Правда?

– Да, – сказала она и отрицательно покачала головой.

– Двадцать девять?

– Примерно, да.

– Ну, тогда, если дадите мне фору, я бы добыл вам что-нибудь в подарок, – сказал он.

– Очень мило.

Они вперились друг в дружку. Иззи, дыша вином, буркнула вполголоса:

– И совсем не неловко.

Кон улыбнулся и спросил:

– Есть желания?

Эмер даже думать не пришлось. Пожелала.

– Да. Желание. Хочу куда-нибудь пойти, сейчас же, Кон. С вами.

– Никогда не откладывай на завтра то, что можно сделать сейчас же, – сказал Кон.

Ямайка-Ц.0

Час пик давно миновал, поэтому в вагоне совсем не битком. Эмер с Коном входят в вагон и тут же отыскивают свободные места. Машинист приветствует только что вошедших и тарыхтит названия следующих остановок.

– Легко свидания раздаешь, – говорит Кухулин.

– Это тебе так кажется, – отвечает Эмер.

Машинист завершает оглашение маршрута:

– Последняя остановка – Ямайка. Осторожно, двери закрываются.

Поезд содрогается и движется вперед, исчезает в знакомом неведомом надвигающемся тоннеле. Эмер берет Кона за руку, мир снаружи меркнет и тает.

Ямайка ума

Пожилая пара идет по пляжу рука об руку. Им, возможно, за восемьдесят, если повезло. Это пляж в Коста-Рике или, может, на Ямайке. Или на Ямайке ума. Нам это неизвестно. Пляж почти безлюден, если не считать мальчонки, который сидит там каждый день с камерой-“полароидом”; при нем стеклянные бутылочки. Его зовут Руджеро, или Сильвестр, или Сидни. Поди знай. Он придумал себе миленькое вымогательство.

Пожилая пара – они называют себя Кон и Эмер – проходит мимо мальчика, и он навязчиво просит их позировать для фото. У них с собой несколько баксов, и потому они сдаются. Он фотографирует их, достает из побитого погодой рюкзака светло-зеленую стеклянную бутылочку и пробку, велит старикам загадать желание, положить фотокарточку в бутылку, запечатать и бросить в океан – пусть судьба заберет ее, говорит он; вот прямо так и говорит:

– Пусть судьба несет ее.

Пожилой паре эта задумка нравится. Им нравится мысль о совместной жизни в бутылке, нравится, что судьба понесет ее. Они суют фотокарточку в горлышко зеленой бутылки и накрепко затыкают ее пробкой. Старик, Кухулин Констанс, назван в честь добродетели постоянства, но друзья зовут его Коном, как в картах; у него болят плечи, но он замахивается, как заправский игрок, каким был когда-то, и изо всех сил забрасывает бутылку в море. Она падает гораздо ближе, чем он надеялся, и старик пожимает плечами: я уж не тот, что прежде. Эмер устремляет на него взгляд, который говорит: все в порядке, я помню тебя таким, как прежде.

Тем не менее бутылку уносит за маленькие волнорезы, и волна не тащит ее тут же обратно к берегу, а отпускает болтаться все дальше в море.

Кухулин и Эмер садятся на песок и смотрят, пока бутылка не исчезает из виду. Им то и дело кажется, что она потерялась, однако через миг вновь замечают ее в волнах. Глаза их уже подводят. Пару раз бутылка хлопает крыльями и улетает, и они понимают, что смотрели на чайку. Смеются волшебству ошибочного восприятия.

Через час с чем-то не остается больше ни брызг, ни барашков для разглядывания; бутылка ушла на дно, или в брюхо киту, или уплыла к новым землям, новым временам, обрела будущее, о котором им никогда не узнать, достигла новых параллелей и параллельных жизней.

Жить им осталось недолго, но однажды кто-то найдет ту бутылку и задумается, кто эти незнакомцы на фотографии. Кто-то сочинит истории об этих незнакомцах и их похождениях. И некоторые истории окажутся правдой.

Все они окажутся правдой.

ВОЗМОЖНЫЙ КОНЕЦ

Благодарности

Громадная благодарность моему редактору Джонатану Галасси, чья несгибаемая вера, поддержка и крепкая рука всякий раз, когда мы настойчиво шли вперед, учили меня писательству. Три романа с тобой, а без тебя – ноль. Моему агенту Эндрю Блаунеру, которому как-то удается видеть меня и как-то все еще в меня верить. А также Элеанор Чаи, которая давным-давно, когда я предложил эту историю и главной героиней в ней была женщина по имени Моды, сказала, что тут что-то есть. Я бы сдался, если б не это. Спасибо тебе, Крис Картер, за двадцать лет, которые ты показываешь мне, слишком безрассудному, влюбленному в слова студенту/актеру, подавшемуся в самоволку, красоты и важность сюжета и структуры в невероятном. Благодарю я и факультет 1970-х в Университетской школе, где меня познакомили с Йейтсом и научили писать, – Джима Шилдза, доктора Стоуна, Босса Бреймера и пр. Спасибо Марии Ди Баттисте, втолковавшей мне Вулф и Беккета, когда мне было девятнадцать, и продолжившей наставлять меня по сей день. Моей сестре Лори, заправской учительнице, одарившей меня сокровищами педагогических историй. Шантал Кларк – за ее рассудительную и потрясающую помощь в изысканиях к этой книге. И наконец, Рэчел Чэпмен и блистательным студентам Йеля (вы знаете, кто вы, а я нет), поставившим Йейтсову “Единственную ревность Эмер” еще в 1985-м или около того, из которой я узнал о той причудливой влюбленности, и она засела у меня в мыслях на все эти годы и ждала, как боги, своего черед, ждала...